

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

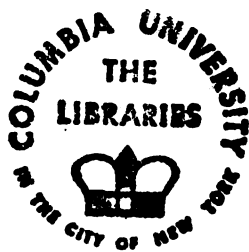
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ButlStax

947.03

N5993

Crossle

4p

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О РУССКОМЪ РАСКОЛѢ.

(ПО ПОВОДУ БРОШЮРЫ: «ЗЕМСТВО И РАСКОЛЪ» А. ЩАПОВА 1862 Г.)

ЭКСТРАОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

ИВАНА НИЛЬСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1864.

947.03
N 5993

38-37509

(Изъ „Христiанскаго чтенiя.“ Часть II. 1864 года.)

ВЪ ТИПОГРАФIИ ДЕПАРТАМЕНТА. УДЪЛОВЪ

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О РУССКОМЪ РАСКОЛѢ.

(по поводу брошюры: „Земство и расколъ“, А. Щапова, 1862 г.)

Никто, надѣмся, не будетъ спорить, что расколъ составляетъ въ настоящее время одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, изслѣдованіемъ котораго должна заняться съ полнымъ вниманіемъ не только литература, но и сама власть какъ духовная, такъ и свѣтская. Литературѣ предстоитъ блестящее поприще вывести на свѣтъ Божій закулисныя тайны раскола и разъяснить обществу двухвѣковую страдальческую жизнь отдѣлившихся отъ него членовъ. Тогда, быть можетъ, видно будетъ, что нужно сдѣлать для примиренія братій съ братьями. На власти духовной лежитъ священная обязанность—отыскать средства для успокоенія немощной совѣсти милліоновъ христіанъ, для которыхъ вѣчное спасеніе составляетъ предметъ до того дорогой, что ему жертвуется всѣмъ, нерѣдко самую жизнь, Правительство свѣтское имѣетъ свои причины такъ или иначе покончить дѣло съ расколомъ. Въ немъ оно встрѣчаетъ перваго и самаго сильнаго противника всѣмъ своимъ прогрессивнымъ стремленіямъ. А послѣ этого само собою понятно, что вопросъ: что такое расколъ? становится вопросомъ первой важности. Рѣшить его правильно значить ни больше, ни меньше, какъ указать средства, которыя одни и могутъ быть дѣйствительными къ уврачеванію больныхъ.

Что же такое расколъ? Читатели наши, зная, конечно, какъ давно и много пишутъ объ этомъ предметѣ, пожалуй, сочтутъ вопросъ нашъ если не пустымъ, то, по крайней мѣрѣ, излишнимъ, рѣшеніе котораго можно найти въ любой книгѣ о расколѣ. Къ сожалѣнію, на самомъ дѣлѣ мы видимъ не то. Не говоря уже о сочиненіяхъ по расколу давно минувшихъ дней, которыя знакомятъ насъ больше съ внѣшними отличіями раскола отъ православія, чѣмъ съ самою сущностью дѣла, даже въ книгахъ о расколѣ послѣдняго времени трудно, если не невозможно, найти прямой, опредѣленный, цѣлый, а главное—справедливый отвѣтъ на предложенный нами вопросъ. „Надо откровенно сознаться, говоритъ одинъ современный намъ изслѣдователь раскола (1), что въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ ни русская администрація, ни русская литература ничего почти не сдѣлали для разъясненія этого предмета, предмета темнаго, нелюбимаго свѣта, и къ тому же, по стеченію обстоятельствъ, на долгое время поставленнаго въ потемки тайны. Администрація сначала воздвигала костры, потомъ собирала подать съ бороды и рядила раскольниковъ въ кафтаны съ козыремъ и знакомъ на вороту, а въ послѣдствіи облекла все дѣло раскола въ непроницаемую канцелярскую тайну. Литература сперва величаво и подробно рассуждала о томъ, сколькими пальцами, ради спасенія души, надо креститься и сколько разъ говорить аллилуія, а потомъ стала искать въ расколѣ воображаемыхъ качествъ, основывая свои воззрѣнія не на личномъ знакомствѣ съ расколомъ и раскольниками и не на взглядѣ ихъ на рели-

---

(1) Письма о расколѣ *Мельникова*, 1862 г., стр. 2 и 3.

гію и соціальныя отношенія. Теперь, когда мы пережили и страшную пору костровъ, и темную пору схоластическаго словопренія о сложеніи перстовъ и ходахъ по — солонь, теперь, когда все это признаю несчастны ми и неудачными попытками уничтожить расколъ, теперь мы знаемъ о немъ все-таки не больше того, сколько знали наши дѣды и отцы, во времена страшныхъ костровъ, странной тайны и темной, раздражительной, схоластической полемики. Мы даже меньше ихъ знаемъ, ибо больше, чѣмъ они, удалились отъ простаго народа.“ А что слова эти не риторика, а горькая правда, въ этомъ можетъ каждый убѣдиться тѣмъ разнообразіемъ взглядовъ на расколъ, какое находимъ мы въ литературѣ послѣдняго времени. Одни, напр., видятъ въ расколѣ невѣжественную, развратную толпу, другимъ онъ кажется лучшею, передовою и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи частью нашего простонародья. Одни смотрятъ на расколъ, какъ на окаменѣлый остатокъ русской старины церковной и гражданской, другіе находятъ въ немъ такія либеральныя и прогрессивныя стремленія, до какихъ православные еще не додумались и не скоро додумаются. Есть писатели, которые утверждаютъ, что расколъ—чисто религиозное явленіе, другіе, наоборотъ, даютъ ему значеніе гражданское, политическое. Наконецъ, по мнѣнію однихъ, въ расколѣ, кромѣ нерасположенія его къ церковной и свѣтской власти въ слѣдствіе религиознаго разномыслия съ одной и немиролюбиваго отношенія къ нему другой, нѣтъ ничего больше, по другимъ, расколъ— оппозиція правительству церковному и гражданскому— съ демократическими тенденціями. Всякій согласится, что такое множество различныхъ взглядовъ на расколъ

прямо показываетъ, что онъ остается являемъ еще неразгаданнымъ.

Г. Щаповъ смотритъ на расколъ съ своей точки зрѣнія. По его мнѣнію, расколъ есть ничто иное, какъ оппозиція податнаго земства противъ всего государственнаго строя—церковнаго и гражданскаго (стр. 28), какъ отрицанье массою народною греко-восточной никоніанской церкви и государства или Имперіи Всероссійской съ ея иноземными чинами и установленіями (стр. 30). Надѣмся, читатели наши знаютъ, съ какимъ умиленнымъ восторгомъ отнеслась литература къ такому взгляду на расколъ г. Щапова. По мнѣнію большинства, г. Щаповъ сказалъ послѣднее и самое правдивое слово о расколѣ. Онъ разгадалъ тайну, о которую такъ долго разбивалась проникательность другихъ писателей, онъ нашелъ смыслъ въ расколѣ, котораго не видѣли въ немъ въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ,—его взглядъ на расколъ, какъ основанный на изученіи исторіи, а не на бесплодныхъ умствованіяхъ, долго и долго проживетъ въ лучшей нашей литературѣ; по крайней мѣрѣ *теперь* сказать противъ него рѣшительно нечего ⁽¹⁾. Послѣ такихъ отзывовъ о взглядѣ г. Щапова на расколъ, кажется, дѣло слишкомъ рискованное *смытъ свое* сужденіе имѣть какъ о расколѣ вообще, такъ въ частности о пониманіи его г. Щаповымъ. И однакожь мы позволяемъ себѣ эту смѣлость не изъ желанія лишь не согласиться съ тѣмъ, что признано большинствомъ за несомнѣнное и чрезъ то заявить свою самостоятельность,—мы еще не на столько знаемъ рас-

---

(1) Этотъ панегирикъ находится особенно въ XLIV № «Сына Отечества» за 1862 годъ.

коль, чтобы могли считать себя въ правѣ судить объ немъ, не подчиняясь такимъ авторитетамъ, каковъ—г. Щапова,—а просто по любви къ истинѣ, которою, разумѣется, руководствовался въ своихъ изслѣдованіяхъ и г. Щаповъ, и которая, намъ кажется, неотыскана еще имъ окончательно.

И прежде всего мы находимъ несовсѣмъ вѣрною общую мысль г. Щапова, будто расколъ есть оппозиція только *податнаго земства* противъ всего государственнаго строя церковнаго и гражданскаго. Подъ податнымъ земствомъ г. Щаповъ, какъ и слѣдовало ожидать, разумѣеть „весь *простой народъ*,—земскихъ людей, гостей, купецкихъ и посадскихъ людей, крестьянъ, стрѣльцовъ, казаковъ“ (стр. 32 и 59). И однакожь исторія свидѣтельствуетъ, что расколъ находилъ себѣ послѣдователей и въ роскошныхъ палатахъ бояръ и князей, и въ скромныхъ хижинахъ протопоповъ и поповъ, и въ тихихъ кельяхъ архіереевъ, архимандритовъ, іеромонаховъ и вообще иноковъ. Однимъ словомъ: лица всѣхъ сословій и званій, не исключая самыхъ высшихъ, часто становились на сторону раскола и связывали свои интересы съ земствомъ. И это было не только тогда, когда расколъ, какъ явленіе новое, могъ имѣть обаяніе новизны, но и послѣ, когда быть послѣдователемъ его стало дѣломъ небезопаснымъ. Такъ мы знаемъ, что даже въ прошломъ столѣтіи къ числу лицъ, сочувствовавшихъ расколу, принадлежали и епископы въ родѣ Игнатія тамбовскаго, и князья, напр., „бояринъ-князь Иванъ Ивановичъ Хованскій“ (1), или „князь Ефимъ Васильевичъ Мещерскій“ (2), и протоіереи и священники

(1) Раскольничьи дѣла XVIII стол., т. I, стр. 5—8.

(2) Раскольничьи дѣла, т. II, 194—5.

и другія лица, невходившія въ составъ земства, въ родѣ, напр., пензенскаго помѣщика Левина, тамбовскаго дворянина Игнатія Иванова, княгини Марьи Алексѣевны Львовой и др. (¹). Правда, подобныхъ раскольниковъ-аристократовъ мы можемъ насчитать въ прошломъ столѣтіи очень мало сравнительно съ числомъ раскольниковъ изъ земства. Но подобное явленіе можно объяснить не тѣмъ только, будто расколъ защищалъ интересы только земства и, слѣдовательно, людямъ непринавлежавшимъ къ этой категоріи, не было расчета дѣлать ся его послѣдователями, а и тѣмъ, что статистики раскола въ данное время, хотя бы, напр., за прошлое столѣтіе, у насъ еще нѣтъ, слѣдовательно, можетъ быть, исторія откроетъ намъ, кромѣ извѣстныхъ, еще другихъ послѣдователей раскола не изъ земства; а главное, лица болѣе образованныя, чѣмъ земскіе люди, могли вести дѣла свои такъ искусно, что, и принадлежа всей душой расколу, казались, когда этого требовали обстоятельства, вполне православными. Въ подтвержденіе этой послѣдней мысли мы укажемъ на слѣдующій поразительный примѣръ. У князя Меншикова, любимца и приверженца Петра I, такъ сурово относившагося къ расколу, былъ духовникъ попомъ Лебедева— зачатый раскольникъ, который, покровительствуя своимъ собратіямъ, велъ себя, однакожь, до того осторожно, что Меншиковъ и не подозрѣвалъ въ немъ раскольника (²). Если же въ настоящее время расколъ сосредоточивается по преимуществу въ земствѣ (³), это

(¹) Раскольничьи дѣла XVIII стол., т. I, стр. 44, 614, 618, снес. стр. 188.

(²) Раскольн. дѣла, т. I, стр. 13.

(³) Мы сказали по преимуществу, потому что и въ недавнія времена въ сектанствѣ были обличены лица высшихъ сословій. См. Исторію Миинстер. внутрен. дѣлъ, кн. 8, 1863 г., стр. 192, 315 и др.

значитъ только, что люди болѣе развитые и образованные, чѣмъ купцы, мѣщане и крестьяне, могли убѣдиться въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ, что полагать спасеніе въ двуперстѣ или въ сугубой алмазѣ—значитъ слишкомъ узко смотрѣть на дѣло вѣры, или считать существовавшей порядкомъ вещей антихристіанскимъ значить не понимать истиннаго христіанства. Есть и другія причины указанному явленію. Какъ бы искусно ни рисовали *некоторые* мрачную сторону раскола, во всякомъ случаѣ нельзя не сознаться, что онъ требуетъ не крайней мѣры отъ своихъ послѣдователей жизни болѣе простой, трезвой, церковной, чѣмъ какая замѣтна въ классахъ болѣе образованныхъ, въ сословіяхъ высшихъ. И если во времена Алексѣя Михайловича и даже Петра Перваго, сами бояре непрочъ были считать проклятымъ зелѣмъ табакъ, видѣть образъ Божій въ бородѣ, осмотрѣть, какъ на бѣсову потѣху, на театрѣ и другія увеселенія, полагать спасеніе въ томъ, чтобы не ѣсть въ постъ рыбы и проч. и проч., то послѣ, особенно со временъ Екатерины II, когда философія энциклопедистовъ, бывшая въ милости у самой Императрицы, перевернула убѣжденія въ русскихъ головахъ, когда быть преданнымъ вѣрѣ значило сдѣлаться посмѣвищемъ для другихъ, когда жизнь высшихъ классовъ, а за ними и среднихъ—по подражанію, получила направленіе чисто-мірское, житейское, когда соблюденіе древнихъ народныхъ обычаевъ стало считаться признакомъ отсталости и невѣжества, когда, по остроумному выраженію одного проповѣдника XVIII столѣтія, большинство „въ постъ святой за курочку душу готово было промѣшивать“,—понятно, послѣ такого рѣзкаго переворота въ жизни нашихъ высшихъ классовъ не-

Ч. II. 4

много можно было найти между ними людей, которые рѣшились бы, слѣдуя расколу, обречь себя на многочисленные земные поклоны, на строгіе посты, на точное соблюденіе другихъ религіозныхъ обрядовъ. Только народъ, еще не заразившійся иноземными обычаями, неподдавшій въ себѣ нравственно-религіознаго чувства, но въ то же время все еще стоящій на самой невысокой степени умственнаго и религіознаго развитія,—только народъ можетъ въ настоящее время увлекаться строго-степенной доктриной раскола и быть въ состояніи устроить по ней свою безъискусственную жизнь. Вотъ, по нашему мнѣнію, причины, по которымъ расколъ въ наше время, какъ и прежде, сосредоточивается, главнымъ образомъ, въ простомъ народѣ, въ низшихъ слояхъ общества.

Но не въ томъ одномъ ошибка г. Шапова, что онъ ограничилъ послѣдователей раскола только податнымъ земствомъ. Главная ошибка его заключается во взглядѣ его на самый расколъ. По мнѣнію г. Шапова, расколъ—это оппозиція земства противъ всего государственнаго строя—церковнаго и гражданскаго,—отрицанье массою народною греко-восточной никоніанской церкви, и государства или Имперіи Всероссійской съ ея иноземными нѣмецкими чинами и установленіями. При первомъ взглядѣ на дѣло, мнѣніе г. Шапова кажется вполне справедливымъ. Что раскольники недовольны не только господствующею церковію, но и существующимъ государственнымъ устройствомъ, это, кажется, истина, которую давно сознавали всѣ и само правительство. Еще Петръ I, задѣвшій своими реформами самыя живыя и чувствительныя струны народа, видѣлъ, что расколъ затѣваетъ „измѣну или бунтъ на

государя или на государство⁴, т. е. противится государственными реформамъ, какія вводилъ Великій Преобразователь. И послѣ Петра до послѣдняго времени всѣ знали, что расколу не нравятся между прочимъ и многія гражданскія учрежденія и порядки. И если писатели прежняго времени не останавливались *особенно* на этой сторонѣ раскола, то не потому, чтобы не замѣчали ея, а просто потому, что причиной нерасположенія раскольниковъ къ свѣтской власти и ея учрежденіямъ считали религіозные принципы раскольниковъ, которые прежде всего и старались опровергнуть. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ такъ смотрѣлъ на дѣло и самъ г. Щаповъ ('). Въ брошюрѣ: „Земство и расколъ“ мы видимъ уже совершенно другое. Здѣсь нѣтъ уже длинныхъ разсужденій о мертво-обрядовомъ направленіи религіозной жизни большинства нашихъ предковъ, о суевѣрной привязанности ихъ къ одной внѣшней буквѣ, о мистико-апокалипсическихъ возрѣніяхъ раскольниковъ не только на разнаго рода церковныя исправленія, но и на гражданскія преобразованія, чѣмъ объяснялъ появленіе и распространеніе раскола г. Щаповъ въ своемъ первомъ трудѣ. Тутъ совершенно другая рѣчь. Религіозные принципы, преслѣдуемые раскольниками, это — ни больше, ни меньше, какъ внѣшняя оболочка раскола, которою онъ прикрываетъ совершенно другія цѣли, неимѣющія никакого отношенія къ вѣрѣ и церкви. Догматы и обряды, защищаемые раскольниками, это — только личина, подъ которою они скрываютъ чисто-политическія тенденціи. Самое убѣжденіе, будто нынѣ уже царствуетъ антихристъ, не имѣетъ для

(') См. его „Русскій расколъ старообрядства“, 1859 г., стр. 87—132.

раскола, по мнѣнію г. Шапова, никакого жизненнаго значенія, не составляетъ главнаго мотива его жизни и дѣятельности, а есть только апокалипсическая оболочка, которою раскольники прикрываютъ свои реальныя, практическія, положительныя, непосредственно-жизненныя цѣли (стр. 89—91). Мало этого: желая доказать, что у раскола нѣтъ рѣшительно никакихъ религиозныхъ интересовъ, г. Шаповъ говоритъ, что расколъ, сосредоточившись въ массахъ земства, и не можъ взять на себя защиты вѣры, такъ какъ „христіанства, въ его подлинномъ, полномъ ученіи, въ греко-восточныхъ преданіяхъ, крестьяне большею частію не знали, да и знать не могли, потому что они, по словамъ псковскаго архіепископа Маркелла, какъ „люди зѣло простые, отъ временъ Владиміра и до XVII вѣка научились только именамъ: Христось, Богородица, въ молитвахъ своихъ только и произносили эти имена, и молились всякъ по своему разумѣнію, „елико кто что умѣюще“. Притомъ самая бѣльшая часть великорусскаго народа была не что иное, какъ крещеная, обрусѣлая Чудь, Финны; слѣдовательно, эта половина крестьянскаго населенія еще менѣе могла познакомиться съ христіанствомъ по греко-россійскимъ церковнымъ книгамъ, и слѣдовательно еще менѣе могла возставать противъ мнимаго поврежденія этихъ книгъ патріархомъ Никономъ (стр. 38).

Таковъ въ общихъ чертахъ взглядъ на расколъ г. Шапова. Чтѣ сказать объ немъ? Прежде всего то, что онъ, какъ справедливо замѣчено было въ „Сынѣ Отечества“, составляетъ въ литературѣ *новость*. Во вторыхъ, намъ кажется, что г. Шаповъ, смотря такъ на расколъ, впалъ въ преувеличеніе и за тѣмъ въ ошибку. Постараемся

доказать послѣднюю мысль. Первая не требуетъ подтвержденія.

Никто, надѣмся, не будетъ спорить, что для того, чтобы узнать, какіе интересы преслѣдуетъ расколъ, всего лучше обратиться къ сочиненіямъ самихъ раскольниковъ и послушать, что сами они говорятъ о своемъ дѣлѣ. Мысль, будто въ сочиненіяхъ раскольническихъ нельзя найти полной правды, потому что писатели ихъ боялись высказывать свои задушевные желанія, опасаясь преслѣдованій правительства, не имѣетъ для себя никакой опоры. Если раскольники не затруднились и устно и письменно величать напр. власть антихристомъ и за это жертвовали иногда спиной и головой, то еще меньше они могли стѣсняться высказывать свои менѣ фанатичныя стремленія, хотя бы эти стремленія выражали недовольство земства абсолютизмомъ власти, нарушавшей древнія права и преимущества народа. Раскольники очень хорошо знали, что и за одно двуперстіе, такъ же, какъ за неповиновеніе власти, можно было въ былыя времена попасть въ Сибирь или Рогервикъ, и даже испытать удовольствіе отъ батоговъ, кнута, плетей и проч. Значитъ, скрываться и лицемерить имъ не было побужденій и расчета. Что же представляетъ намъ литература раскольническая касательно цѣлей, преслѣдуемыхъ расколомъ? Что собственно заставляетъ раскольниковъ удаляться отъ церкви и православнаго общества и жить своею отдѣльною, самостоятельную жизнь? Въ этомъ случаѣ мы рѣшительно затрудняемся въ выборѣ сочиненій раскольническихъ для рѣшенія указанныхъ вопросовъ, — затрудняемся не многочисленностію этихъ сочиненій, а одинаковостію ихъ содержанія, тождественностію причинъ, которыя указы-

ваются во всѣхъ ихъ для объясненія того, почему раскольники составляютъ въ церкви и государствѣ status in statu. Прочитайте любое сочиненіе раскольниковское второй половины и конца XVII вѣка, и вы не найдете въ немъ ничего, кромѣ горькихъ, слезныхъ жалобъ на то, что Никонъ повредилъ древнюю, правую вѣру, что русская церковь впала въ ереси, что принадлежать къ ней нынѣ значитъ подвергать опасности вѣчное спасеніе, что всякій, кто дорожитъ царствомъ небеснымъ, долженъ оставить церковь и ея послѣдователей, бѣжать въ пустыни и тамъ устроить свое спасеніе, а въ случаѣ нужды, въ случаѣ преслѣдованій со стороны еретиковъ, даже сожигаться. А что все это были не фразы, а искреннія убѣжденія, которымъ масса, народъ вѣрилъ со всею искренностію простой, довѣрчивой души, на это, къ сожалѣнію, существуютъ самыя неотразимыя доказательства. Вотъ на Тюмени (въ Сибири) является расколуучитель чернецъ Іосифъ и совращаетъ въ расколъ тамошняго попа, по имени Дометіана. Этотъ послѣдній начинаетъ проповѣдывать окрестнымъ поселянамъ, чтобы всѣ они оставляли церкви и дома свои и бѣжали къ нему въ пустыню: потому что настало уже царство антихриста и скоро будетъ второе пришествіе Христово. Народъ вѣритъ словамъ Дометіана, оставляетъ свои жилища и имущества, толпами спѣшить на зовъ новаго учителя и, по слову его, въ числѣ 1700 человекъ, сожигается, чтобы избѣжать мукъ антихриста и сдѣлаться мучениками за вѣру. Подобныя явленія, а ихъ было много, лучше всякихъ разсужденій доказываютъ, что дѣйствительно, спасая свои души отъ мнимыхъ ересей и вѣчной гибели, защищая древнюю правую вѣру, а не что либо другое, на-

родъ оставлялъ церковь и уклонился въ расколъ, бросилъ свои жилища и бѣжалъ въ пустыню. Впрочемъ и г. Шаповъ, отнимая у раскола религіозный элементъ, соглашается, что на первыхъ порахъ расколъ въ лицѣ великорусскихъ московскихъ протопоповъ и поповъ возставалъ противъ греко-кѣвскаго исправленія старыхъ великорусскихъ книгъ и противъ суроваго строгаго патріаршества Никона (стр. 30). Но это, по словамъ г. Шапова, продолжалось недолго. Скоро, проникнувъ въ массы земства, въ городскія и сельскія общины, сдѣлавшись помимо поповъ, безъ поповъ, толкомъ грамотниковъ народныхъ, безпоповщиной (стр. 33—4), расколъ сталъ ученьемъ, толкомъ, согласьемъ земскимъ, народнымъ (стр. 32) и, оставивъ въ сторонѣ вопросы вѣры, взялъ на себя одно земское дѣло и сталъ его продолжать, развивать помимо дѣла государева (стр. 30). Г. Шаповъ не указываетъ опредѣленнаго времени, когда расколъ получилъ такое новое направленіе. Судя, впрочемъ, по нѣкоторымъ даннымъ (стр. 70), можно думать, что, по мнѣнію г. Шапова, расколъ принялъ гражданское, политическое направленіе въ самомъ началѣ прошлаго столѣтія, со временъ Петра (¹). Обратимся къ сочиненіямъ раскольническимъ этого времени и посмотримъ, то ли говорятъ они. Вотъ преосв. Питиримъ спрашиваетъ, чрезъ посланіе, раскольниковъ нижегородской губерніи, что заставляетъ ихъ удаляться отъ церкви, и пребывать въ расколѣ (²). Въ отвѣтахъ своихъ раскольники доказывали и разви-

---

(¹) Въ первомъ своемъ трудѣ г. Шаповъ говоритъ, что расколъ получилъ „чисто народно-гражданскій характеръ“ еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича (Русск. раск. старообр. стр. 91).

(²) Раскольничьи дѣла... т. I, стр. 624.

вали только одну мысль, что церковь ввела многи „новшества“, которыя смущают совѣсть раскольниковъ и не позволяютъ имъ признать церковь православною. На вопросъ: „чесо ради съ восточною церковію вы нынѣ согласія и соединенія не имѣете въ таинствахъ и въ догматѣхъ ея“, раскольники отвѣчали: «согласія и соединенія не имѣемъ въ *новопреданныхъ* догматѣхъ и чинѣхъ и обычаяхъ, яже видимъ въ *новопечатныхъ книгахъ сверхъ старопечатныхъ внесенная*». Впрочемъ это — отвѣтъ на заданную тему, слѣдовательно въ немъ раскольники могли не высказать всего, что занимало ихъ, а отвѣчали только, приспособляясь къ мысли вопроса. Но вотъ нижегородскіе же раскольники сами пишутъ Питириму вопросы—съ цѣлю показать, что собственно удерживаетъ ихъ въ расколѣ. И въ этихъ вопросахъ опять нѣтъ ничего другаго, кромѣ указанія нововведеній, странностей, противорѣчій въ новыхъ церковныхъ книгахъ и въ образѣ дѣйствій православной церкви ⁽¹⁾, которыя смущали совѣсть раскольниковъ. Впрочемъ отвѣты и вопросы, на которые мы ссылаемся, касаются собственно *поповщины*, которая, замѣтимъ однакоже здѣсь, существуетъ и нынѣ, и притомъ въ размѣрахъ почти меньшихъ *безпоповщины*, и которую однакожъ г. Шаповъ почему-то совершенно упустилъ изъ вида, разсуждая о расколѣ, о его гражданскихъ демократическихъ стремленіяхъ. Какія же требованія предъявляла въ это время *безпоповщина*, которая собственно, по мнѣнію г. Шапова, и преслѣдуетъ гражданскія цѣли и интересы земства? Къ сожалѣнію г. Шапова, мы должны сказать, что и безпо-

---

(1) Описаніе расколы. соч. А. Б. ч. II, стр. 146.

повоица смотрѣла на причины своего отдѣленія отъ церкви и православнаго общества съ той же самой религіозной точкой зрѣнія, какъ и поповица, съ тѣмъ однимъ различіемъ, что тогда, какъ поповица видѣла въ равныхъ перемѣнахъ, допущенныхъ церковію, непозволительныя и тяжелыя для совѣсти «новшества», безпоповцы смотрѣли на все это, какъ на заблужденія, на ереси. Въ 1722 году въ Поморье — въ Выговскій скитъ посланъ былъ Святейшимъ Синодомъ іеромонахъ Неоситъ для увѣщанія раскольниковъ. Неоситъ, какъ извѣстно, послалъ Выговцамъ 106 вопросовъ, на которые требовалъ отъ нихъ отвѣта. И вотъ что писали Выговцы въ предисловіи къ своимъ отвѣтамъ: «мы не въ своихъ, но въ древлепреданныхъ церковныхъ уставахъ пребываемъ: и чесо ради въ тѣхъ пребываемъ и въ каковыхъ намъ реніемъ отъ тѣхъ тѣри.». понеже въ великороссіи до Никона патріарха церковь бѣ святая апостольская православно-наволическая: яже содержимая благочестно отъ всероссійскихъ православныхъ и чудотворныхъ архіереевъ: яже засвидѣтельствованная и похваленная отъ восточныхъ патріарховъ: яже свѣтло украшенная и дѣствоврствуемая отъ многочисленныхъ всероссійскихъ чудотворцевъ: яже самъ Богомъ свыше пребезчисленными знаменіи и чудесы облагодатствованная и прославленная. Егда же отъ Никона патріарха и прочихъ по немъ премѣнившихся, приложишася и отложишася древлецерковная многая содержанія: еже о крестномъ персты знаменованіи, еже о печатованіи креста на просѣирахъ, еже о аллилуіа, еже во многихъ чинѣхъ и славословіихъ и тайнодѣйствіихъ церковныхъ, еже старопечатныя книги отложишася, еже съ жестокии влѣтвами нововводства

укрѣпишася, еже съ гонѣнїемъ и мучительствомъ на древлецерковное содержанїе тая прѣловѣдашася. Тогда иже древлеправославныя церкви содержанїя неотсташа, иже въ новопреданїямъ иконовымъ непристаша: священнїи епископъ Павелъ Коломенскїи, и пресловутыя Соловецкїи обители священнїи отцы, и прочїи многочисленнїи священнаго и иноческаго и мїрскаго чина: аще и гоненїа, оземствования, бѣганїа, смерти претерпѣша, но въ древлеправославныя церкви уставѣхъ соблюдахуся, оттуду пустыни и скиты и ненаселенная мѣста древлеправославныя церкви по старопечатнымъ книгамъ славословіе Богу приносятъ: оттуду прародителей и отецъ богопросвященное благочестїе отцелюбнїи дѣти росїїстїи и въ нуждахъ сохраняютъ: оттуду и мы древлеправославныя церкви остальцы, отъ православныхъ праотцевъ и отцевъ родившіяся и научившіяся, православныхъ древнихъ архїереевъ и прочїихъ священныхъ отецъ и святыхъ росїїскихъ чудотворцевъ святое и богопросвѣщенное благочестїе по старопечатнымъ книгамъ соблюдаемъ. Не новїны какїя затѣяхомъ, не догматы своесмышленныя нововнесохомъ, не за своевольная преданїа утверждаемъ: но готовая древлеправославныя церкви преданїа содержимъ, по готовымъ священнымъ книгамъ службу Богу приносимъ, еже есть въ готовѣй древлеправославнѣй церкви пребываемъ, по божественному Златоусту: церковь есть нестѣны и покровъ, но вѣра и житїе, нестѣны церковныя, но законы церковныя. Но чесога же ради тако въ древлеправославныя церкви уставѣхъ утверждаемъ быти, еда славы ради мїра сего; но отлученное отъ славныхъ мїра сего и чести и славы мїра сего немощее сиротское житїе живемъ: полученїа ли ради богат-

ства; но убожествомъ и напастями ради храненія древлеправославнаго обогащаемся: чиновъ ли ради на земли высокихъ въ сихъ пребывати усердствуемъ; но въ нужныхъ пустынныхъ мѣстѣхъ, нужное богорадное житіе живуще, сихъ неимѣемъ и имѣти ненадѣемся Тѣмъ же того ради древлеправославныя церкви уставы соблюдаемъ, да вѣчное спасеніе душамъ своимъ получимъ: того ради въ святоотеческихъ преданіяхъ утверждаемъ, да вѣчнаго ихъ участія неотпадемъ: того ради древлецерковныхъ уставовъ нарушити не можемъ, да подь церковныя запрещенія не подпадемъ. Но якоже святіи въ тѣхъ древлецерковныхъ уставѣхъ, знаменующея двѣма перстома, Богу угодиша: тако и мы знаменаемъ двѣма перстома, въ тѣхъ же святоотеческихъ уставѣхъ желаемъ и молимся угодити Богу. И якоже они по древлецерковнымъ святымъ книгамъ спасеніе получиша: тако и мы по тѣмъ святымъ книгамъ просимъ отъ Господа милости спасеніе получитьи. И якоже древлеправославніи россіяне, и прадѣды и пратцы наши, и святіи россійстїи чудотворцы, въ тѣхъ древлецерковныхъ уставѣхъ пребывающе, по старопечатнымъ книгамъ Богу служаще, пребываху въ святѣй православнѣй каѳоличестѣй церкви; тако и мы, въ томъ древлецерковнѣмъ святоотеческомъ содержаніи пребывающе, пребывати надѣемся во оной святѣй древлеправославно - каѳоличестѣй церкви. Но ежели нынѣ церкви всероссійстѣй непріобщаемся, и того ради отъ васъ осуждаемъ яко расколоторцы: но понеже мы въ древлеправославныя церкви преданіихъ раскола какова не сотворихомъ, но тоя опасно соблюдающе и съ намѣреніемъ спасительнолюбителнымъ въ древлецерковныхъ уставѣхъ пребываемъ: сего ради нѣсмь расколо-

творци. А приобщенія нынѣшнія російскія церкви опасаемся, не церковныхъ собраній гнушающеса, не священныя саны отметающе, не тайнодѣйствія церковныхъ неавидяще, но новинъ отъ Никоновыхъ временъ нововнесенныхъ опасаящеса, древлецерковная заповѣданія соблюдающе, подъ древлецерковная заповѣданія да не подпадемъ опасаемся, съ новоположенными клятвами и порицаніями на древлецерковная содержанія согласитися ужасаемся, о чемъ во отвѣтѣхъ пространнѣе засвидѣтельствуется». Послѣ этихъ словъ, кажется, нѣтъ нужды объяснять, какіе собственно интересы преслѣдуетъ расколъ даже безоповщинскій, религіозные, или политическіе. А что приведенныя слова Выговцевъ выражали ихъ искреннія убѣжденія, а не были только личиною, подъ которой Поморцы желали скрыть свои заднія мысли, въ этомъ увѣряетъ насъ самая внутренняя жизнь Выговской пустыни. Напрасно г. Щаповъ думаетъ, что «въ существѣ Выговская пустыня имѣла характеръ чисто-мірскію согласія», что «обитатели ея *житейскимъ житіемъ* жили» (стр. 120), что «матеріальный бытъ общины имѣлъ мірское, житейско-хозяйственное устройство», и въ подтвержденіе своей мысли ссылается на то, что «въ Выговской обители были особыя нельи или строенія для работныхъ людей», особое мѣсто, гдѣ «лучину щепати и дровни дѣлати», особая «келья чеботная швальня», особыя больницы «немоцнымъ людемъ и старымъ», особая «портнымъ швальямъ швальня», особое помѣщеніе для мастеровыхъ людей мѣдниковъ, что «было въ скиту коноводство, и конскіе и скотныя дворы; были кирпичныя заводы» и проч. (стр. 129—130). Все это правда, но все это говорить только о томъ, что и людемъ, посвятившимъ

себя дѣлу вѣры и спасенія, нужно жить, ѣсть и пить, а Выговцамъ, принимавшимъ въ свои обители всякаго, кто бѣжалъ отъ антихриста спасать душу свою въ пустынь, нужно было особенно позаботиться о болѣе широкомъ устройствѣ своего хозяйства, чтобы имѣть возможность пропитывать цѣлыя сотни пришельцевъ. Выговцы неразъ испытали, до какихъ дурныхъ послѣдствій можетъ довести недостатокъ матеріальныхъ средствъ въ обители. Въ слѣдствіе неблагоприятныхъ климатическихъ условій неразъ дѣло доходило до того, что посѣянный хлѣбъ вымерзалъ, сборъ посѣва былъ до того незначительный, что, по выраженію историка пустыни, «въ иные годы и на квасъ не приходило», и жители пустыни должны были питаться хлѣбомъ, приготовленнымъ изъ соломенной муки съ ржанкою закваскою. И если между ними встрѣчались лица, которыя готовы были, по наставленію настоятелей, терпѣть голодъ и даже рѣшались «голодную смерть пріяти», ради вѣры и спасенія, за то было немало и такихъ, которые, въ слѣдствіе голода, оставляли скитъ и расходились въ разныя стороны искать себѣ пропитанія, чрезъ что подвергались опасности попасть въ руки антихриста и измѣнить древлеотеческому содержанію. Съ другой стороны, въ слѣдствіе недостатка жизненныхъ припасовъ въ пустынь появлялись разнаго рода беспорядки, воровство, грабежъ и под. (1). Во избѣжаніе подобныхъ-то несчастій, настоятели Выговскаго скита и рѣшились заняться устройствомъ хозяйства пустыни со всевозможнымъ усердіемъ и въ послѣдствіи времени дѣйствительно довели его до блестящаго состоянія.

---

(1) Истор. Выговской пуст. изд. 1861 г. стр. 281—2, 289.

Были и еще причины, по которымъ Выговцы, рѣшившіеся «ради храненія древлеправославнаго содержанія на убожество и сиротское житіе», хлопотали о матеріальныхъ средствахъ обители. Они знали, что антихристъ въ лицѣ разнаго рода чиновниковъ, въ родѣ генерала Ягужинскаго или начальника Петровскихъ заводовъ Гейнинга, при всей своей суровой физиономіи, иногда являлся и милостивымъ, если въ его мощную руку попадали разнаго рода «гостинцы». Были у Выговцевъ и другіе экстраординарные расходы. Они посылали иногда «гостинцы» даже къ Двору, нерѣдко по распоряженію высшей власти ⁽¹⁾, содержали въ разныхъ городахъ, и особенно въ столицахъ, повѣренныхъ по своимъ дѣламъ, на что также нужны были деньги. Однимъ словомъ: матеріальное богатство Выговскаго скита ни мало не говоритъ въ пользу той мысли, будто Поморцы, устроивъ свою общину, имѣли въ виду не религіозныя цѣли, а чисто мірскія, гражданскія; потому что вѣра не исключаетъ заботъ о средствахъ къ поддержанію жизни. Что же касается внутренней жизни Выговцевъ, то она прямо показываетъ, что Поморцы всего болѣе заботились «о сохраненіи древлеправославнаго содержанія» и къ этой цѣли направляли всѣ свои дѣла. Порядокъ домашней жизни въ Выговскомъ скиту былъ чисто *монастырскій* ⁽²⁾. Въ обыкновенные будничные дни вся братія обязана была являться къ утренѣ. Послѣ утрени, принявъ благословеніе отъ настаятеля, всѣ приходили въ столовую и здѣсь должны были слушать часы, а по окончаніи ихъ

---

(1) Тамъ же, стр. 408—9.

(2) Поэтому Поморскій толкъ называется нерѣдко монастырскимъ.

наидый удалялся въ свою келью или въ поле для ра-
ботъ. Въ определенное время снова собирались все въ
столовую для обѣда. На одной сторонѣ сидѣли женщи-
ны, а на другой мужчины ('). Тамъ и здѣсь на осо-
бенныхъ малыхъ кто либо изъ грамотныхъ братій чи-
тали что-либо изъ житій святыхъ, или изъ Св. Писа-
нiя. Тоже должно было дѣлаться и во время ужина. Во
время трапезы соблюдалось строгое молчанiе. Въ празд-
ничные дни кромѣ того между утренею и часами, сое-
диненными съ молебномъ, читалась какая либо назида-
тельная книга. Подобное чтенiе должно было продол-
жаться послѣ обѣда, вечерни и ужина. Настоятели въ
богѣ торжественные дни говорили братiи поученiя, въ
которыхъ по преимуществу убѣждали слушателей сво-
ихъ быть твердыми въ древлеотеческихъ преданiяхъ.
Словомъ: Выговская пустыня по внутренней своей жизни
представляла собою чисто религiозную общину, съ уста-
вами и порядками строго-монастырской жизни. Самыя
названiя должностныхъ лицъ въ скиту прямо показы-
ваютъ, что поморцы хотѣли устроить свою обитель на
началахъ религiозныхъ, монастырскихъ. Тутъ были: ке-
лари, подкелари, благочинные, уставщики, канонархи,
пѣвцы, всаломщики, — все такiя имена, которыхъ, кромѣ
монастырей, не услышишь нигдѣ. А что поморцы,
„уставляя все по чину монастырскому“, не маскировались,
а дѣлали такъ потому, что дѣйствительно имѣли въ ви-
ду однѣ религiозныя цѣли — содержанiе древняго благо-
честiя, въ этомъ могутъ убѣдить cadaго еще слѣдую-
щiя обстоятельства. Не разъ между жителями пустыни

(') Съ тѣхъ поръ, какъ устроенъ былъ отдѣльный женскiй святъ,
все женщины жили въ немъ.

являлись лица, которые, по личным неудовольствиям на настоятелей скита, дѣлали на выговцев разнаго рода доносы правительству. Какъ всякій согласится, отъ доносовъ подобныхъ людей можно было ожидать много разъясненія жизни и стремлений поморянъ. И что же мы видимъ въ этихъ доносахъ?—Обвиненія выговцевъ въ томъ, что „они живутъ въ старовѣрствѣ“⁽¹⁾, что настоятели монастыря „по градамъ и по селамъ ѣздятъ и людей прельщаютъ ученіемъ своимъ и дѣйство священническое дѣйствуютъ, крестятъ и исповѣдуютъ и свадьбы вѣнчаютъ и людей причащаютъ“⁽²⁾. Правда Круглый въ доносѣ своемъ обвинялъ выговцевъ, между прочимъ, и въ томъ, что они „Бога не молятъ“ за Ея Императорское Величество“, что „въ тропаряхъ и въ стихахъ, гдѣ напечатано, не поминаютъ“⁽³⁾. Но напрасно г. Щаповъ видитъ въ этомъ обстоятельствѣ доказательство демократизма поморцевъ (стр. 35), антагонизма ихъ противъ Москвы, и даетъ ученію выговцевъ: не молиться за царя,—значеніе гражданское, политическое. Выговцы не молились за царскую власть единственно по религіозной причинѣ—потому, что считали эту власть неправославною, еретическою, даже антихристіанскою, а потому считали дѣломъ зазорнымъ „для совѣсти помянуть ее въ своихъ молитвахъ, и особенно называть ее благовѣрною, благочестивою. Не споримъ, что поморцы вдались въ этомъ случаѣ въ крайность, поступили вопреки ученію Слова Божія и примѣру древней Церкви,

(1) Исторія Выговской пустыни стр. 152.

(2) Тамъ же стр. 233. Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія Т. I, стр. 314—15.

(3) Ист. Выг. пустыни стр. 382—3; снес. Раскол. дѣла XVIII в. Т. I, стр. 374—381.

молившейся за власть даже языческую. Но нужно не обращать вниманія на то обстоятельство, что власть, за которую не молились поморцы, преслѣдовала и гнала расколь, чтобы строго судить увлеченіе выговцевъ. Правда къ поморцамъ свѣтская власть была болѣе снисходительна, чѣмъ къ другимъ раскольникамъ. Еще въ 1702 году Петръ первый, когда доложили ему, что на рѣкѣ Выгу, чрезъ которую Государь переправлялся тогда по пути изъ Архангельска на Ладожское озеро, живутъ раскольники, отвѣчалъ: „пускай живутъ, и проѣхалъ смирно, яко отецъ отечества благоутробнѣйшій“ (1). А потомъ, когда понадобились люди для работъ на вновь устроенныхъ въ олонецкой губерніи заводахъ, въ Выговскомъ скиту былъ полученъ слѣдующій милостивый указъ: „слышно Его Императорскому Величеству, что живутъ для старовѣрства разныхъ городовъ собравшіеся въ Выговской пустыни, и службу отправляютъ Богу по старопечатнымъ книгамъ, а нынѣ Его Императорскому Величеству для войны Шведской и для умноженія оружія и всякихъ воинскихъ матеріаловъ ставити два желѣзныхъ завода, и одинъ близъ ихъ Выговской пустыни и чтобъ оныя въ работахъ повѣнецкимъ заводамъ были послушны и чинили бы всякое вспоможеніе по возможности своей, и за то Императорское Величество даетъ имъ свободу жити въ той Выговской пустыни и по старопечатнымъ книгамъ службы свои къ Богу отправляти“ (2). Но за то и выговцы не оставались въ долгу предъ властію за такія ея къ нимъ милости. Получивъ позволеніе на безпрепятственное пребываніе въ

---

(1) Ист. Выг. пуст. стр. 113.

(2) Расколъ дѣла XVIII в. Т. I. стр. 288.

расколѣ, они съ готовностію согласились работать на заводахъ, и тѣмъ ясно засвидѣтельствовали, что имъ не нравилась не власть собственно и не подчиненіе власти, а вмѣшательство ея въ ихъ религіозные интересы. И вотъ когда Петръ предоставилъ имъ полную свободу въ отправленіи богослуженія, выговцы не нашли противнымъ своимъ убѣжденіямъ „быти подъ игомъ работы его императорскаго величества у повѣнцевыхъ заводовъ“ (1), хотя въ то же время не считали особенно нужнымъ молиться за власть, хотя и милостивую, но все-таки еретическую. Мы сказали: не считали особенно нужнымъ, и это не безъ причины. Какъ показывается исторія, поморцы неполнѣ были увѣрены въ справедливости своего догмата: „не молиться за царя“ и далеко не считали его основнымъ въ своемъ вѣроученіи, что утверждаетъ г. Шаповъ (стр. 34, 55, 76—7). Потому что, когда, въ слѣдствіе доноса Круглага, назначена была въ Выговскій скитъ коммисія подъ начальствомъ Самарина, поморцы опредѣлили на совѣтъ: „чтобы не навести на себя и другихъ напраснаго гнѣва: въ тропаряхъ и кондакахъ и въ стихахъ, какъ гдѣ напечатано въ книгахъ, Ея Императорское Величество поминать вездѣ по нынѣшнему обыкновенію, хотя у первыхъ отцевъ се иросто было и не было нужды до сего времени“ (2). И замѣчательно: составляя такое опредѣленіе, выговцы сами сознались, что и „Писаніе“ не только не запрещаетъ, но напротивъ повелѣваетъ молиться за власть, и что если этого не было въ скиту прежде, то единственно потому, что „о томъ неспросилося ни отъ кого“, т. е.

---

(1) Ист. Выг. пуст. стр. 114.

(2) Ист. Выг. пуст. стр. 384.

никто того не требовалъ, не вызывали къ тому обстоятельства. А дальнѣйшая исторія этого нововведенія у выговцевъ показываетъ, что они действительно по убѣжденію, а не лицемѣрно, рѣшились молиться за царя. За эту новость раскольники другихъ толковъ (Филиповцы, Федосѣевцы) прозвали поморянъ *самарянами*, еретиками, и несмотря на все это выговцы не отказались отъ своего рѣшенія. Мало этого: въ скоромъ времени у поморцевъ появились сочиненія, въ которыхъ многочисленными свидѣтельствами Слова Божія и св. Отцевъ доказывается, что нужно молиться за царскую власть, хотя бы она была и неправославная. Вотъ что читаемъ напр. въ одномъ изъ такихъ сочиненій, подъ названіемъ: „свидѣтельство отъ Божественнаго писанія о царствѣ моленіи и яко всякая власть отъ Бога опредѣляется“: „въ заключеніе всѣхъ дозателствъ Спасителя нашего и Бога Ісуса Христа полагаю сие глаголющаго: воздадите убо рече яже Кесарева Кесареви и яже Божія Богови. Толкованіе. Виждь, не рече дадите, но воздадите, долгъ бо есть рече. Воздаждь убо долгъ, хранишь ты князь отъ ратныхъ, житіе твое мирно строить, должнешь еси ему данію. Здѣ разумѣй мудраго отвѣта Спасова, еже Кесарева Кесареви, а Божія Богови: нетокмо царю дань давайте, рече, но и Бога молитесь за него. Доздѣ Благовѣстникъ“. А послѣ всего сказаннаго, нѣтъ ничего удивительнаго, если поморцы еще въ 1722 году на вопросъ Несомита: почитаютъ ли они Государя Петра I-го за православнаго царя, или—за еретика, отвѣчали, хотя довольно уклончиво: „Христосъ Богъ въ священномъ Евангеліи научаетъ глаголя: воздадите убо яже Кесарева, Кесареви, и яже Божія, Богови. Симъ спасительнымъ его нака-

заніємъ и мы грубѣе научаемся, яже въ богослуженіе и въ богоугожденіе надлежать, благочестія таинства, церковная уставохраненія, спасительная дѣла воздавати всевѣрно Богу: тако и отъ Его вседержачія Божія десницы поставленному и славою и честію вѣнчанному, всепресвѣтлѣйшему державнѣйшему Императору, всемилостивѣйшему нашему Государю, должныя чести и покоренія, благодаренія и всевѣрная служенія всеусердно воздавати. Сице мы отъ апостольскаго священнаго наказанія научаемся глаголющаго: Бога бойтеса, Цари чтите... Мы аще о внесенныхъ отъ Никона новопреданіихъ сомнѣваемся, но не сомнѣваемся о богопоставленнѣмъ самодержавствіи богохранимаго и богопомазаннаго самодержца, но его боговѣнчанное и богопочтенное, премудрое и всемилостивѣйшее величество, всепресвѣтлѣйнаго императора Петра великаго, отца отечества, богохранимаго самодержца, всемилостивѣйшаго нашего государя, всеговѣнно почитаемъ, и всеусердно прославляемъ, и всежеланно благодарствуемъ, и благодарствовати и почитати когда не престанемъ, мы его государскаго благочестія не истязуемъ, но Господа Бога за его милосердное величество молимъ, по реченному псалмовѣвца: Господи, спаси царя и услыши ны, въ онъже деиъ аще призовемъ Тя... Мы и прочыя отъ Бога почтенныя всероссійскія градоправителей и военачальниковъ персоны должны не судити, но чествовати и Бога за нихъ молити, яко за почтенныя отъ Бога, яко за радители и правители государства, яко за вѣрныя и доброхотливыя служители великому государю⁽¹⁾. И нужно замѣтить, что въ послѣдствіи времени, когда поморцы ввели у себя мо-

---

(1) Отв. 52.

леніе за царя, они всегда смыслились въ подтвержденіе такого опредѣленія на указанныя слова своихъ отвѣтовъ.

Мы остановились съ особеннымъ вниманіемъ на ученіи Поморцевъ—не безъ причины. Поморье,—Выговскій скитъ, по мнѣнію г. Щапова (стр. 33, 42 и 55), служилъ главнымъ средоточіемъ гражданскихъ, демократическихъ тенденцій раскола, хотя, какъ мы видѣли, обитатели скита главной задачей всей своей жизни и дѣятельности поставляли только то, чтобы сохранить неизмѣнно „древлецерковное благочестіе“, и дѣлали это, по ихъ собственнымъ словамъ, „не народнаго ради смущенія или осужденія, но своего ради спасенія“ (1). Съ другой стороны Даниловцы составляютъ въ безпоповщинѣ старшій и главнѣйшій толкъ, отъ котораго со временемъ произошли другіе толки безпоповщины. Слѣдовательно на ученіе поморцевъ можно и нужно смотрѣть, какъ на основное во всей безпоповщинѣ, за исключеніемъ тѣхъ незначительныхъ разностей, изъ-за которыхъ отъ нихъ отдѣлились Федосѣвцы, Филиповцы и др.

Кстати: нѣсколько словъ о раздѣленіи раскола на толки и согласія. Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ взгляда г. Щапова на расколъ, стали смотрѣть на это явленіе въ расколѣ, какъ на доказательство того, что расколъ безразлично относится къ религіознымъ разногласіямъ, что слѣдовательно его занимаетъ не вѣра, а что либо другое (что именно, увидимъ послѣ). „Извѣстно, говоритъ авторъ библиографическихъ замѣтокъ „Времени“, что расколъ съ совершенною терпимостію

---

(1) Поморск. отвѣт. 77.

относится къ различнымъ религіознымъ воззрѣніямъ въ своей средѣ; отсюда безчисленныя дробленія раскола на секты, толки и согласія, и еслибы въ этомъ была сила раскола, то, дробясь на мелкія части, онъ необходимо распался бы и давно бы не существовалъ“ (1). Мы думаемъ совершенно наоборотъ. По нашему мнѣнію, дѣленіе раскола на частныя толки и согласія служить самымъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что главные, если не единственные, интересы свои онъ поставляетъ въ вѣрѣ. Въ самомъ дѣлѣ, согласимся на время, что раскольники пользуются вѣрой, только какъ средствомъ прикрыть ею свои гражданскія стремленія, что *суть*, за которую они стоятъ и ратуютъ, заключается въ политическихъ цѣляхъ. Какъ объяснить тогда это дробленіе раскола на секты, толки и мелкія согласія, дробленія, которыя, по сознанію самихъ раскольниковъ, вредятъ ихъ дѣлу, ослабляютъ ихъ силу, производятъ безпорядки, нерѣдко весьма опасныя для раскола (2). Такъ напримѣръ случалось, что одна секта, по религіозной ненависти къ другой, являлась предъ правительствомъ доносчикомъ и открывала ему закулисныя тайны своихъ противниковъ. Еслибы, какъ думаютъ, расколъ преслѣдовалъ гражданскія права и преимущества земства, въ такомъ случаѣ, по простому здравому смыслу, ему слѣдовало бы употреблять всѣ средства къ тому, чтобы послѣдователи его жили между собою въ самомъ полномъ мирѣ и согласіи, чтобы общими силами добиваться своихъ задушевныхъ стремленій, — тогда всѣ споры о титулѣ на крестѣ, о браш-

---

(1) „Время“ декабрь 1862 г., стр. 84.

(2) Горькія жалобы на раздѣленіе раскола на разные толки, см. напримѣръ, у Алексѣева въ предисловіи къ книгѣ: „О тайнѣ брака“.

нихъ, покупаемыхъ на торгу и под., не имѣли бы ни смысла, ни цѣли, тогда непрерывная и горячая литературная полемика одного толка съ другимъ была бы пустой тратой времени, которое можно бы употребить на вещи болѣе серьезныя, тогда вражда сектантовъ, простирающаяся до того, что принадлежащія къ разнымъ толкамъ не молятся, даже не вѣдятъ вмѣстѣ и спорятся даже до драки (1), была бы необъяснимымъ явлениемъ, тогда пропаганда раскольническая, старающаяся поморца сдѣлать Фодосѣевцомъ, Филиповца—странникомъ, и наоборотъ, была бы со стороны расколотыхъ учителей шуткой, которой трудно придумать и названіе... Нѣтъ; одно и единственное объясненіе дѣлений раскола на толки и согласія — то, что расколъ дѣйствительно занятъ думой о вѣрѣ и спасеніи, только эта дума, въ слѣдствіе недостатка надлежанщихъ, образованныхъ руководителей, иногда вдается въ мелочи и выдумываетъ вещи, о которыхъ не стоило бы и спорить, — что „древлецерковное содержаніе“ составляетъ главный предметъ его заботъ и усилій, для котораго онъ жертвуетъ и сповоидіемъ, и имуществомъ, и нерѣдко самую жизнь. Мы не отвергаемъ того, что въ раздѣленіи раскола на толки нерѣдко играли довольно видную роль личныя страсти предводителей равныхъ партій (2), что иногда довольно было какомунибудь

(1) Расколн. дѣла т. II, стр. 254—5.

(2) Сами раскольники такъ объясняютъ причины раздѣленія раскола на толки: „недивно есть нынѣ многимъ расколамъ повсюду разливаться, егда уже власть мірская и духовная намъ согласующая отъ нашихъ очей скрыся. Убо не у насъ (безпоповцевъ) точію таковыхъ разностей участися многія несогласующія толки, но паче, и у васъ (поповцевъ) многія противящіяся между собою сонмы преизобилъствуютъ. Не суть ли убо—вѣтковцы; неимѣются ли діаконы; необрѣтаются ли Еписпа-

стрѣльцу не получить должности настоятеля, чтобы потомъ отдѣлиться отъ прежняго своего общества и составить свой новый толкъ, напримѣръ Филиповскій. Но массы, народъ всегда сѣдовалъ за такими вожаками по религиознымъ побужденіямъ, потому, что слово своего учителя считалъ единственно вѣрнымъ и ученіе его единственно спасительнымъ. Намъ могутъ сказать, что и эти видимыя разногласія и раздѣленія раскольниковъ изъ-за религиозныхъ мнѣній, быть можетъ, тоже своего рода уловка, допускаемая расколомъ съ цѣлю—закрѣпить отъ глазъ правительства вещи болѣе важныя. Но нужно предположить въ раскольникахъ слишкомъ много иезуитизма, чтобы повѣрить такому предположенію. А главное—дѣла раскольниковъ прямо и ясно свидѣтельствуютъ противъ всевозможныхъ подозрѣній ихъ искренности въ вѣрѣ. Вотъ напримѣръ Феодосій,—основатель Феодосѣвскаго толка,—почему-то остановился на словахъ титулы, написанной Пилатомъ на крестѣ Христовомъ: *Исусъ Назарянинъ Царь Иудейскій*, и призналъ несправедливою, еретическою надпись Поморскаго толка, къ которому прежде самъ принадлежалъ: *Царь славы Исусъ Христосъ Сынъ Божій*. Кажется, дѣло слишкомъ неважное, чтобы изъ-за него воздвигать бурю. И однакоже что мы видимъ? Изъ-за этой незначительной (и немногихъ другихъ, еще менѣе важныхъ) разницы Феодосій отдѣляется отъ поморянъ, основываетъ свой особый толкъ, обзываетъ Даниловцевъ еретиками, пишетъ настоятелю Выговскаго скита Андрею Денисову письмо „о догматѣхъ и о титулѣ“, въ

нѣвы» и пр. (Отв. на вопр. л. 458). Эти слова прямо противъ „Сына Отечества“ (1862 г. N XLIV, стр. 1066).

которомъ съ жаромъ защищаетъ свое ученіе и грубо поносить ученіе поморцевъ, и, не дождавшись отъ Денисова отвѣта на свое письмо, самъ отправляется (въ 1706 г.) съ шестью старѣйшими въ Выговскую пустынь съ рѣшительною цѣлію убѣдить выговцевъ въ истинности своего ученія; а когда попытка его оказалась безуспѣшною, Θεодосій, въ гнѣвъ на поморцевъ за ихъ еретичество, рѣшается употребить въ дѣло советъ Спасителя ученикамъ, по которому они должны были отрясать прахъ отъ ногъ своихъ, при выходѣ изъ того города или веси, гдѣ ихъ не принимали и не слушали; отойдя немного отъ обители, онъ велѣлъ своимъ спутникамъ вынуть изъ влагалищъ брашна, которыми снабдили ихъ гостепріимные поморцы, и отдать ихъ монастырскимъ пастухамъ съ словами: „не хотимъ принимать оныя отъ тѣхъ, которые не захотѣли принять проповѣди нашей“. А потомъ все они разулись и, отряси пылъ съ обуви, сказали: „прахъ, прилѣпшій къ ногамъ нашимъ, отрясаемъ во свидѣтельство вамъ. Небуди намъ съ вами имѣти общеніе ни въ семъ вѣцѣ, ни въ будущемъ“. Ужели все эти дѣйствія Θεодосія можно признать не слѣдствіемъ его искренняго убѣжденія въ правотѣ своего ученія, на которое не согласились поморцы, а просто хитростию, маскою, подъ которой скрывались еовсѣмъ другіе мотивы? Мы не споримъ, что у Θεодосія могли быть съ поморцами и свои личные счеты, служившіе немалой причиною его особеннаго нерасположенія къ обитателямъ Выговской пустыни. Но по крайней мѣрѣ послѣдователи Θεодосія смотрѣли на свое отдѣленіе отъ поморянъ чисто съ религіозной точки зрѣнія. Они видѣли въ нихъ еретиковъ, и послѣдующая вражда еедосѣвцевъ съ помор-

нами основывалась уже единственно на различіи ихъ ученія въ нѣкоторыхъ пунктахъ.

Доселѣ мы говорили объ интересахъ и стремленіяхъ раскола, какъ онъ являлся въ прошломъ столѣтіи, и видѣли, что главное, преимущественное вниманіе раскола въ это время обращено было на вѣру, на древнецерковное содержаніе. Изъ-за вѣры, раскольники, какъ сами они сознавались на допросахъ, отдѣлялись отъ православной Церкви и православнаго общества (1); изъ-за ней же они дѣлились и между собою на разные толки и согласія. Нужно ли прибавлять, что и современный намъ расколъ остается съ тѣми же взглядомъ на вещи, съ тѣми же тенденціями? Намъ удалось недавно читать постановленія раскольническихъ соборовъ разныхъ толковъ, бывшихъ въ настоящемъ столѣтіи, и мы не нашли въ нихъ ничего, кромѣ опредѣленій о разныхъ предметахъ вѣры (2). Есть правда въ числѣ опредѣленій и такія, въ которыхъ обсуждаются раскольниками разнаго рода порядки и учрежденія жизни гражданской и государственной; но и эти опредѣленія составлены чисто подъ вліяніемъ религиозныхъ воззрѣній раскольниковъ, которые осуждаютъ некоторые государственныя учрежденія только какъ противныя вѣрѣ. Объ этомъ мы скажемъ ниже. Не разъ мы имѣли случай лично бесѣдовать съ раскольниками и на вопросъ: почему они чуждаются церкви и православнаго общества, всегда получали одинъ и тотъ же отвѣтъ: „нынѣшняя церковь впала въ ереси (3), и

(1) Раск. дѣла т. 1, стр. 560—2, 594, 603, 635; т. II, стр. 40 и др.

(2) См. объ этомъ въ Сборн. правит. свид. о расколѣ—Кельсіева, вып. 4-й.

(3) О томъ, будто нынѣ уже царствуетъ въ ней антихристъ, раскольники опасаются говорить съ людьми незнакомыми.

всѣ принадлежаціе къ ней—еретики, которые не наследуютъ царствія небснаго“. Вообще мы даже считаемъ не совсѣмъ умѣстнымъ доказывать особенно настойчиво мысль, что расколъ живетъ и дѣйствуетъ главнымъ образомъ по религиознымъ принципамъ, что древняя грѣшая вѣра и неизмѣнное сохраненіе ея составляетъ преимущественную заботу всѣхъ его сентъ, толковъ и согласій, что мнимое уклоненіе отъ этой вѣры церкви и православнаго общества служить главнымъ препятствіемъ соединенію раскольниковъ въ одно общество правовѣрующихъ— такъ эта мысль представляется ясною всякому, кто хотя немного знакомъ съ исторіею раскола и его литературой. И утверждать противное значить, по нашему мнѣнію, или незнать раскола совершенно, или въ разсужденіи объ немъ руководствоваться заранѣе составленнымъ на него взглядомъ и подъ него подводить уже всѣ факты изъ жизни раскола, опускаая одні, которые несогласны съ предвзятымъ взглядомъ, и давая *свой* смыслъ другимъ, которые не отличаются особенною опредѣленностію и отчетливостію и которые слѣдовательно можно объяснить такъ и иначе. И мы позволимъ себѣ думать, что г. Щаповъ, знатокъ раскола по общему признанію, въ своихъ изслѣдованіяхъ объ немъ поступаетъ именно такъ, какъ мы сказали, т. е.: фактами исторіи и жизни раскола пользуется не для того, чтобы на основаніи ихъ составить правильное понятіе о немъ, но чтобы подтвердить ими свой заранѣе составленный взглядъ на расколъ, свою *idée fixe*, которою служить для г. Щапова «земство».

Высказывая свой взглядъ на расколъ и его стремленія, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать слѣдующую оговорку: когда мы говоримъ, что главный мотивъ жиз-

ни и дѣятельности раскола составляетъ вѣра, древле-церковное содержаніе, мы разумѣемъ въ этомъ случаѣ большинство раскольниковъ, массу, тѣхъ простыхъ вѣрующихъ, которые, не отличаясь нравственнорелигиознымъ развитіемъ, и вообще образованіемъ, искренно вѣрятъ, что перекреститься тремя, а не двумя перстами, или поѣсть въ постъ раньше опредѣленнаго уставомъ времени, значить согрѣшить и согрѣшить тяжко. Но, считая раскольниковъ ревнителями вѣры и древняго благочестія, мы не отвергаемъ того, что между ними было, какъ есть и въ настоящее время, немало лицъ, для которыхъ древняя вѣра служитъ только предлогомъ къ уклоненію въ расколъ и которыя ищутъ въ немъ не спасенія, а совершенно другихъ вещей. Сюда принадлежатъ нѣкоторые изъ наставниковъ раскольническихъ, которые, благодаря своей начитанности и нѣкоторой умственной развитости, очень хорошо понимаютъ несостоятельность раскола и однакоже держатся его сами и увлекаютъ другихъ далеко не по безкорыстнымъ побужденіямъ. Доказательства на это, къ сожалѣнію, можно найти въ исторіи раскола даже самаго близкаго къ намъ времени (1). Къ той же категоріи людей, только прикрывающихся расколомъ, принадлежитъ немало и тѣхъ измѣнниковъ православію, которые по разнымъ причинамъ оставляютъ церковь и переходятъ въ расколъ. Много существуетъ разныхъ причинъ, которыя иногда заставляютъ православныхъ дѣлаться раскольниками. Одни оставляютъ православное общество потому, что въ расколѣ можно прожить съ большимъ довольствомъ при меньшемъ трудѣ, другіе

---

(1) Душепол. Чтеніе 1863 г. декабр. стр. 125—6

бѣгутъ въ расколъ, чтобы скрыться въ этой темной массѣ и избѣжать задолженныхъ отъ власти наказаній. Индѣхъ соблазняетъ обаяніе чести и власти, такъ какъ, при умѣньи вести дѣла, въ расколѣ всякому, мало-мальски бывалому человѣку легко можно сдѣлаться передовымъ, стать во главѣ массы и управлять ею. Всѣхъ подобныхъ людей мы исключаемъ изъ раскола, понимая его какъ одну религіозную общину, раздѣленную только на множество частныхъ кружковъ, толковъ и согласій. Такіе люди—язва раскола; они-то и были причиной того, что на расколъ стали взводить множество самыхъ тяжкихъ обвиненій, что его стали подозрѣвать въ преслѣдованіи другихъ, нерелигіозныхъ цѣлей. И сами раскольники, принимая въ свое общество подобныхъ искателей приключеній, нерѣдко послѣ тяготятся ими и, если не выдаютъ ихъ власти, то единственно потому, что за укрывательство ихъ (прежнее) пришлось бы отвѣчать, а главное изъ опасенія, чтобы отверженные расколомъ—они не явились предъ правительствомъ клеветниками на раскольниковъ и не выдали ихъ за кулисной жизни, которую раскольники, по причинамъ каждому понятнымъ, всячески стараются скрывать отъ православной власти. Раскольники очень хорошо знаютъ, какихъ напр. хлопотъ стоило Выговской пустыни изгнаніе изъ ней Ивана Круглаго, и терпятъ у себя подобныхъ же артистовъ изъ боязни, въ случаѣ изгнанія ихъ, навлечь на себя бѣду.

Впрочемъ, сдѣлавъ означенную оговорку, мы еще не рѣшаемъ окончательно всѣхъ недоумѣній, какія могутъ возникнуть у читателя нашихъ замѣтокъ. Высказывая мысль, что расколъ живетъ и движется религіозными стремленіями, мы встрѣчаемся съ слѣдующаго

рода недоумѣніями: во первыхъ, какимъ образомъ нашъ простой, малоразвитый и въ умственномъ и въ нравственномъ и въ религіозномъ отношеніи, народъ можетъ на себя защиту *свобы*, когда онъ самъ почти ничего не смыслитъ въ ней, когда притомъ по самой натурѣ своей праятической, склонной къ реализму, къ положительности, онъ едва ли даже способенъ къ обсужденію отвлеченныхъ, трудно уловимыхъ для малообразованнаго чловека религіозныхъ вопросовъ (стр. 82 и 90)? Во вторыхъ: если расколъ отдѣлился и отдѣляется отъ церкви и православнаго общества въ свѣдѣствіе религіознаго разногласія съ нимъ, то какъ объяснить то явленіе, что въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ власть церковная не можетъ примирить съ собою отпаденіи отъ церкви членовъ, несмотря на то, что исправность обрядовъ, содержимыхъ раскольниками, доказана ею и, повидимому, удовлетворительно? Въ третьихъ: какъ объяснить въ такомъ случаѣ то обстоятельство, что съ открытіемъ даже едновѣрія; въ которомъ дозволены всѣ защищаемыя раскольниками обрядовыя разности, раскольники не переходятъ на сторону чадъ, послушныхъ церкви, а остаются раскольниками? Наконецъ въ четвертыхъ: если расколъ преслѣдуетъ однѣ религіозныя цѣли; то что же значать находящіеся въ разныхъ раскольническихъ сочиненіяхъ нападки раскольниковъ на нѣкоторые существующіе гражданскіе порядки и государственныя учрежденія? Нельзя не сознаться, что возраженія эти весьма естественны, и мы не считаемъ себя въ правѣ отказать отъ болѣе или менѣе удовлетворительнаго рѣшенія ихъ.

Прежде всего лица, несогласныя съ нашимъ взглядомъ на расколъ, какъ на религіозную общину, ука-

зываютъ на замѣтное отсутствіе въ насъ простомъ народѣ знанія вѣры, и въ этомъ обстоятельствѣ находятъ основаніе сомнѣваться, чтобы расколъ, сосредоточенный по преимуществу въ низшіе классы нашего общества, въ состояніи былъ взять на себя защиту древней вѣры, мноюповрежденной Никономъ. Было бы странно оспаривать мысль, что народъ нашъ крайне недалекъ въ религиозномъ отношеніи. Мы вполне согласны, что большинству, массамъ, даже въ настоящее время, не говоримъ о XVII и XVIII столѣтіяхъ; почти неизвѣстны многія теоретическія истины вѣры, самыя существенныя въ дѣлѣ спасенія, — догматы вѣры, самыя основныя въ христіанствѣ. Самая нравственность Евангельская понимается доселѣ большинствомъ нашего простонародья какъ-то узко, исключительно, нерѣдко суевѣрно. Все это правда, только все это не можетъ служить основаніемъ для мысли, будто расколъ, составленный главнымъ образомъ изъ нашего простонародья, не въ состояніи взять на себя защиты вѣры. Во первыхъ, всякій знаетъ, что въ первую пору жизни раскола, сторонниками и защитниками его были по преимуществу лица духовныя: дьяконы, поны, протопопы, монахи, іеромонахи, архимандриты. Масса, народъ только шелъ въ слѣдъ за этими вожаками и въ рѣдкихъ случаяхъ выдѣлялъ изъ себя лицъ, которые были бы способны сказать или написать слово въ защиту „древняго благочестія“. А зная это обстоятельство, нетрудно уже коняты, могъ ли расколъ *на первыхъ порахъ* взять на себя защиту вѣры. Кому же лучше и извѣстна была въ то время вѣра, защищаемая расколомъ, какъ не лицамъ духовнымъ вообще, и въ частности тѣмъ напр. пресловутымъ попамъ и протопопамъ, которые зани-

нались исправленіемъ книгъ при патріархѣ Іосифѣ и слыли въ народѣ за философовъ многоученыхъ. Правда, какъ показываютъ сочиненія, многіе даже изъ Іосифовскихъ справщиковъ (напр. Лазарь, Никита и др.) не отличались ни вообще образованіемъ, ни въ частности образованіемъ религіознымъ, богословскимъ. Но при этомъ не нужно забывать того обстоятельства, что перемѣны, сдѣланныя Никономъ въ книгахъ, касались не догматовъ вѣры и основныхъ началъ нравственности евангельской, но — буквъ, словъ, выраженій, частныхъ обрядовъ, церковныхъ порядковъ и дисциплины. А все это такія вещи, которыя могли быть подъ-силу и „упавшему иногда на брезѣ грамматическаго разума“ уму, напр. Никиты Пустосвята. Въ самомъ дѣлѣ, ужели напр. трудно было замѣтить, что что-то не такъ, когда ревнители старины читали въ новыхъ книгахъ вмѣсто: двѣторядаещи—отроча раждаещи (1), вмѣсто: *бедше*—*было еси* (2), вмѣсто: отнуду или отъонуду — отнюдь (3), вмѣсто: израиль — истраиль (4) и под. А подобными обличеніями и наполены всѣ первоначальныя раскольническія сочиненія, извѣстныя подъ именемъ челобитныхъ. Правда и предметы подобныхъ обличеній могли быть доступны только людямъ грамотнымъ, или по крайней мѣрѣ внимательно слушавшимъ церковное богослуженіе и чрезъ то изучившимъ текстъ древнихъ богослужебныхъ книгъ; но не нужно забывать, что въ числѣ перемѣнъ, сдѣланныхъ Никономъ, было немало и такихъ, которыя могли быть замѣчены людьми и грамотными и неграмотными, самыми „препростыми“ по-

(1) Жем. обл. 12.

(2) Челоб. черница Савватія, изд. Кожанчикова, 1862 г. стр. 24—25.

(3) Тамъ же стр. 33.

(4) Тамъ же стр. 37.

селянами, и — могли возбудить недовольство и протест во всѣхъ. Къ числу такихъ переѣвъ прежде всего относится замѣна двуперстия троеперстиемъ для крестнаго знаменія. Сюда же относится введеніе тригубой аллилуіа вмѣсто сугубой, противосомоннаго хожденія вмѣсто досодоннаго, четвероконечнаго креста вмѣсто осьмиконечнаго и под. Едва ли кто будетъ оспаривать, что всѣ эти переѣвы легко и немедленно могли быть замѣчены веѣми, начиная съ „честныхъ и благородныхъ персонъ и фамильныхъ и славныхъ лицъ“ и кончая „людьми зѣло простыми“. Не спорить, что между современниками Никона, какъ и между раскольниками настоящаго времени, могло быть большое множество лицъ, которыя не въ состояніи были представить теоретическія, научныя основанія и противъ указанный нами переѣвъ; но не нужно забывать, что простой народъ смотритъ на дѣло нѣсколько иначе; чѣмъ люди ученые; онъ не особенно и нуждается въ отвлеченныхъ доказательствахъ той или другой истины, а смотритъ больше на опытъ, на жизнь, на обычаи; на практику, и здѣсь старается найти разъясненіе своимъ недоумѣніямъ. А практика церкви времени предшественника Никонова и жизнь религиозно-обрядовая вѣрующаго той поры говорили рѣшительно противъ Никона. И вотъ, не умѣя представить никакихъ доказательствъ въ пользу „древняго благочестія“, раскольники-престецы стали защищать „древлецерковное, содержаніе“ жизни, обычаевъ, прежнюю практику церкви; — и явилось неизмѣнно существующее досеѣ въ расколѣ выраженіе: „такъ было въ старину“, — выраженіе, нужно сознаться, имѣющее все свое значеніе въ рѣшеніи обрядовыхъ вопросовъ.

Такимъ образомъ расколъ въ первую пору своей жизни имѣлъ довольное число послѣдователей, которые въ состояніи были защищать его „догматы“, состоявшіе главнымъ, если не исключительнымъ, образомъ изъ незначительныхъ обрядовъ и церковныхъ чиновъ, отъ которыхъ Никонъ. Что же касается послѣдующей жизни раскола, то и въ прошломъ и въ настоящемъ столѣтіи между равнотеми старины было и есть не мало людей, которые могутъ направлять массами, возставшими изъ-за вѣры противъ церкви. Во первыхъ, кто видалъ расколъ лицомъ въ лицу, тотъ знаетъ, что какъ въ концѣ XVII столѣтія, такъ и въ настоящее время, основныя, существенныя „догматы“ его состоятъ изъ тѣхъ же самыхъ обрядовыхъ разносостей, изъ-за которыхъ ратовали противъ церкви Аввакумъ, Лазарь и подобныя имъ вожди раскола. Старыя книги, двуперстѣ, трисоставный крестъ и проч. — вотъ что дорого и свято по преимуществу для большинства и современныхъ намъ раскольниковъ. А все это такія простыя и наглядныя вещи, что понимать ихъ можетъ самая неразвитая голова. Правда въ прошломъ и особенно въ настоящемъ столѣтіи явились въ расколѣ, особенно въ безпоповщинѣ, мнѣнія болѣе отвлеченныя и высшія, — эти я попадаются въ сочиненіяхъ раскольническихъ обвиненія на церковь, касающіяся истинъ теоретическихъ, догматовъ вѣры въ собственномъ смыслѣ слова. Но зато нужда выработала въ расколѣ и лицъ, способныхъ развивать, доказывать и защищать новыя положенія раскола. Одинъ „каталогъ писателей старовѣрческой церкви“ Павла Любопытнаго можетъ убѣдить насъ, что по мѣрѣ того, какъ православные писали *противъ* раскола, являлись и въ немаломъ числѣ защитни-

ия его, — люди не рѣдко замѣчательныхъ дарованій и самаго обширнаго знакомства съ нашими древностями, сочиненія которыхъ доселѣ служатъ для раскольниковъ символическими книгами, а для православныхъ предметомъ опроверженій, иногда даже не совсѣмъ удовлетворительныхъ. Мало этого: въ слѣдствіе ли необходимости давать отвѣтъ всякому вопрошающему объ исповѣданіи, котораго держатся раскольники, или потому, что расколъ живетъ своею, отдѣльною, болѣе свободною отъ всякаго рода официальныхъ регламентацій жизнью, только въ немъ грамотность всегда была развита больше, чѣмъ между православными того же полѣта. По увѣренію знатоковъ дѣла, даже въ прошломъ столѣтіи въ слѣдственныхъ дѣлахъ раскольниковъ всегда почти можно найти ихъ собственноручныя подписи, тогда какъ православные, бывшіе при этомъ свидѣлями или донесчиками, ограничивались только черченіемъ креста, или приложеніемъ къ бумагѣ пальцевъ руки. И въ настоящее время если взять двухъ лицъ одинаковаго сословія, напр. крестьянъ, изъ которыхъ одно принадлежитъ къ церкви, а другое — къ расколу, и спросить ихъ о вѣрѣ, то непременно окажется знанія дѣла больше въ раскольникѣ, чѣмъ въ православномъ. Это вообще можно сказать о массѣ. Что же касается отдѣльныхъ личностей, то въ расколѣ между простолудинами можно иногда встрѣтить такихъ знатоковъ „древняго благочестія“, которые не рѣдко одерживаютъ побѣды въ состязаніяхъ даже съ православными миссіонерами, нарочито подготовленными къ борьбѣ съ расколомъ. И если случается иногда, что раскольникъ, призванный на увѣщаніе къ мѣстному священнику, или въ консисторію, на всѣ вопросы увѣщателей отвѣ-

часть краснорѣчивымъ молчаніемъ, это еще не значитъ того, чтобы онъ не умѣлъ сказать слова въ защиту своего „древняго содержания“, а просто выражаетъ только неохоту увѣщаемаго вступать въ споръ о такихъ предметахъ, которые, по его мнѣнію, не нуждаются ни въ какихъ доказательствахъ, а не рѣдко даже означаетъ глубокое презрѣніе раскольника къ увѣщателямъ за ихъ „льстивыя, еретическія рѣчи“.

Въ подтвержденіе своей мысли о томъ, что расколь не знаетъ вѣры и слѣдовательно не можетъ и защищать ее, и, если отдѣляется отъ церкви, то не изъ-за разногласій религіозныхъ съ нею, а по другимъ, гражданскимъ причинамъ, г. Шаповъ указываетъ на то, что некоторые изъ раскольниковъ при допросахъ на судѣ прямо сознавались: „прямаго-де христіанскаго ученія, какъ проповѣдуетъ восточная Церковь, и отъ рожденія своего они не слышали“ (стр. 38). Правда въ первомъ томѣ „Раскольниковыхъ дѣлъ“ г. Есипова указано два раскольника, которые говорили на допросѣ, что они отъ рожденія не слышали христіанскаго ученія, проповѣдуемаго восточною церковію (!). Но г. Шаповъ крайне погрѣшилъ противъ научнаго безпристрастія, когда привелъ выше указанныя слова въ подтвержденіе той своей мысли, что расколь, какъ сосредоточенный по преимуществу въ крестьянствѣ, никогда не аналъ, да и не могъ знать, а слѣдовательно и защищать, вѣры. Указанныя выше слова значатъ совсѣмъ другое. Ларионовъ Захаровъ Бедринскій и Калина Михайловъ говорили на допросѣ, что не знаютъ и отъ рожденія не слышали прямаго христіанскаго ученія, какъ исповѣдуетъ

(!) Раск. дѣла, т. I, стр. 97 и 100.

его восточная Церковь, выражая этимъ не то, будто съ прямымъ христіанскимъ ученіемъ не былъ знакомъ вообще нашъ народъ великорусскій, а то, что они, какъ *воспитанные въ расколѣ съ малолѣтства*, не знали и даже не слышали *православнаго* ученія, а были знакомы только съ ученіемъ раскола, да и то не со всеми его тонкостями. „А того ихъ расколу онъ, Ларіонъ, существомъ не зналъ и внималъ такъ, какъ изъ малыхъ лѣтъ изучаеъ, тому и вѣрилъ; а *прямаго христіанскаго ученія, какъ исповѣдуетъ святая восточная соборная Церковь, онъ и отъ рожденія своего неслыхалъ; даже того, что и грамотъ учился онъ при отцѣ своемъ, будучи въ томъ расколѣ*“, — вотъ подлинныя слова допроса Ларіона Бедринскаго, и они показываютъ только, что Ларіонъ не зналъ *православнаго* ученія, а не вообще христіанскаго, и не зналъ единственно потому, что еще въ малолѣтствѣ былъ соращенъ въ расколъ отцемъ, который даже грамотъ училъ сына въ раскольниковемъ духѣ, т. е. по такимъ книгамъ, которыя знакомили учащагося только съ мифіями старины. Въ томъ же самомъ смыслѣ говорить о незнаніи своего *прямаго христіанскаго ученія и другой раскольникъ, Калина Миланковъ*. Но изъ того, что два раскольника XVIII столѣтія, наученные расколу еще съ малолѣтства, не знали *православнаго* ученія, что весьма естественно, — слѣдуетъ ли заключать, что и вообще нашъ великорусскій народъ — крестьяне не знали „христіанства по *требкороссійскимъ церковнымъ книгамъ*“, — не знали не только со времени появленія раскола, но и до раскола? Намъ кажется, что заключенія подобнаго рода сильно страдаютъ недостаткомъ логики и могутъ быть *дозволены только въ томъ случаѣ, когда несправедливую мысль*

приходится защищать междуцими къ дѣлу доказатель-
ствами. Да, приходится повторить, что г. Шаповъ не
съ должнымъ уваженіемъ обращается съ историческими
данными и часто, очень часто своему предзанятому,
правда довольно оригинальному, только невольно спра-
ведливому, взгляду на расколъ жертвуетъ исторической
правдой. Какъ увлеченіе, подобное явленіе понятнѣе; но
есть основаніе думать, что авторъ „Земства и раскола“
иногда сознательно, намѣренно, хладнокровно извраща-
етъ свидѣтельства и факты исторіи и даетъ имъ свой,
нужный для него, смыслъ. Однимъ изъ такихъ основа-
ній могутъ служить разобранныя нами сей часъ слова
раскольниковъ. Не понять надлежащаго смысла этихъ
словъ нельзя. Но такъ какъ этотъ смыслъ не подхо-
дилъ къ взгляду на расколъ г. Шапова, то авторъ „Зем-
ства и раскола“ рѣшился употребить раскольничій при-
ѣмъ въ доказательствахъ, т. е. привелъ слова расколъ-
никовъ невольно, а съ пропускомъ тѣхъ изъ нихъ, ко-
торыя даютъ настоящій смыслъ показаніямъ расколъ-
никовъ, и чтобы скрыть отъ читателя свою продѣлку,
г. Шаповъ не указалъ и книги, изъ которой взялъ сло-
ва раскольниковъ; — вѣрь-де читатель на слово. Кстати:
мы не находимъ особенно похвальнымъ дѣломъ — манеру
автора „Земства и раскола“ — не дѣлать указаній на кни-
ги и рукописи, изъ которыхъ онъ заимствуетъ тѣ или
другія свидѣтельства въ пользу своихъ мыслей. Взглядъ
на расколъ г. Шапова до того новъ и оригиналенъ, а
между тѣмъ свѣдѣній о расколѣ и его произведеніяхъ
литературныхъ въ обществѣ еще такъ мало, что у ина-
го читателя невольно можетъ возникнуть недовѣріе къ
высказаннымъ авторомъ „Земства“ истинамъ и вмѣстѣ
желаніе повѣрить факты и свидѣтельства исторіи, на

которыхъ онъ основываетъ свои положенія. Но при отсутствіи въ произведеніяхъ г. Шапова указаній на точечную привязку это желаніе въ исполненіе, разумеется, не всякій можетъ.

Такимъ образомъ мысль, будто расколъ, сосредоточенный по преимуществу въ простонародьи, не можетъ даже преслѣдовать религіозныхъ цѣлей, потому что самъ не знаетъ вѣры, оказывается рѣшительно несправедливою. Расколъ же знаетъ и не изучаетъ нашихъ догматич., по ему хорошо знакомы „древнія богодухновенныя книги“, въ родѣ большаго и малаго катихизисовъ, книги о вѣрѣ, книги Кирилловой, Маргарита, Стоглава и множества другихъ, которыхъ и достаточно для того, чтобы защищать ими содержимыя раскольниками обрядовыя разности. Здѣсь же находитъ расколъ основанія и для обвиненій, вводимыхъ имъ на Церковь православную, будто бы уклонившуюся въ латинство и одолевшую чрезъ это виѣстлицемъ всѣхъ возможныхъ ересей. Наконецъ нельзя забывать и того, что на народъ, на массу гораздо сильнѣе дѣйствуютъ живые примѣры религіозныхъ, какъ и всякихъ другихъ, убѣжденій, чѣмъ теоретическія доказательства ихъ истинности, болыною частію недоступныя уму малоразвитому. А такихъ примѣровъ, благодаря гоненію на расколъ, раскольники видѣли очень много, начиная съ Аввакума, пожертвовавшаго головою за свои убѣжденія, и кончая всякимъ современнымъ намъ раскольникомъ, по обстоятельствомъ подвергшимся преслѣдованію власти свѣтской, или духовной. Эти „мученики“ за вѣру были и будутъ всегда самыми лучшими учителями раскола, за которыми народъ пойдетъ съ самоотверженіемъ, хотя бы онъ и не былъ посвященъ во всѣ тайны, за которыя терпятъ его вожатаи.

Точно также намъ кажется несогласіемъ справедливого и другая мысль г. Щапова, будто народъ нашъ, по самой природѣ своей, положительной, слогной къ реализму, не способенъ даже заниматься отвлеченными вопросами вѣры, а скорѣе все вниманіе свое сосредоточиваетъ на дѣлахъ житейскихъ, на землѣ и ея вольномъ обладаніи, и что поэтому и расколъ, сосредоточившійся главнымъ образомъ въ земствѣ, не можетъ и не можетъ взять на себя защиты древней вѣры, а только подызается ею для прикрытія своихъ болѣе практическихъ цѣлей. Въ подтвержденіе своей мысли о положительности, практичности натуры русскаго народа, а слѣдовательно и раскола, г. Щаповъ указываетъ, между прочимъ, на то, что такъ называемое Пастухово согласіе учитъ, напр., что нужно ходить по простой землѣ, а не по мостовой каменной: „мостовая-де каменная антихристова выдумка“ (стр. 90). Оспаривать практичность, положительность природы нашего народа мы не намѣрены, но только несогласны допустить, чтобы эти черты народнаго характера дѣлали наше земство неспособнымъ къ отвлеченно-религіознымъ вѣрованіямъ. Иначе придется допустить, что религія можетъ быть достояніемъ не всякаго народа, а только нѣкоторыхъ, избранныхъ, предназначенныхъ къ тому самою природою обществъ человѣческихъ, что напр. народы пастушескіе, или земледѣльческіе, которые всегда отличаются „естественностию своихъ возрѣній“, по самой натурѣ своей не могутъ быть сосудами истины, принесенной на землю Христомъ Спасителемъ. Мы не споримъ, что каждый народъ въ дѣлѣ религіи можетъ имѣть свои особенности, что напр. одинъ болѣе способенъ къ усвоенію и разработкѣ теоретическихъ или догма-

теическихъ религіозныхъ истинъ, другой *больше* останавливается на внѣшней, обрядовой сторонѣ богослуженія. Но утверждать, чтобы былъ народъ, который бы по самой природѣ своей былъ неспособенъ къ усвоенію теоретическихъ, религіозныхъ вопросовъ, къ отмѣченно-религіознымъ вѣрованіямъ, значить, по нашему мнѣнію, показывать мысль больше, чѣмъ сама люю. Да и самъ субъективнѣйшій народъ въ дѣлѣ религіи — и нѣтъ, по нашему мнѣнію, условное, относительное значеніе. Если напр. известное человѣческое общество останавливается въ дѣлѣ вѣры на ея внѣшнихъ проявленіяхъ: на обрядѣ, богослуженіи, это еще не значить, чтобы оно по натурѣ своей и не могло отъ обряда перейти въ область религіознаго совершенія и начать разработку самыхъ отвѣченныхъ религіозныхъ вопросовъ, а значить только, что условія, въ которыхъ живетъ это общество, неблагоприятны для развитія въ немъ высшихъ стремленій, что жизнь этого общества направляется окружающими обстоятельствами больше къ будничной работѣ, къ житейскимъ интересамъ, чѣмъ къ отвѣченнымъ умственнымъ и религіознымъ вопросамъ. Измѣнивъ условія, стань жизнь нѣсколько въ другія болѣе широкія рамки, и это самое общество, которое прежде понимало вѣру въ смыслѣ внѣшняго, доступнаго для глаза обряда, сдѣлается способнымъ разумѣть самыя высшія истины религіи. Нѣтъ нужды говорить, что однимъ изъ самыхъ первыхъ и важныхъ условій, дающихъ тотъ или другой coloringъ религіозной жизни каждаго народа, служитъ степень его умственнаго развитія и образованія. Чѣмъ выше развито и образовано известное общество, тѣмъ способнѣе оио къ интересамъ религіознымъ, тѣмъ выше его взглядъ на вѣру,

тъмъ глубже пониманіе ея духа. И наоборотъ, народъ грубый, невѣжественный и самую религію понимаетъ узко, ограничивается одними видѣнными ея проявленіями и въ нихъ сосредоточиваетъ все свои религіозные интересы. Природныя свойства того или другаго народа играютъ въ этомъ случаѣ очень небольшую роль, такъ что одинъ и тотъ же народъ, смотря по степени его образованія въ разное время, можетъ быть и самымъ глубокомысленнымъ богословомъ и самымъ грубымъ, приверженнымъ къ обряду, раскольникомъ. Самое разительное доказательство нашей мысли представляетъ христіанская Греція. Посмотрите на четвертый и пятый вѣка христіанской эры, когда не только Великіе Василій, Аванасій, Григорій и другіе отцы церкви всю жизнь свою посвящали на разъясненіе себѣ и своимъ пасомымъ высочайшихъ, таинственнѣйшихъ догматовъ вѣры, но когда и самый народъ съ утра до вечера занимался разсужденіями о Святой Троицѣ на площадяхъ, въ пенарняхъ и др., и сравните эти золотыя времена съ вѣками VIII и слѣдующими за ними, когда самые пастыри церкви больше обращали вниманіе на видѣнія выраженія вѣры, на обряды богослуженія, на церковную дисциплину и порядокъ, — и вы убѣдитесь, что одинъ и тотъ же народъ можетъ въ разное время совершенно различно относиться къ религіи и, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, то возвышаться до способности проникать въ самыя высокія тайны вѣры, то понижаться до невозможности видѣть въ дѣлѣ вѣры ничего, кромѣ буквы и обряда. Впрочемъ, и это послѣднее религіозное направленіе, которымъ искони отличалась Русь православная, не таково само въ себѣ, чтобы оно дѣлало народъ нашъ неспособнымъ интере-

сваться предметам вѣры, и даже отвлеченными религиозными вопросами. Это потому, что такое направление бываетъ слѣдствіемъ присутствія въ народѣ самаго глубокаго и живаго религіознаго чувства, только же освѣщеннаго надлежащимъ образованіемъ, въ слѣдствіе чего народъ, не имѣя, по недостатку образованія, болѣе высокихъ и серьезныхъ умственныхъ интересовъ, переноситъ всю силу своего религіознаго чувства на вѣщныя предметы вѣры и, недолговременный въ своемъ стремленіи здравою, развитою, сложнойною мыслию, переходитъ въ своей привязанности къ буквѣ, къ обряду за надлежащія границы, — обрядъ начинаетъ считать догматомъ и въ перемѣнѣ его готовъ видѣть перемѣну самой вѣры. Такого, къ сожалѣнію, и было отношеніе къ вѣрѣ нашего народа всегда, и въ особенности во времена ближайшія ко времени появленія нашего раскола. Этимъ-то обрядовымъ направленіемъ религіозной жизни нашихъ предковъ мы и объясняемъ происхожденіе самого раскола, какъ объяснялъ это явленіе и самъ г. Шаповъ въ своей книгѣ: „Русскій расколъ старообрядства“. Не споримъ, что частныхъ причинъ появленія и особенно быстрого распространенія раскола было много, но главная и основная заключалась именно въ неразумной, страстной, привязанности нашихъ предковъ къ вѣщнымъ выраженіямъ вѣры, къ обряду, къ богослуженію. Гражданскія стремленія и интересы, или другіе какіе либо расчеты житейскіе, не дали бы расколу силъ такъ многими жертвовать въ пользу своего дѣла. Только сильное, глубокое религіозное чувство, доведенное обстоятельствами до фанатизма, могло и можетъ рѣшиться идти на костеръ за крестъ двуперстный, или — изъ она-

сенія попасть въ руки антихристу. Присутствуемъ въ расколѣ этого чувства мы объясняемъ и безуспѣшность мѣръ правительства противъ него, и ту изумительную пропаганду раскола, противъ которой безсильною оказывается проповѣдь православная. Человѣкъ уиственно-развитый и слѣдовательно болѣе спокойно относящійся къ религіознымъ интересамъ, еще можетъ вступить въ сдѣлку съ своею совѣстію и благоразумно подчиниться обстоятельствамъ, идти противъ которыхъ нельзя безъ какихъ либо пожертвованій. Но чувство религіозное не знаетъ никакихъ уступокъ: ему нуженъ исходъ, и когда встрѣчается какое либо препятствіе этому исходу, оно только становится жгучѣе, порывистѣе и приобрѣтаетъ такую упругость, что внѣшняя сила можетъ сломить его, но никогда не подчинить его себѣ. Но сломленное, оно является еще болѣе могущественнымъ, благодаря перенесеннымъ страданіямъ,—является мученикомъ, за которымъ пойдутъ толпы народа, если бы даже этотъ мученикъ и далекъ былъ отъ пропаганды.

Такимъ образомъ мысль, будто народъ нашъ, а слѣдовательно и расколъ, сосредоточенный въ народѣ, по самой природѣ своей положительной, практичной, не способенъ къ религіознымъ интересамъ, на нашъ взглядъ, больше, чѣмъ несправедлива. Что же касается частной мысли, будто народъ нашъ не можетъ отдаваться всей душой, по крайней мѣрѣ, такимъ отвлеченнымъ религіознымъ вѣрованіямъ, каково напр. мистико-апокалипсическое представленіе объ антихристѣ и др., то и эта мысль требуетъ большаго ограниченія. Мы согласны допустить, что народъ нашъ, по своей неразвитости, не въ состояніи отчетливо сознавать какія либо

отвлеченныя понятія, а по своей практичности не способны жертвовать головой во имя какой либо утопіи. Но нужно взять во вниманіе то обстоятельство, что мистико-апокалипсическое представленіе антихриста въ нашемъ народѣ и особенно въ расколѣ воплощено въ опредѣленные образы, и, убѣгая въ пустыни отъ антихриста, раскольники поступали такъ не въ силу мертвой, отвлеченной идеи, а въ слѣдствіе живо ощущаемаго ими нравственнаго и физическаго гнета отъ лицъ, которыя будто бы духъ злобы избралъ въ орудіе для своихъ дѣйствій въ этомъ грѣшномъ мірѣ. Патріархъ Никонъ, повелѣвшій креститься тремя перстами, вмѣсто двухъ, и чрезъ это будто бы положившій на десной рукѣ учениковъ своихъ печать, о которой говорится въ апокалипсисѣ и у святыхъ отцевъ въ приложеніи къ антихристу, — Пётръ Великій, усвоившій себѣ антихристово имя: *императоръ* (вмѣсто: императоръ) и безпощадно преслѣдовавшій старину и всѣхъ, кто привязанъ былъ къ ней, — вотъ что пугало раскольниковъ и даже нераскольниковъ и заставляло ихъ бѣжать въ пустыни и лѣса. Пусть г. Шаповъ прочтаетъ въ первомъ томѣ раскольничьихъ дѣлъ статью: „Вардаамъ Левинъ“, и онъ увидитъ, какъ отвлеченное, мистико-апокалипсическое представленіе объ антихристѣ не давало покоя и сводило съ ума современниковъ Великаго Преобразователя. Тутъ дѣйствовало не воображеніе только, хотя и оно имѣло свое значеніе, но наглядныя, осязательныя факты жизни, которые смущали совѣсть воспитанныхъ въ старинѣ людей и дѣлали жизнь ихъ въ обществѣ, цивилизуемомъ Петромъ, тягостною, невыносимою. „Послушайте, христіане, послушайте, говорилъ Левинъ народу въ Пензѣ, много лѣтъ я служилъ въ арміи у гене-

рагъ-маіора Гавріилы Семеновича Кропотова въ командѣ... Меня зовутъ Левинъ... жила я въ Петербургѣ; тамъ монахи и всякіе люди въ посты ѣдятъ мясо и меня это заставляли. А въ Москву пріѣхалъ царь Петръ Алексѣевичъ... онъ не царь Петръ Алексѣевичъ, а антихристъ... антихристъ... А въ Москвѣ весь мясо ѣсть будутъ сырную недѣлю и въ великій постъ и весь народъ мужеска и женска пола будетъ онъ печатать, а у помѣщиковъ всякій хлѣбъ описывать, и помѣщикамъ будутъ давать хлѣба самое малое число, а изъ оставшаго отписнаго хлѣба будутъ давать только фунтъ людямъ, которые будутъ запечатаны, а на которыхъ печатей нѣтъ, тѣмъ хлѣба давать нестанутъ... Бойтесь этихъ печатей, православные!.. бѣгите, скройтесь куда нибудь... послѣднее время... антихристъ пришолъ... антихристъ" (1). Эта страстная проповѣдь Левина, какъ всякій можетъ видѣть, не сочиненіе на предвзятую, холодную, отвлеченную мысль, а живое, искреннее убѣжденіе, такъ сказать, выхваченное авторомъ изъ современной ему жизни, изъ окружавшихъ его обстоятельствъ. Оттого-то и могущественно, неострашимо дѣйствовали подобныя проповѣди на народъ православный, въ простотѣ сердца видѣвшій въ клеймахъ, привезенныхъ изъ-за моря, печать антихристову; и бѣжали напуганные люди въ лѣса, бѣжали не съ цѣлю „искать новаго колонизаціоннаго и матеріально-хозяйственнаго свободнаго земскаго устройства“, какъ думаетъ г. Шаповъ (стр. 91), но чтобы скрыться отъ антихриста и въ дали отъ его козней спасти свою душу. „Вотъ книги: „Кирилла Іерусалимскаго“, „апокалипсисъ“, „Марга-

(1) Т. I, стр. 24.

рять“, говорили одинъ раскольникъ въ Керженскихъ лѣсахъ, показывая камни народу. Я слышу изъ божественное писаніе. Слушайте! нынче уже въ міръ антихристъ есть и *намѣ оуимъ своей не стаетъ, аще не придетъ къ намъ арміадамъ*; а которые нынче живутъ въ мірѣ, неумрутъ, и намъ тѣхъ помянуть ненадо и недовѣтъ: для того, что Никонъ патріархъ нарушилъ вѣру христіанскую и нынче святости никто не обрѣтаетъ“ (1). Понятно изъ этихъ словъ, какіе мотивы двигали народомъ, бѣжавшимъ въ расколъ и въ лѣсы; это—не „реальная идея крестьянскаго міра, мірскаго согласия, мірскаго схода и крестьянской общины“, какъ утверждаетъ г. Шаповъ, а живое сознаніе погибели на землѣ всякой святости и искреннее желаніе спасенія въ дали отъ міра, сдѣлавшагося царствомъ антихриста. „И въ прошлыхъ годахъ, рассказывалъ уже на допросѣ въ Преображенскомъ приказѣ тотъ же раскольникъ, который проповѣдывалъ въ Керженскихъ лѣсахъ объ антихристѣ, онъ, Кузьма, и Аванасій холостые, а Иванъ (всѣ братья) съ женою, сошли въ Керженскіе лѣса и жили въ пустыняхъ, *ради спасенія душъ своихъ*, для того, что стало быть въ Москвѣ вѣрѣ перемѣненіе, началась святая служба неправильно, по новонапечатаннымъ книгамъ, литургію стали служить на пяти просфорахъ, а не требнику старой печати, при державѣ блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича и всей Россіи и при святѣйшихъ патріархахъ при Іосифѣ и Іоасафѣ, служили литургію на семи просфорахъ; и въ томъ стала убавля, а въ иныхъ стала прибавля... и онъ, Кузьма,

(1) Раск. дѣла XVIII стол., т. I, стр. 561.

съ братьями, усмотря перемѣненіе вѣры, для того въ Керасенскій альб и сошлѣ" (1). Наконецъ не можемъ не замѣтить и того, что, зная нашу апокрифическую литературу, такъ называемыя „отреченныя книги“, трудно согласиться, чтобы нашъ практическій народъ вообще неспособенъ былъ къ отвлеченнымъ религіознымъ вѣрованіямъ и не былъ расположенъ жертвовать этимъ вѣрованіямъ своими житейскими, матеріальными интересами. Вѣдь вопросы о томъ, какъ и когда созданы Богомъ ангелы, злые духи, первые люди, видимый міръ и проч. нельзя назвать неотвлеченными, а отвѣтами своеобразными на эти и подобныя имъ вопросы переполнены, можно сказать, наши древніе сборники, которые и доселѣ ходятъ по рукамъ у нашего просто народа. Значить, разрѣшеніе этихъ отвлеченныхъ, неприложимыхъ къ жизни вопросовъ, интересуется нашъ людъ православный. А что народъ нашъ, несмотря на свою практичность и положительность, способенъ даже жертвовать матеріальными выгодами въ пользу своихъ религіозныхъ убѣжденій и вѣрованій, — доказательствомъ этого, кромѣ двухвѣковой страдальческой жизни раскола, могутъ служить тѣ безчисленные и разнообразныя жертвы, которыя приносятъ нашъ православный народъ, то украшая храмы Божіи, то путешествуя по святымъ, самымъ отдаленнымъ обителямъ, то, наконецъ, питая и призирая Христа ради нищихъ, странниковъ, богомольцевъ и др. Какая бы узкая религіозная мысль ни руководила иногда нашимъ добрымъ народомъ въ указанныхъ его дѣйствіяхъ, — во всякомъ случаѣ основой ихъ служить дорогое, неотъемлемое свой-

(1) Раскольн. дѣла, т. I, стр. 594.

ство русскаго челоуѣка, — живое религиозное чувство. А вѣдь еще вопросъ: что важнѣе въ дѣлѣ вѣры, — умъ ли развитый и обогащенный богословскими познаніями, или простое, незлобивое сердце, которое нерѣдко, не сознавая ясно дѣла, *вѣруеть*, однакоже, *въ правду* и вѣруеть такъ живо и искренно, что подѣ-часъ не затрудняется исповѣдывать свою вѣру и устами, хотя бы за то пришлось поплатиться не только имѣніемъ, но и самою жизнью, какъ дѣлали это въ былое время раскольники, когда за сознаніе въ своихъ убѣжденіяхъ подвергались кнуту и прочимъ атрибутамъ преображенскаго приказа и тайной канцеляріи. Такимъ образомъ мы думаемъ, что, отнимая у нашего народа способность къ религиознымъ вѣрованіямъ и интресамъ и ограничивая всѣ его наклонности и стремленія мірскими, житейскими, практическими разсчетами, г. Щаповъ или не знаетъ свойствъ русскаго народа, или просто—велевещеть на него.

Второе возраженіе состоитъ въ слѣдующемъ: если, какъ мы утверждаемъ, расколъ отдѣлился и отдѣляется отъ православнаго общества въ слѣдствіе религиознаго разногласія съ нимъ, то какъ объяснить то явленіе, что въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ власть церковная не можетъ примирить съ Церковію отпадшихъ отъ нея членовъ, не смотря на то, что неправильность обрядовыхъ разностей, изъ-за которыхъ раскольники не присоединяются къ Церкви, доказана ею и, по видимому, удовлетворительно? На нашъ взглядъ, возраженіе это больше щекотливо по своему смыслу, чѣмъ сильно по своей основательности. Постараемся рѣшить его, сохраняя полное безпристрастіе къ дѣлу.

Никто, надѣемся, не будетъ спорить, что, не смот-

ря на различіе въ ученіи поповщины и безпоповщины, образовавшееся уже въ послѣдствіи времени въ слѣдствіе разныхъ историческихъ и случайныхъ обстоятельствъ, главное основаніе ученія той и другой секты, или раскола вообще, составляютъ и доселѣ тѣ обряды, изъ-за которыхъ возстали противъ Никона приверженцы старины, т. е. двуперстіе, седмипросфоріе, осьмиконечный крестъ, хожденіе по-солонь и др. Все различіе поповщины и безпоповщины въ отношеніи къ указаннымъ предметамъ состоитъ въ томъ, что тогда, какъ одни (поповцы) троеперстіе, пятипросфоріе и др. считаютъ „новшествами“, нарушеніемъ древней истины и Церковь, усвоившую эти мнимыя нововведенія, признали неправославною, еретическою, другіе (безпоповцы) посмотрѣли на дѣло нѣсколько строже и въ указанныхъ перемѣнахъ обрядовыхъ нашли „знаменія“ пришествія антихристова, и, въ слѣдствіе такого суроваго взгляда, Церковь православную назвали царствомъ антихриста. До какихъ различныхъ выводовъ въ своемъ ученіи ни дошли тѣ и другіе въ послѣдствіи времени, — во всякомъ случаѣ точка исхода у поповцевъ и безпоповцевъ одна: перемѣны, будто бы сдѣланныя Никономъ въ указанныхъ нами обрядахъ. Вы можете отлично доказать поповцу, что состояніе христіанскаго общества безъ Епископа — неестественное состояніе, опасное для спасенія и онъ самъ признаётъ и признаётъ эту истину. Но не смотря на это, онъ все-таки не подойдетъ подъ благословеніе къ православному архипастырю — и именно потому, что тотъ благословилъ бы его не двумя перстами, а именовсловно. Равнымъ образомъ безпоповцы очень хорошо сознаютъ, что порядокъ церковно-религіозной жизни у нихъ не въ порядкѣ, что многого, весьма важнаго въ дѣлѣ спасенія, у нихъ нѣтъ (напр. нѣкоторыхъ

тайнствъ), а многое, что есть, совершается не такъ, какъ бы слѣдовало по закону, по требованію уважаемой ими старины (совершеніе крещенія, покаянія, у нѣкоторыхъ брака—мірянами). И однакожь, зная все это, безпоповецъ не рѣшится восполнить недостатокъ собственныхъ средствъ ко спасенію полнотою благодати, находящеюся въ Церкви православной, и именно потому, что пастыри этой Церкви служатъ на пяти просфорахъ, крестятся тремя перстами, при совершеніи таинствъ употребляютъ именованное благословеніе, противосолонное ходженіе и проч. Однимъ словомъ, какъ бы кто ни смотрѣлъ на обрядовыя разности, существующія между нами и раскольниками, эти разности составляютъ главную, основную причину отдѣленія раскольниковъ отъ Церкви православной. Доколѣбъ раскольники не будутъ успокоены въ совѣсти касательно указанныхъ предметовъ, дотолѣ всѣ самыя усиленныя заботы объ обращеніи ихъ къ Церкви останутся безуспѣшными. Смотря на дѣло такъ, какъ мы его изложили, мы приходимъ къ заключенію, что если раскольники доселѣ не присоединяются къ Церкви, значитъ,—неправильность обрядовъ, защищаемыхъ ими,—они считаютъ еще недоказанною нами вполне и удовлетворительно. Справедливо ли это? Сколько мы знаемъ дѣло, отвѣтъ безпристрастный на предложенный вопросъ долженъ быть таковъ: церковная власть доказала, что Церковь православная, допустившая со временъ патріарха Никона нѣкоторыя обрядовыя перемѣны, чрезъ это не впала въ ереси, тѣмъ больше не сдѣлалась царствомъ антихриста; но доказано ли, что содержимыя раскольниками обряды были неправильны, а тѣмъ болѣе неправославны?—или доказано ли это вполне и окон-

чительно? Отвѣтъ нашъ нѣсколько не несенъ, объяснимся.

Утверждать, что при патріархѣ Никоѣ не сдѣлано никакихъ перемѣнъ въ прежней церковной практикѣ, значило бы грѣшить противъ несомнѣнной исторической истины. А если такъ, то на родившійся въ слѣдствіе указанныхъ перемѣнъ у приверженцевъ прежняго порядка вещей вопросъ: не сдѣлалась ли чрезъ эти перемѣны Церковь еретическою или царствомъ антихриста, отвѣтъ удовлетворительный и справедливый можетъ быть одинъ: нѣтъ, потому что обрядъ не составляетъ вѣры и перемѣна его не есть вмѣстѣ и перемѣна вѣры. Таковъ отвѣтъ на указанный вопросъ дѣйствительно и находится въ большей части противораскольническихъ сочиненій. Но этотъ отвѣтъ, правильный со стороны Церкви православной, не совсѣмъ удовлетворителенъ былъ для раскола, потому что такой отвѣтъ рождаетъ въ приверженцахъ старины другой вопросъ: если обрядъ не составляетъ вѣры и перемѣна его не вредитъ сущности вѣры, то, во первыхъ, для чего же было измѣнять прежніе обряды, существовавшіе въ церковной практикѣ цѣлыя столѣтія, и главное—для чего было запрещать эти обряды, какъ неправославные, лицамъ воспитаннымъ въ нихъ? Удовлетворительнымъ и успокоительнымъ отвѣтомъ на первый вопросъ могло служить указаніе на то, что прежніе обряды, замѣненные новыми, были неправильны или сами въ себѣ, т. е. отступали отъ прежней, болѣе давней практики церковной, или по смыслу, какой придавали имъ. Церковная власть такъ дѣйствительно и отвѣчала, но отвѣтъ все еще оказывался неполнѣ доказательнымъ для приверженцевъ старины. Мы сказали: неполнѣ. Это значить, что отступленіе отъ древности въ *нѣкоторыхъ* обрядовыхъ разностяхъ, защищаемыхъ раскольниками, напр. седмипросфоріи, сугубой

аллигуіа, имени Спасителя: Ісусъ и др. доказано положительными, несомнѣнными свидѣтельствами древности. Но есть и такія разности, о которыхъ раскольники остаются при своемъ мнѣніи, что древностію своею онѣ не уступаютъ обрядамъ, введеннымъ при патріархѣ Никонѣ. Таковы напримѣръ посолоніе и особенно — дуперстіе. Все, что писано доселѣ въ пользу противосолонія и троеперстія, считается раскольниками или неубѣдительнымъ или даже невѣрнымъ (1)

Еще труднѣе представить основанія, почему такъ строго и рѣшительно запрещено было современникамъ Никона оставаться при прежнихъ обрядахъ, къ которымъ они привыкли, которые употреблялись въ церковной практикѣ до патріарха Никона, какъ непренятствовавшіе спасенію вѣрующихъ. А между тѣмъ эти обряды признаны были церковною властію не только неправильными, но даже неправославными, и лица, которые не переставали держаться ихъ, названы отступниками. Какія бы ни были причины къ такому дѣйствованію со стороны церковной власти, во всякомъ случаѣ можно было опасаться, что подобная строгость не только не принесетъ надлежащей пользы, напротивъ причинитъ положительный вредъ Церкви православной. Такъ и

(1) Въ пользу посолонія говорятъ древнія печатныя книги, начиная съ патріарха Іова, и—еще раньше записанное лѣтописцемъ извѣстіе о томъ, что когда въ 1478 году митрополитъ Геронтіи ходилъ при освященіи Успенскаго собора противъ солнца, въ Москвѣ возникъ ропотъ на митрополита, „яко не по солнечному восходу ходилъ со кресты около церкви“,—ропотъ, дошедшій до Великаго Князя Ивана Васильевича III, который принялъ сторону недовольныхъ Геронтіемъ и цѣлые четыре года не позволялъ митрополиту освящать новыя церкви. И хотя послѣ Великій Князь предоставилъ митрополиту дѣлать крестныя ходы на будущее время при освященіи церквей, „якоже велить“, какъ было въ старину, но *устава не училили* о спорномъ предметѣ,—знакъ, что противопосолоніе не было признано исключительно правильнымъ и обязательнымъ на будущее время. А современныи Геронтію Ростовскій владыка

случилось. Не умѣя понять, — вслѣдствіе не высокаго образованія, что частные обряды въ дѣлѣ вѣры—вещь несущественная, современники Никона въ запрещеніи содержать прежніе обряды стали видѣть не только насиліе своей совѣсти, нарушеніе своихъ религиозныхъ преданій, но и положительную несправедливость Церкви, измѣну ея собственной прежней практикѣ, неправославіе, еретичество. Всякій можетъ видѣть, что такой взглядъ на Церковь лицъ, признанныхъ раскольниками, несправедливъ, но едва ли кто скажетъ, что онъ непослѣдователенъ. Когда же власть церковная опредѣлила предавать упорныхъ защитниковъ старины градскому суду, и вслѣдствіе такого опредѣленія раскольниковъ стали подвергать разнаго рода наказаніямъ, — привязанность ихъ къ прежнимъ обрядамъ должна была еще болѣе усилиться, — нерасположенность ихъ къ Церкви должна была еще болѣе увеличиться. Мало этого: смѣшивая дѣйствія власти свѣтской съ дѣйствіями власти духовной, раскольники въ преслѣдованіи ихъ гражданскими мѣрами стали видѣть гоненія за вѣру со стороны самой Церкви и вслѣдствіе этого еще болѣе убѣдились въ мнимой ея несправедливости, а равно и въ неправильности самаго ученія ея о спорныхъ предме-

---

Вассіанъ, позванный Иваномъ Васильевичемъ на споръ съ митрополитомъ, прямо защищалъ посолоніе. Тоже дѣлалъ и Чудовскій архимандритъ Геннадій. Значитъ, посолоніе еще въ XV вѣкѣ употреблялось. А между тѣмъ въ пользу противосолонія указано доселѣ только на одинъ служебникъ, писанный на Аeonъ въ XVI вѣкѣ, и на то, что въ старопечатныхъ же книгахъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ велѣно ходить противъ солнца. — Въ пользу двуперстія самое раннее *русское* свидѣтельство находится въ сборникѣ словъ, принадлежавшемъ митрополиту Даниилу (1522—1539), а въ пользу троеперстія—самое раннее и то спорное свидѣтельство находится въ Четь-Минеяхъ митрополита Макарія (1526—1546). Въ первой книгѣ указывается въ пользу двуперстія свидѣтельство лица XII вѣка (ок. 1157 г.), во второй свидѣтельство лица XIII вѣка (1256 г.).

такъ, для поддержки котораго будто бы потребовалась внѣшняя помощь. „Чудо, писалъ протопопъ Аввакумъ, огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! которые-то апостолы научили такъ? не знаю. Мой Христось не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею въ вѣру приводить. Но Господомъ реченное ко апостоломъ сице: шедше въ мѣръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари; иже вѣру иметь и крестится, спасенъ будетъ. Смотри слышателью: волею зоветъ Христось, а не приказалъ апостоламъ непокоряющихся огнемъ жечь и на висѣлицѣ вѣшать. Татарскій богъ Махмедъ пишетъ въ своихъ книгахъ сице: непокоряющихся нашему преданію и закону повелѣваемъ главы ихъ мечемъ подклонити. Нашъ Христось своимъ ученикамъ никогда такъ не повелѣвалъ, а тѣ учителя явны, яко и сами антихристовы, которые, приводя въ вѣру, губятъ и смерти предають: по вѣрѣ своей и дѣла творятъ таковы же“ (1). Нѣтъ нужды говорить, какъ сильно подобная проповѣдь первыхъ расколуучителей могла дѣйствовать на приверженцевъ старины и какое упорное предубѣжденіе противъ Церкви и ея ученія могла она поселять въ нихъ.

Все, что мы говорили доселѣ, относится къ первымъ временамъ раскола, ко времени, ближайшему къ Московскому собору 1666—7 года, первый разъ назвавшему защитниковъ сугубой аллилуіа, двуперстія и проч. раскольниками и опредѣлившему наказывать ихъ „не токмо церковнымъ наказаніемъ, но и царскимъ, сирѣчь градскимъ закономъ и казненіемъ“ (2).“ Къ сожалѣнію, взглядъ на раскольниковъ, высказанный отцами Москов-

(1) Житіе протопопа Аввакума 1862 г. стр. 93—4.

(2) Исторія Русскаго Раскола, изд. 1-е, стр. 3267. —

скаго собора, долго, очень долго был мѣриломъ для суда надъ расколомъ и для пастырей и пасомыхъ, обращавшихся съ своимъ словомъ къ заблуждающимъ братьямъ. Отъ того не только напр. въ *Жезль паралелія*, изданномъ отъ лица Московскаго собора, вмѣсто привѣта раскольникамъ, необходимаго всякому, съ кѣмъ хотятъ сойтись поближе, мы находимъ грозное слово обличенія, но и въ послѣ писанныхъ сочиненіяхъ противъ раскола раскольники трактуются иначе, какъ невѣжды, съ которыми не стоитъ вести рѣчи, какъ еретики, заслуживающіе одной только анафемы, какъ злодѣи, достойные суда и казни. А содержимыя ими обрядовыя разности называются всевозможными поносными именами: аріанствомъ, несторіанствомъ, армянствомъ и пр. и пр. Мы далеки отъ мысли — строго осуждать авторовъ противораскольническихъ сочиненій за ихъ суровую рѣчь къ раскольникамъ; о прошломъ судить по настоящему довольно мудрено; тогда, быть можетъ, и трудно было говорить съ заблуждающими болѣе спокойнымъ тономъ, — тѣмъ болѣе, что и сами раскольники не слишкомъ церемонились въ своихъ отъѣздахъ о Церкви православной и ея чадахъ; мы указываемъ на характеръ первыхъ противораскольническихъ сочиненій для того, чтобы объяснить, что проповѣдь православія, не смотря на всю свою истинность, могла, при такомъ направленіи полемики, не производить надлежащаго впечатлѣнія на раскольниковъ (1). Въ первый разъ, сколь-

(1) Бранчивая рѣчь православныхъ полемиковъ конца XVII и первой половины XVIII столѣтій не только производила неблагопріятное впечатлѣніе на тогдашнихъ раскольниковъ, но отдаляетъ отъ Церкви и современныхъ намъ ревнителей старины. Вотъ что писали, между прочимъ, составители извѣстнаго „Окружнаго Посланія“, явившагося въ прошломъ году въ Москвѣ: „вины нашего непослѣдованія пастыремъ тоя (т. е. православной) Церкви суть важныя и благословныя, понеже убо попуще-

ко мы знаемъ, рвадасось любовсобилюкос слово увѣщанія къ раскольникамъ уже только въ 1768 году — въ „Увѣщанія“ митрополита Платона. Съ тѣхъ норъ, особенно послѣ того, какъ дозволено было единовѣріе, въ сочиненіяхъ противъ раскола слышится уже больше любви къ заблуждающимъ, чѣмъ жесткихъ упрековъ. Но съ 1667 года до 1765 г. слишкомъ много времени для того, чтобы раскольники, читавшіе въ теченіе 100 лѣтъ почти однѣ только укоризны себѣ и строгія обличенія, стали смотрѣть подозрительно и на болѣе симпатичную къ нимъ рѣчь. Такъ и случилось. Называя прежнія сочиненія противъ нихъ полными „ярости и гнѣва“, раскольники въ позднѣйшихъ, болѣе кроткихъ, произведеніяхъ православныхъ полемиковъ стали видѣть „хитрыя мягкія словеса и лукавство“ — съ цѣлю уловить простодушныхъ въ сѣти антихриста. Одно другаго стоять, а въ итогъ-то выходитъ все тоже: раскольники остаются раскольниками, несмотря на всѣ обращаемыя къ нимъ увѣщанія.

ниемъ Божиимъ чрезъ Никона, бывшаго Патріарха, древлецерковная преданія измѣнишася и въ послѣдствіи соборомъ съ присутствіемъ греческихъ патріарховъ 1667 г. ужаснѣйшая клятва и анаема на содержащихъ древняя святоцерковная преданія произнесена, и строгое преслѣдованіе и гоненіе воздвигается съ мученіемъ, и по сихъ, отъ пастырей, поборающихъ по новозложеннымъ догматамъ и преданіямъ, бранныя книги издашася, въ нихъ же святѣйшее и поклоняемое имя Христа Спасителя нашего Ісуса хульно поречено: акибы не знаменуетъ Спасителя и исцѣлителя душъ нашихъ, но нѣкоего иного Ісуса — равноухаго! Къ семуже, оле дерзости! именоваша чудовищнымъ и ничего незначущимъ двуперстное сложеніе на изображеніе крестнаго знаменія, такожде поречено арианствомъ, македоніанствомъ, несторіанствомъ, злобоннымъ раздѣленіемъ, армянствомъ, арменскою ересію, арменскимъ кукишемъ, аріевою пропастію, адовыми вратами, волшебнымъ знаменіемъ, демоноспденіемъ и чертовымъ преданіемъ!... Сего ради совѣсть наша не допускаетъ насъ быти въ подчиненіи пастырей тоя Церкви, иже къ крайнему сожалѣнію здравомыслящихъ не обращаютъ должнаго вниманія на исправленіе своихъ полемиическихъ книгъ и не уничтожаютъ означенныхъ жестокихъ порицаній,

Можно указать и еще некоторыя стороны православной полемики противъ раскола, которыя, такъ сказать, заслоняютъ собою отъ заблуждающихъ истину Церкви православной. Это прежде всего то, что въ некоторыхъ противораскольническихъ сочиненіяхъ—по крайней мѣрѣ конца XVII и первой половины XVIII столѣтій не всегда можно было находить строгую безпристрастную правду. Признавая судъ Московскаго собора объ обрядовыхъ разностяхъ, существующихъ между нами и раскольниками, безусловно справедливымъ и непогрѣшимымъ, некоторыя лица, писавшія противъ раскола въ указанное нами время, не считали нужнымъ справиться съ исторіей и на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ сказать правдивое слово о томъ, что дѣйствительно въ вѣрованіяхъ раскольниковъ есть неправильнаго, и въ чемъ они правы,—а просто начинали писать уже съ предзанятыхъ отвратительныхъ, благочестивому слуху невѣстныхъ, христіанскимъ пастыремъ отнюдь несвойственныхъ. Аще же нѣкогда благодатію Божіею озарившеся, отложить вышеупомянутыя порицанія и соборныя оставявъ своя новодогматствованія, а святую старожитность возлюбить и примуть и порученнымъ себѣ хранить ю повелѣять, и начнутъ послѣдовать всѣмъ древлецерковнымъ преданіямъ неизмѣнно, и устроится Церковь въ таковой точности догматовъ и преданій, якоже быше отъ лѣтъ равноапостольнаго князя Владиміра и до лѣтъ Никона, бывшаго патріарха; тогда вамъ того предѣла въ ровенникъ обратится, и единымъ къ другимъ прихождение учиняетъ сердца; и мы безъ всякаго увѣщанія человѣческаго пойдемъ къ общенію ея. А донележе пребываютъ соблазны и преткновенія, возмущающіе совѣсть нашу, то мы не можемъ вопреки ученію древлеправославныя Церкви и вопреки убѣжденію совѣсти послѣдовать новоизложеннымъ догматомъ и преданіямъ... да послужить сіе образцомъ ученымъ пастыремъ господствующей нынѣ въ Россіи Церкви, яко да и ти обратятъ должное вниманіе о вышепредложенныхъ жестокословныхъ порицаніяхъ, отъ предѣстниковъ ихъ сочиненныхъ и въ свѣтъ изданныхъ". (Разбор. посл. Іер. Паренія Моск. 1863 г. стр. 37—9). Послѣднія слова показываютъ и то, что собственно удерживаетъ современныхъ намъ раскольниковъ отъ соединенія съ св. Церковію,—это не „учрежденія“ гражданскія по „иноземнымъ“ образцамъ, стѣснительныя для народа, а обрядовыя перемены церковныя, совершенныя патріархомъ Никономъ и смущающія совѣсть заблуждающихъ.

тою мыслию, что все, чего держатся защитники старинны, ложь, заблужденіе, ересь. Но такъ какъ раскольники въ защиту своихъ мнѣній ссылались на древнія книги, и слѣдовательно еноръ изъ области теоретическихъ разсужденій переносили на почву исторіи и практики церковной прежняго времени, — то понятно, что и со стороны писателей православныхъ требовалось тоже самое оружіе. Но въ сожалѣнію, вѣроятно того, чтобы заняться обстоятельнымъ, добросовѣтнымъ изученіемъ нашей древней письменности и памятниковъ старинны, нѣкоторые полемики ограничивались только разнаго рода умствованиями о спорныхъ предметахъ; а такъ какъ умствуетъ каждый по своему, то и выходило не рѣдко, что одинъ изъ писателей въ подтвержденіе православнаго ученія приводилъ (à priori) одни доказательства, другой — другія и т. д. Собственно говоря, это — только разнообразіе мнѣній объ одномъ и томъ же предметѣ; но раскольники сочли это за взаимное противорѣчіе православныхъ, и такъ какъ дѣло касалось предметовъ вѣры, то и стали указывать на него, какъ на признакъ неистинности ученія православной Церкви. Мы имѣемъ подъ руками одно раскольническое сочиненіе подъ заглавіемъ: „вознелщевахомъ напомянуть благочестивому читателю о звѣри томъ, иже брань творить со святыми“. Въ этомъ сочиненіи въ числѣ причинъ, изъ-за которыхъ раскольники „отлучаются великороссійскія Церкви общенія, причащенія и благословенія“, указывается между прочимъ то, что она „не согласуетъ въ преданіихъ и ученіи сама къ себѣ“. И дѣйствительно вся вторая часть указаннаго сочиненія наполнена выписками изъ разныхъ противораскольническихъ сочиненій, видимо противорѣчащими одна другой. Для примѣра укажемъ нѣкоторые. Такъ по Тео-

символу Логотипическому (1) и иконописцу Платону (2), три перста, которыми мы крестимся, означают три лица Святыя Троицы, а два перста, которые пригибаемъ къ длани, означаютъ два естества въ Иисусъ Христѣ. Но Скрижали и Ирацины Питирима (3), два наклоненные перста ничего не означаютъ (4). Въ „Росписи“ святителя Димитрія говорится, что стария и новия книги „едино суть“, что „въ тоюжде Волю и новия книги иврити учать, въ коюже и стария. Ты же догматы иври и новия книги въ себѣ содержать, кой и стария. Тому же Волю молитися и новия книги велитъ, коему и стария. Тѣхъ же добрыхъ дѣлъ и новия книги научаютъ, койхъ и стария: и ивсть никогого противнаго ученія въ писаняхъ новыхъ, иже и въ старихъ“ (л. 9 об.). А въ „Обличеніи“ пресвященнаго Θεοφιλάкта замѣчено, что „которые книги писаны и почитаны по сѣмъ столпаго собора Московскаго, тѣ вѣроятія не суть достойны“ (л. 110 об.), что „росейскіе переводчики (древніе) святыхъ отецъ писанія перевели подложныя, а на подлинныхъ не минулися; напримеръ: Аванасія сильныхъ писаній на Аріанъ; и прочая, аки нарочно труждалися на превъщеніе русскаго варварскаго грубаго народа. И вонетинку не имамы извѣстія, есть ли какое подлинное хотя едино слово святыхъ отецъ на російскомъ языкѣ, подъ которыхъ именемъ многа обрѣтаются“ (гл. 8, л. 18). Писатели Поморскихъ отвѣтовъ въ защиту своего иконо-

(1) Облич. л. 24.

(2) Указ. л. 45.

(3) Отв. 190.

(4) На это видимое противорѣчіе указываютъ и составители извѣстнаго „Окружнаго Посланія“. (Разбор. Окружн. Посл. стр. 38).

писанія соединилъ между прочимъ на слѣдующій слова патриарха Іоакима: „Латины просвятую Богородицу уже обрученную мужу Іосифу праведному и Христа Іисуса родившую, пишутъ нещавроенну и власы утряннну, и многидь святыхъ шеть несогровенными глазами, и мужей своестранскими обличіями“ (1). На эти слова патриарха Іоакима, которыми онъ запрещаетъ писать иконы по латинскимъ образцамъ, просвѣщенный Феофилактъ писалъ въ своемъ Обличіи: „Іоакимъ патриархъ Московскій, буде оны таковыи святѣ написалъ, явно себе показалъ ревнителемъ мужичиныхъ забобановъ, но которыми жещъ аумалой невосможде никому являса непокровенною главою и тѣмъ недоводеа, святѣтъ еще и Божію Матерьъ тому же деревенскому мужичиному закону подчинити, и писати ея образъ по подобію рускиихъ бабидь. Разумѣ не мѣдалъ, что Богородица не рускійскія породы была“ (2). По Страхалю, наданной патриархомъ Николомъ, четвероконечный крестъ означаетъ Св. Троицу, — предольнымъ деревомъ означаетъ Отца, поперечнымъ — Сына и Св. Духа. Между тѣмъ въ Прощицѣ говорится, что четвероконечный крестъ верхнимъ концамъ предольнаго дерева означаетъ Отца, нижнимъ — Сына, а поперечнымъ деревомъ — означаетъ Св. Духа. (Отв. 116). — Сюсю эти и другія подобныя шеть, явннмо произвольны чинены, шѣста изъ разныхъ оетинскій православныхъ мележиковъ, раскольники обмановенно уверяють, что если, по словамъ самихъ православныхъ писателей (3), «отъ разгласеннѣ дознавательствъ неважноно нештои

(1) Дамор. отв. 50, ст. 20.

(2) Гл. 9, л. 21.

(3) Облич. л. 8 об.

истину“; то нельзя узнать истину и от православныхъ учителей, противорѣчащихъ въ своемъ ученіи не только древнимъ св. Отцамъ, но и самимъ себѣ.

Бывали со стороны православныхъ писателей противъ раскола и другаго рода ошибки, которыя подрывали въ глазахъ раскольниковъ авторитетъ Церкви, какъ учительницы истинной вѣры. Весьма естественно, что раскольники, ставъ въ противоборство Церкви, начали зорко наблюдать за всеми ея дѣйствіями—съ дѣлю найти въ нихъ что-либо неправославное. И вотъ въ началѣ прошлаго столѣтія они стали между прочимъ упрекать Церковь въ томъ, что она дозволяетъ обливательное крещеніе наравнѣ съ погружательнымъ и даже лицъ, получившихъ такое крещеніе; возводитъ, вопреки церковнымъ правиламъ, на разные степени священства. Въ подтвержденіе своего сужденія раскольники могли указать изъ временъ Петра немало примѣровъ. Многіе изъ тогдашнихъ епископовъ нашихъ, бѣлоруссы родомъ, были крещены обливательнымъ крещеніемъ. Что оставалось дѣлать Церкви православной, на которую раскольники возводили такое обвиненіе? Какъ всякій согласенъ, нужно было показать и доказать, что она признаетъ безусловно-правильнымъ погружательное крещеніе и, если допускаетъ обливательное, то только какъ исключеніе, допускавшееся въ случаѣ нужды и въ древней Церкви. Въмѣсто всего этого Феофанъ Прокоповичъ, бывшій въ то время главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ русской Церкви, написалъ книжку подъ названіемъ: „истинное оправданіе правовѣрныхъ христіанъ, крещеніемъ поливательнымъ крещаемыхъ“, въ которой, вопреки истинному ученію Церкви, всѣми силами старался доказать, что крещеніе погружательное и облива-

тельное имѣють одинаковое значеніе и силу и могутъ совершаться безразлично. Мы понимаемъ возможность такого мнѣнія со стороны Теофана Прокоповича; онъ долженъ былъ писать *противъ* раскольниковъ, а въ спорахъ всякаго рода увлеченіе, крайность, сильное слово почти неизбѣжны. Съ другой стороны вопросъ о значеніи обливательнаго крещенія былъ слишкомъ близокъ сердцу любимца Петрова; онъ самъ, въ чемъ согласны и раскольники ⁽¹⁾, былъ крещенъ такимъ крещеніемъ и, несмотря на то, сдѣлался новгородскимъ архипастыремъ. Значить, увлеченіе Теофана очень естественно. Но нельзя не пожалѣть о томъ, что власть церковная того времени позволила издать книжку Теофана отъ своего соборнаго лица — съ цѣлю показать всѣмъ и каждому „истину“, а „не забавку“ касательно вопроса объ обливательномъ крещеніи, — нельзя не пожалѣть потому, что произведеніе Теофана подало раскольникамъ новый поводъ думать о Церкви, будто она уклонилась отъ православія ⁽²⁾, — новая причина неуспѣшнаго дѣйствования на раскольниковъ православной проповѣди.

Наконецъ не можемъ не указать еще на одно обстоятельство, послужившее причиной того, что раскольники доселѣ съ недовѣрчивостію смотрятъ на православную Церковь и ея дѣятелей; это — презрительно-небрежный взглядъ на раскольниковъ, которымъ проникнута большая часть противораскольническихъ сочиненій, особенно конца XVII и первой половины XVIII столѣтій. Не споримъ, что расколъ, считавшій на первыхъ порахъ своими послѣдователями даже бояръ и кня-

(1) Сборн. начинающ. исторію о блгствующемъ священствѣ.

(2) Книга Никодимова, ст. 2, показаніе 10, л. 64—85.

зей, скоро вынужденъ былъ оставить болѣе или менѣе важныя палаты и переселиться въ глушь — въ села, скиты, пустыни и лѣса, и такимъ образомъ — сосредоточиться по преимуществу въ низшихъ слояхъ нашего общества. Но все же это обстоятельство не давало никому достаточнаго основанія отказывать последователямъ старины ни въ правѣ разсуждать о вѣрѣ и дѣлахъ Церкви, ни въ способности понимать эти вещи. А между тѣмъ, начиная съ Сумаона Полоцкаго, писателя „Жезла правленія“, до самого Арсенія Маціевича (включительно), исправителя Феофилактова „Обличенія“, ни одинъ почти писатель противъ раскола не трактовалъ раскольниковъ иначе, какъ глупыми людьми, слабыми невѣждами, — мужиками — неучами, не только неспособными разсуждать о вѣрѣ, но и неимѣющими права на подобное разсужденіе. Раскольникамъ, дорожившимъ каждою частностію, относящеюся къ вѣрѣ, рекомендовалось православными писателями только „звиніи касть“ (1), или по меньшей мѣрѣ „знать соху“ (2), и больше ни о чемъ не разсуждать. Само по себѣ повѣстно, что такое неестное мнѣніе о раскольникахъ, которое встрѣчали они почти въ каждомъ, писанномъ въ наученіе ихъ, сочиненіи, не успокаивало, а на оборотъ — раздражало защитниковъ старины, сознававшихъ по крайней мѣрѣ то, что и ихъ не всѣхъ Господь лишилъ здраваго человѣческаго смысла и что дѣло вѣры и спасенія дорого каждому. Мало этого: оскорбленное чувство раскольниковъ стало изобрѣтать средства доказать православнымъ писателямъ, что они ошибаются, считая од-

(1) Ист. оцрв. прав. хр. крещ. полв. крещ. л. 5.

(2) Облич. Феоф. гл. 9. л. 45 об. снес. Увѣт. л. 67 об.

нихъ себя умными людьми, а раскольниковъ упрекая въ „глупствѣ“ (1) и „необычной дурости“ (2). И вотъ многіе изъ раскольниковъ, болѣе другихъ способные и знакомые съ дѣломъ, стали писать разнаго рода сочиненія, въ которыхъ не только защищали свои мнѣнія, иногда довольно остроумно, но нерѣдко опровергали положенія православныхъ писателей, показывая, что и сами они иногда разсуждаютъ не вполне справедливо и основательно. Какъ на образчикъ подобнаго рода упрековъ православнымъ писателямъ можно указать на слѣдующее разсужденіе въ Поморскихъ отвѣтахъ. Питирипъ, вслѣдъ за другими, написалъ въ своей Пращицѣ, что имя Спасителя нужно писать „тресложно сиче Исъ, а не двосложно Исъ, понеже есть въ томъ велие различіе по греческому языку: у нихъ бо знаменуетъ *Исось*, по нашему то будетъ равный: по ихъ же языку *Усъ*, то по нашему будетъ ухо: и тѣ два реченія егда во едино сложиши, и будетъ Исъ еже глаголется равноухій“ (отв. 146). Опровергая это разсужденіе, составители Поморскихъ отвѣтовъ писали: „сіе свое-разсудительное доводствованіе не зрится намъ твердо быти сихъ ради винъ. Первая: понеже Исъ имя есть еврейско, а не еллинско, якоже выше отъ святыхъ учителей засвидѣтельствовася: убо и знаменованіе не по еллинскому, но по еврейскому языку имѣти долженствуетъ. Вторая: древлероссійская Церковь, преводящи тое имя Исъ, знаменованіе его объяви не равноухій, но Спасъ, Спаситель и Избавитель, якоже печатныя, письменныя и харатейныя книги засвидѣльствоваша,

---

(1) Увѣт. л. 67 об.

(2) Ист. оправд... л. 4 об.

яже предобъявихомъ. Третія: аще ли по „Пращицъ“ оная реченія два: Исось и Усь вкупѣ сложити, не будетъ въ сложенномъ начертаніи Исъ, но исосусъ, якоже самая реченія являютъ. Понеже сія два реченія: исось и усь три слога имѣютъ, исось реченіе два слога имать, і—слогъ, сосъ—вторый слогъ, усь же реченіе—третій слогъ; и тако вкупѣ слагаема исосусъ будутъ, а не исусъ, трисложное реченіе совершаетъ, а не двосложное. Исусъ бо имя два слога имать, а не три, яко и сама Пращица свидѣтельствуеть: убо двосложное имя трисложнаго реченія знаменованія не носитъ. Аще бы реченія оная на гречестѣмъ языцѣ стояли двосложно — сице: исъ и усь, имѣли бы нѣкую вину отсюду наносити. А понеже въ гречестѣмъ языцѣ сія стоятъ трисложно: исось и усь и соединяема (по Пращицѣ) будутъ исосусъ, нѣсть по пресвятому Иса Христа имени подобія здѣ, нѣсть ниже малаго приравненія: но толикое разньство между ісусомъ и исосусомъ, елико между Спасителемъ и равноухимъ имѣется. Аще ли разньство толикое есть между сими, якоже и есть: убо Пращицы *неблагозовыйное* пореченіе есть неправедно: яко къ пресвятому имени Исъ реченіе исосусъ яко блато къ злату приравняютъ“ (1). Какъ всякій можетъ видѣть, въ приведенныхъ словахъ Поморскихъ отвѣтовъ слышится не одно опроверженіе умствованія Питирима, а и злая насмѣшка надъ неудачной остротой православнаго писателя. Подобныхъ случаевъ, когда расколъ оружіе, направленное противъ него православными писателями, обращалъ противъ нихъ же самихъ, можно указать не мало въ сочиненіяхъ раскольниковъ. Явленіе странное, если срав-

---

(1) Отв. 50, ст. 13.

нить степень образованія писателей православныхъ и раскольническихъ; но оно объясняется тѣмъ, что многіе православные писатели, рассчитывая на мнимое невѣжество раскольниковъ, иногда дѣйствительно позволяли себѣ судить о спорныхъ предметахъ безъ осмотрительнаго вниманія къ дѣлу.

Независимо отъ того, что мы сказали о православной полемикѣ противъ раскола, можно указать и другія причины, по которымъ православная истина такъ малоуспѣшно дѣйствовала и дѣйствуетъ на заблуждающихъ. Это — во первыхъ — малочисленность противораскольническихъ сочиненій сравнительно съ сочиненіями, писанными въ пользу раскола. Сколько извѣстно намъ, число сочиненій, писанныхъ православными лицами противъ раскола, въ наученіе заблуждающихъ, не восходитъ дальше сотни (1), и это — въ теченіе двухъ столѣтій. А между тѣмъ раскольники насчитываютъ у себя больше тысячи сочиненій, писанныхъ ихъ грамотниками. Въ одномъ каталогѣ Павла Любопытнаго, обнимающемъ собою время отъ начала прошлаго столѣтія до 1829 года, указано такихъ сочиненій 934. Цифра громадная. И если въ числѣ поименованныхъ Любопытнымъ сочиненій есть немало самыхъ незначительныхъ по своему содержанію, то съ другой стороны можно указать между ними и такія, которыя своимъ содержаніемъ могутъ затруднить самага большаго знатока нашей древней литературы. Если же при этомъ обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что нѣтъ почти ни одного противораскольническаго сочи-

---

(1) Перечень этихъ сочиненій можно видѣть въ исторіи министерства Внутр. дѣлъ, кн. 8, стр. 3—10.

ненія (за исключеніемъ развѣ самыхъ близкихъ къ намъ по времени изданія ихъ въ свѣтъ), на которое не было бы написано раскольническими писателями самаго подробнаго опроверженія, то поймемъ, съ какими препятствіями должна бороться православная полемика противъ раскола и отъ чего она такъ мало оказываетъ благотворнаго дѣйствія на заблуждающихъ. Далѣе — хотя мы не разъ говорили, что расколъ грамотнѣе православнаго простонародья, но все же и между раскольниками — большинство — люди, не умѣющіе даже читать. А послѣ этого понятно, что всѣ издаваемые православными лицами „Увѣты“, „Увѣщанія“, „Бесѣды“ и проч. не доходятъ по назначенію, или вѣрнѣе: становятся извѣстными только меньшинству раскольниковъ, и притомъ такому, которое по своимъ не безгрѣшнымъ причинамъ не только не убѣждается православною истинною, но еще намѣренно скрываетъ ее и отъ другихъ — своихъ послѣдователей. Наставники раскольническіе и такъ называемые „начетчики“, которые одни читаютъ православныя сочиненія, какъ извѣстно, не только не знакомятъ своихъ учениковъ съ вновь выходящими противъ раскола сочиненіями, но еще намѣренно скрываютъ ихъ отъ своихъ простодушныхъ кліентовъ, и для этого иногда скупаютъ цѣлыя изданія и жгутъ ихъ, особенно если сочиненіе можетъ, по ихъ расчетамъ, имѣть неблагопріятныя послѣдствія для ихъ наставническаго авторитета. Впрочемъ это дѣлается только въ крайнихъ случаяхъ. Обыкновенно же сочиненія православныхъ писателей противъ раскола, недоступны массѣ заблуждающихъ, по ея безграмотности, не читаются даже и грамотными раскольниками, если они не играютъ въ расколѣ никакой особенной роли въ родѣ настав-

ника, или начетчика; потому что вожди раскола давно уже убѣдили своихъ подначальныхъ, что не только читать православныя книги, но и говорить съ никоніанами о вѣрѣ—грѣхъ непростительный. „Не подобаетъ правобвѣрнымъ съ еретиками о вѣрѣ бесѣдованія творити“,— это правило, находящееся почти въ каждомъ раскольническомъ сочиненіи, давно уже, какъ извѣстно, вошло въ жизнь и практику раскольниковъ и чрезвычайно затрудняетъ православной истинѣ доступъ къ заблуждающимъ. Наконецъ,—и это самая важная статья въ разсматриваемомъ нами вопросѣ,—недостатокъ живой, устной православной проповѣди, безъ которой никакія сочиненія не научатъ массы вѣрующихъ истинѣ и добру,—составляетъ самую главную причину того, что истина, находящаяся въ Церкви, доселѣ не можетъ разсвѣять заблужденій раскола, что раскольники до настоящаго времени крѣпко убѣждены въ правильности тѣхъ обрядовыхъ разностей, которыя существуютъ между ними и православными, хотя неправомерность многихъ изъ этихъ разностей давно уже доказана печатно. Хотя, по замѣчанію одного святителя нашего „устная бесѣда, близъ токмо слышится: а яже писанію предаются, та и въ концы вселенныя происходятъ,—устно реченное слово скоро отъ памяти человѣческаго отъемлется: написанное же незабвенно пребываетъ“ (1); но, по нашему мнѣнію, въ борьбѣ съ расколомъ необходимѣе и полезнѣе живая, устная проповѣдь, чѣмъ наставленія печатныя. Во-первыхъ, большинство раскольниковъ, какъ мы уже говорили, не умѣетъ читать и слѣдовательно не можетъ, еслибы даже захотѣло, воспользоваться печатными вразумленіями право-

---

(1) Ровыскъ л. 5 об.

славныхъ. Во вторыхъ—расколъ, въ слѣдствіе разныхъ причинъ, и особенно въ слѣдствіе прежде бывшихъ гоненій на него, разсѣялся по самымъ отдаленнымъ захолустьямъ нашего отечества, куда нерѣдко съ трудомъ попадаетъ живой человѣкъ, не только мертвая книга. Далѣе: печатныя наставленія, какъ бы ни были они приспособлены по языку и способу изложенія къ пониманію людей простыхъ, изъ какихъ преимуществу состоитъ нашъ расколъ, никогда не могутъ достигнуть той степени общедоступности и простоты, какими можетъ отличаться устная рѣчь. Наконецъ въ печатной книгѣ менѣе удобно быть обстоятельнымъ, чѣмъ при устномъ собесѣдованіи съ раскольниками, потому что можно или не знать, или не предвидѣть разнаго рода недоумѣній и возраженій со стороны заблуждающихся, и слѣдовательно можно опустить ихъ изъ вниманія и оставить нерѣшенными. Не говоримъ уже о томъ, что книга, какъ бы хорошо она ни была написана, никогда не можетъ произвести на душу читателя того теплаго, неотразимаго вліянія, какое можетъ произвести на слушателя живое сердечное слово о томъ же самомъ предметѣ. Однимъ словомъ, по нашему искреннему убѣжденію, сколько бы ни писалось разныхъ книгъ противъ раскола, какъ бы умно и основательно ни доказывали раскольникамъ *печатно* неправильность тѣхъ мнѣній, изъ за которыхъ они отдѣляются отъ Церкви и православнаго общества, но если при этомъ не будетъ слышаться живая, устная православная проповѣдь,—дѣло обращенія заблуждающихся на путь истины не подвинется много впередъ, раскольники по прежнему будутъ вдали отъ Церкви и православнаго общества. Намъ скажутъ, что въ послѣднее по крайней мѣрѣ время, съ

учрежденія миссіонерства, православіе дѣйствуетъ на расколѣ не печатными только книгами, но и живою проповѣдью: однакожъ особенныхъ успѣховъ и отъ такого порядка вещей не видно. Правда, какъ мы знаемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, расколѣ въ послѣднее время не только не уменьшается, но даже увеличивается въ числѣ своихъ послѣдователей. Но тутъ виновата не проповѣдь православная, а другія причины, которыя не могутъ не касаться и православныхъ служителей Церкви. Дѣло въ томъ, что въ былое время, когда свѣтское правительство смотрѣло на расколѣ, какъ на зло общественное, и преслѣдовало его всеми мѣрами, множество раскольниковъ, — болѣе слабые духомъ, чтобы избѣжать преслѣдованій со стороны власти, притворно выдавали себя за православныхъ и старались быть записанными въ исповѣдныя росписи, какъ будто бывшіе у исповѣди и св. причастія, если не за всѣ годы, то по крайней мѣрѣ за многіе, хотя на самомъ дѣлѣ никогда не бывали и въ церкви. А православные священники, по разнымъ побужденіямъ, соглашались вносить въ число своихъ православныхъ прихожанъ подобныхъ, какъ ихъ называли прежде, потаенныхъ раскольниковъ, и такимъ образомъ часто случалось, что въ извѣстномъ приходѣ по официальнымъ документамъ почти не было раскольниковъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ чисто православные составляли въ немъ только меньшинство. Подобный порядокъ вещей имѣлъ своего рода выгоды: приходскій священникъ получалъ отъ раскольниковъ лишнія средства къ жизни, раскольники жили тихо и мирно, начальство епархіальное освобождалось отъ излишней переписки, правительство имѣло основаніе утѣшаться, что цифра всѣхъ раскольниковъ въ Россіи

не такъ велика, какъ ее представляютъ люди, знакомые съ дѣломъ. Но при такихъ мнимыхъ выгодахъ, въ дѣйствительности были очень важныя невыгоды отъ указаннаго нами порядка вещей. Раскольники, прикрываемые своими приходскими священниками, тѣмъ съ большею свободой распространяли свое ученіе въ массѣ православнаго населенія, — духовенство теряло уваженіе не только въ глазахъ заблуждающихъ, которымъ покровствовало, но и во мнѣніи православныхъ, которые нерѣдко сами дѣлались раскольниками, — правительство вводилось въ обманъ, благодаря которому иногда прибѣгало къ такимъ мѣрамъ противъ раскола, которыя только усиливали его. Но главное зло отъ указаннаго нами порядка вещей было въ будущемъ, которое для насъ стало уже настоящимъ. При строгомъ отношеніи власти къ расколу, потаенные раскольники составляли зло, но зло, такъ сказать, невидимое, или по крайней мѣрѣ закрытое отъ глазъ тѣхъ, кому всего больше и нужно бы его знать. При переменѣ обстоятельствъ, при большей свободѣ для раскольниковъ, это зло должно было обнаружиться и послужить причиной новыхъ затрудненій и для власти и для самого раскола. Такъ и случилось. Нынѣ, когда благодаря развитію въ обществѣ гуманныхъ идей, на расколъ стали смотрѣть снисходительнѣе, когда если не приказано, то по крайней мѣрѣ позволено официально не стѣснять раскольниковъ въ ихъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ, раскольники, такъ называемые потаенные, нашли возможнымъ вытти изъ своего неловкаго положенія, зависимости отъ православныхъ священниковъ, хотя бы только денежной, и мало по малу стали заявлять о своемъ существованіи окончательнымъ разрывомъ съ Церковію и ея пастыря-

ми. И вот то и дѣло слышешь, какъ въ одномъ мѣстѣ сошлись въ расколъ сотни, въ другомъ тысячи и т. д. Къ какимъ затрудненіямъ подобныя извѣстія могутъ вести власть и самый расколъ, понять не трудно. Не понимая хорошо, что всѣ соображенія, о которыхъ говорятъ и пишутъ, суть не соображенія въ собственномъ смыслѣ, а только гласныя заявленія раскольниковъ о своемъ давнемъ, но скрывавшемся до времени сектанствѣ, правительство недоумѣваетъ, можно ли дозволить раскольникамъ совершенную свободу вѣроисповѣданія, какъ того желаетъ литература и общество, видя, что даже незначительное снисхожденіе къ расколу власти сопровождается такими неблагоприятными для православія послѣдствіями. Начальства епархіальныя чувствуютъ себя неловко, вынужденны доносить, кому слѣдуетъ, что многіе изъ православныхъ его вѣдомства оставляютъ Церковь и переходятъ въ расколъ. Священники, въ приходахъ которыхъ происходятъ указанныя соображенія, или платятся за свои прежніе грѣхи, получая замѣчанія и выговоры за нерадѣніе въ охраненіи православія, или безъ вины терпятъ непріятности, если они недавно поступили на приходы раскольническіе, считавшіеся прежде, по милости ихъ предшественниковъ, православными. А расколъ, только что начавшій надѣяться на болѣе миролюбивое къ себѣ отношеніе власти, рискуетъ снова подвергнуться ей немилости за то, что чужія неправды начинаютъ являться на свѣтъ Божій.

Такимъ образомъ усиленіе раскола въ настоящее время нисколько не говоритъ противъ необходимости живой православной проповѣди, потому что оно зависитъ совершенно отъ другихъ причинъ, устранить которыя почти невозможно. Мало этого: мы думаемъ, что по-

тому-то особенно и нужно усилить въ наше время проповѣдническую дѣятельность, что въ настоящее время, при снисходительномъ отношеніи къ расколу власти, проповѣдничество можетъ служить самымъ лучшимъ, если не единственнымъ средствомъ, какъ къ обращенію заблуждающихъ на путь истины, такъ особенно къ предохраненію православныхъ отъ совращенія въ расколъ. Расчитывать нынѣ власти церковной въ борьбѣ съ расколомъ на поддержку свѣтскаго правительства, на содѣйствіе полиціи, значить идти не только противъ общаго убѣжденія, что подобный путь несправедливъ и незаконенъ, но и противъ самаго нагляднаго доказательства несостоятельности указаннаго способа дѣйствовать на заблуждающихъ, т. е. противъ двухсотлѣтняго опыта, который ясно показалъ, что внѣшняя сила совершенно безсильна въ борьбѣ съ внутренними убѣжденіями людей, хотя бы и ложными, что она можетъ заставить человека только измѣнить внѣшнее проявленіе убѣжденія, но не измѣнить его самого; можетъ создать два класса людей: однихъ изъ страха и интереса обманывающихъ, другихъ негодующихъ и враждующихъ. Но сколько первые безнравственны, столько вторые опасны. Приобрѣтеніе подобныхъ людей не можетъ быть находкой ни для кого. Остается одно средство дѣйствовать на заблуждающихъ, на которое давно указывала сама власть церковная ⁽¹⁾, это живое слово убѣжденія, устная православная проповѣдь. Не говоря уже о томъ, что это средство самое практическое и разумное, оно указывается, какъ единственное, и въ самомъ словѣ Божіемъ, вѣрною хранительницею котораго должна быть Церковь православная.

(1) Указъ Св. Синода отъ 24 сентября 1858 года.

Все, что говорили мы доселѣ о причинахъ, по которымъ раскольники, живущіе, по нашему мнѣнію, релігіозными интересами, доселѣ не присоединяются къ Церкви православной, не смотря на то, что неправильность многихъ обрядовыхъ разностей, содержимыхъ ими, давно уже печатно доказана, относится больше къ теоретической сторонѣ разсматриваемаго нами вопроса. Но есть въ этомъ вопросѣ еще сторона практическая, которая требуетъ особеннаго слова. То правда, что раскольники всего болѣе удаляются отъ Церкви и православнаго общества изъ-за указанныхъ нами обрядовыхъ разностей, въ перемѣнѣ которыхъ они видятъ перемѣну вѣры; но было бы несправедливо опускать изъ виду и другую причину нерасположенія заблуждающихся къ православію, причину практическую, кроющуюся въ жизни и дѣятельности членовъ православной Церкви. Мы разумѣемъ въ этомъ случаѣ тѣ уклоненія въ жизни отъ строго-христіанской нравственности многихъ православныхъ христіанъ, и даже цѣлыхъ сословій общества, съ которыми щекотливая совѣсть раскольниковъ никакъ не можетъ примириться. И если раскольники не исполнѣ правы, осуждая, какъ неправославіе и ересь, многіе обычаи православнаго общества, не имѣющіе прямаго отношенія къ вѣрѣ и Церкви, а вытекающіе изъ условій чисто житейскихъ, гражданскихъ и общественныхъ, то едва ли можно негодовать на нихъ за то, что они указываютъ, какъ на признакъ удаленія отъ евангельской истины, на тѣ обычаи православныхъ, въ которыхъ дѣйствительно замѣтно отсутствіе началъ строгой христіанской нравственности и которыми не можетъ не соблазняться истинно благочестивый человѣкъ. Раскольниковъ тѣмъ болѣе смущаютъ многіе, суще-

ствующие въ православномъ обществѣ порядки, что они, по видимому, терпятъ сознательнымъ снисхожденіемъ власти, даже церковной, и слѣдовательно не могутъ считаться злоупотребленіями только частныхъ лицъ. Не будемъ здѣсь указывать обычаи и порядки, существующіе въ православномъ обществѣ, противъ которыхъ вооружаются раскольники (1), но не можемъ не замѣтить, что для полнаго примиренія заблуждающихся съ Церковію и православнымъ обществомъ необходимо, по нашему мнѣнію, не только доказать неправильность догматическихъ (теоретическихъ) убѣжденій раскола, но и устранить по возможности предубѣжденія его противъ нѣкоторыхъ сторонъ практической жизни православнаго общества. А это приводитъ къ мысли, что дѣло обращенія раскольниковъ на путь истины можетъ имѣть успѣхъ только тогда, когда не только власть церковная, но и само общество православное рѣшится взять на себя этотъ трудъ и для лучшаго достиженія цѣли озаботится возвратиться на лучшей, болѣе нравственно-христіанскій и разумный путь жизни, или постарается по крайней мѣрѣ оставить тѣ рѣзкія отступленія отъ правилъ евангельскихъ и церковно-каноническихъ, которыя особенно смущаютъ совѣсть раскольниковъ.

Гораздо серьезнѣе, по видимому, слѣдующее возраженіе противъ нашего взгляда на расколъ, какъ на религиозную общину, именно—почему раскольники не присоединяются не только къ Церкви православной, но даже къ единовѣрью, въ которомъ, какъ извѣстно, дозволены защищаемыя ими обрядовыя разности, изъза которыхъ собственно они и отдѣляются отъ Церкви пра-

(1) См. нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ въ Хр. Чт. 1863 г. янв.

вославленной. Но и на это возраженіе можно представить объясненія и притомъ совершенно удовлетворительныя. Мы уже говорили выше, какъ отнеслась на первыхъ порахъ власть церковная къ обрядовымъ погрѣшностямъ, которыя послужили первоначальной причиною отдѣленія раскольниковъ отъ Церкви. Соборъ московскій 1666—7 года призналъ эти погрѣшности ересію и лицъ, которыя держались ихъ, предалъ анаемѣ, какъ раскольниковъ и еретиковъ. Мы говорили также, что такой суровый взглядъ на расколъ и его обрядовыя разности высказывался въ полемическихъ сочиненіяхъ противъ раскола почти до самаго конца прошлаго столѣтія. А послѣ этого не трудно понять, какъ должны были посмотрѣть раскольники на уступку Церкви, дозволившей тѣмъ изъ нихъ, которые согласятся принять рукоположенныхъ въ православной Церкви священниковъ, совершать богослуженіе по старымъ книгамъ съ тѣми особенностями, какія встрѣчаются въ этихъ книгахъ. Они стали видѣть въ этой снисходительности къ нимъ Церкви не столько материнскую любовь ея къ заблуждающимъ, рѣшившуюся терпѣть не вредящія существу вѣры обрядовыя погрѣшности, чтобы только раскольники не лишились главнаго въ дѣлѣ спасенія—благодати Св. Духа, подающейся вѣрующимъ въ таинствахъ, сколько или слабость Церкви, признаніе ею своей неправоты и правоты ученія раскольниковскаго, или, по меньшей мѣрѣ, хитрость церковной власти, которая, сознавая неправильность раскольниковскихъ обрядовъ и потому не принимая ихъ сама, позволила однакожъ содержать эти обряды раскольникамъ единственно съ тою цѣлію, чтобы, подчинивъ ихъ себѣ черезъ рукополагаемыхъ ею священниковъ, съ теченіемъ времени заставить ихъ оста-

вить и тѣ обрядовыя разности, которыми раскольники дорожатъ всего болѣе. И нужно сознаться, что какъ ни несправедливъ такой взглядъ раскольниковъ на единовѣріе, онъ легко могъ составиться у нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если въ цѣлыя сто лѣтъ Церковь смотрѣла на обряды раскольниковъ, какъ на ересь, священниковъ, служившихъ по этимъ обрядамъ, извергала изъ сана и таинствамъ, совершаемымъ ими, не приписывала никакого благодатнаго значенія; то какъ могли объяснить себѣ раскольники, что съ конца прошлаго столѣтія обряды эти, по мысли Церкви, перестали считаться ересью и таинства, совершаемая съ соблюденіемъ этихъ обрядовъ, стали служить во спасеніе вѣрующихъ? Недоумѣніе—очень понятное, и оно неизбежно повело раскольниковъ къ двумъ заключеніямъ, — именно: что Церковь или признала справедливость раскольническихъ мнѣній, и въ такомъ случаѣ всѣ прежнія дѣйствія ея въ отношеніи къ раскольникамъ, какъ то: проклятіе, положенное на соборѣ, гоненія и пр. были несправедливы и незаконны, какъ несправедливыми и незаконными должны быть признаны и обряды, содержаемые ею, или дозволила содержать эти обряды единовѣрцамъ не искренно, съ тайною мыслию — тою, чтобы этимъ путемъ довести со временемъ раскольниковъ до принятія обрядовъ новыхъ. Какое бы изъ этихъ двухъ заключеній ни усвоили себѣ раскольники, во всякомъ случаѣ они затрудняются присоединиться къ единовѣрію. Въ первомъ случаѣ — потому, что епископы, рукополагающіе единовѣрческихъ священниковъ, какъ содержащіе новые, будто бы неправильные обряды, не суть, по мнѣнію ревнителей старины, истинные пастыри, а слѣдовательно и зависимость отъ нихъ единовѣр-

ческих священников и самих единовѣрцевъ представляется дѣломъ, противнымъ совѣсти; во второмъ — потому, что раскольники опасаются быть вынужденными со временемъ оставить свои старые, многи-святые обряды и принять новые, неправославные. А сколько можно судить по сочиненіямъ самихъ раскольниковъ, они чуждаются единовѣрія именно потому, что видятъ въ немъ сколько противорѣчіе Церкви самой себѣ, столько же и неискренность ея. Вотъ разсужденіе раскольниковъ на первую тему: „За содержаніе книгъ и обрядовъ, бывшихъ до Никона, Московскій соборъ 1667 года наложилъ на предковъ нашихъ анаѣмъ съ такимъ прибавленіемъ, что скорѣе весь чинъ и порядокъ природы измѣнится, чѣмъ проклятiе это снимется; но высочайше утвержденными правилами митрополита Платона 1800 года, единовѣрцамъ разрѣшено совершать обряды по книгамъ первыхъ пяти патріарховъ, лишь бы только подчинились они великороссійскимъ епархіальнымъ архіереямъ. Сіи архіереи, сами служа въ церквахъ единовѣрческихъ, совершаютъ обряды, проклятыя соборомъ 1667 г. Чинъ и порядокъ природы не измѣнились, а проклятiе снято. Что же это значитъ? Значитъ это то, что или соборъ 1667 года сдѣлалъ постановленіе неправильное, ибо оно отмѣнено чрезъ 134 года, или архіереи православные, служащіе въ единовѣрческихъ церквахъ по нашимъ обрядамъ, подлежатъ анаѣмѣ, положенной соборомъ 1667 года. А Павелъ Апостолъ сказалъ: подобаетъ быти епископу непорочному, единымъ жемъ мужу; жена же епископа Церковь, которую пасеть онъ и съ которою вѣнчается при посвященіи, такъ что при этомъ обрядѣ воспѣваются тѣ самыя пѣсни, которыя

поются и при таинствѣ брака (1). Какъ же у епископа стало двѣ жены: Церковь великороссійская и Церковь единовѣрческая? Епископъ, сегодня совершающій божественную службу по обрядамъ Никона, а завтра по обрядамъ, проклятымъ соборомъ 1667 года, не есть ли мужъ двоедушень, каковому, по правиламъ апостольскимъ, соборнымъ и св. отецъ, не подобаетъ быти епископомъ? Можно ли спастись подъ духовною властію двоедушнаго епископа, мужа двухъ женъ? Могъ ли одинъ митрополитъ Платонъ сложить соборную клятву, наложенную тремя патріархами и цѣлымъ сонмомъ святителей? Не могъ. И самый святыи Синодъ не могъ, ибо хотя онъ и соборъ, но соборъ меньшій, въ которомъ не засѣдаетъ ни одного патріарха. И даже, если бы чинъ патріаршескій въ великороссійской Церкви сохранился, то и патріархъ Московскій съ соборомъ русскихъ епископовъ не могъ бы снять клятвы 1667 года, положенной соборомъ, въ которомъ, кромѣ патріарха Московскаго, засѣдали еще два старѣйшихъ его патріарха и въ томъ числѣ судія вселенной, Куръ Паисій, папа и патріархъ Александрійскій (2). Мы знаемъ, что приведенныя сейчасъ недоумѣнія раскольниковъ разрѣшены уже однимъ изъ нашихъ архипастырей (3). Жаль только, что эти объясненія раскольническихъ недоумѣній по поводу единовѣрія написаны слишкомъ недавно и едва ли скоро могли сдѣлаться извѣстными большинству заблуждающихъ. Что же касается другой мысли раскольниковъ о единовѣрїи, будто оно допущено Церковію неискренно, но съ хитрою цѣлю — сдѣлать со

(1) Это ошибка; при посвященіи епископа эти пѣсни не поются; они поются только при рукоположеніи священниковъ и діаконовъ.

(2) Сбора. Прав. распор. о раск. Кельсiev. вып. перв. стр. 172—3.

(3) Свѣд. о единов. церкв. М. 1858 г. л. 43 об.

временемъ единовѣрцевъ православными, то, къ сожа-
лѣнію, къ такому взгляду на единовѣріе могли подать
поводъ нѣкоторыя административныя распоряженія. Такъ
извѣстно, что еще въ то время, когда только возникла
у нѣкоторыхъ раскольниковъ въ Черниговскихъ поса-
дахъ мысль о единовѣріи, нѣкоторыя изъ духовныхъ
властей вели себя въ отношеніи къ разсматриваемому
предмету такъ, что раскольники, изъявившіе согласіе
на принятіе благословеннаго священства, серьезно ста-
ли думать, не ожидаютъ ли отъ нихъ безусловнаго еди-
ненія съ Церковію и принятія обрядовъ по новопечат-
нымъ книгамъ. Преосвященный Таврической Амвросій
вмѣсто того, чтобы, на основаніи Высочайшихъ указовъ
(1784 и 5 годовъ) о дарованіи старообрядцамъ священ-
никовъ, съ дозволеніемъ отправлять всю службу по
старопечатнымъ книгамъ, дать раскольникамъ „благос-
ловенное священство“, не только долгое время не испол-
нялъ ихъ просьбъ объ этомъ предметѣ, но даже прямо
высказалъ желаніе, чтобы раскольники приняли новыя
книги. „Если примете новыя книги, то я и безъ княже-
скаго вѣдома дамъ вамъ священниковъ“, говорилъ онъ на-
стоятелю Никодимова монастыря Виталію и Якову Бѣля-
еву, которыхъ Никодимовцы прислали къ Преосвященному
съ просьбою объ ихъ рукоположеніи. Неудивительно, что
на эти слова недовольные иноки отвѣчали: „сто тридцать
лѣтъ слышимъ мы это, ваше высокопреосвященство;
еслибы мы хотѣли принять новыя книги, то намъ не-
для чего было бы и ѣздить по нѣскольку разъ за 500
версть; у насъ за двѣ версты есть такія церкви“ (1). По-
томъ, при окончательномъ устройствѣ единовѣрія въ

(1) Странникъ 1863 г. Апрель, стр. 27, ст. „согласные и несоглас-
ные“.

1800 г., когда поданы были московскими старообрядцами митрополиту Платону известные пункты о дарованіи имъ правильныхъ священниковъ, Московскій владыка, не ограничившись утверженіемъ (полнымъ, или неполнымъ) выраженныхъ раскольниками желаній, счелъ нужнымъ сдѣлать въ концѣ нѣсколько замѣчаній о взглядѣ православной Церкви на единовѣріе; по мысли Московскаго архипастыря, единовѣріе съ сохраненіемъ въ немъ обрядовыхъ погрѣшностей допущено Церковію по снисхожденію къ немощной совѣсти раскольниковъ и съ тою „благою надеждою, что единовѣрцы со временемъ Богомъ просвѣтятся и ни въ чемъ неразиствующее съ Церковію придутъ согласіе“. Этими словами, очевидно, давалось знать старообрядцамъ, изъявившимъ согласіе на принятіе благословеннаго священства, что единовѣріе допускается только, какъ временная мѣра, и что рано или поздно единовѣрцы должны будутъ принимать не одно благословенное священство, но и содержимые православною Церковію чины и обряды. Было бы странно осуждать желаніе Церкви, чтобы всѣ чадъ ея были согласны съ нею не только въ вѣрѣ, но и въ самыхъ обрядахъ церковныхъ, чтобы они были утверждены не только *въ томъ же разумѣніи и въ тойже мысли, но и тожеде малолали вси* (1 Кор. 1, 10); но зная горячую привязанность старообрядцевъ къ обрядовымъ разностямъ, признаннымъ Церковію неправильными и однакоже допущеннымъ ею въ единовѣріи, нельзя не подумать, что, можетъ быть, слишкомъ рано поспѣшили у насъ гласно, печатно заявить такой взглядъ на единовѣріе, какъ на *переходную* церковь; это заявленіе послужило причиной того, что раскольники стали считать и называть единовѣріе по-своему: *ловушкой*—и, опасаясь быть лишен-

ными съ теченіемъ времени своихъ старыхъ обрядовъ, не охотно стали принимать отъ Церкви и благословенныхъ священниковъ. А послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, по замѣчанію нѣкоторыхъ, до 1800 года присоединеніе къ единовѣрію, еще не организованному, было несравненно сильнѣе, чѣмъ въ послѣдствіи (1).

Были и другія причины, которыя на первыхъ же порахъ поселили въ раскольникахъ недовѣріе къ распоряженіямъ Церкви касательно единовѣрія. Раскольники, изъявившіе согласіе на единовѣріе, какъ извѣстно, просили себѣ не только благословенныхъ священниковъ, но и „архипастыря на старинные обряды“. Мы не знаемъ навѣрно, обѣщала ли, какъ думаютъ нѣкоторые, власть церковная исполнить это желаніе раскольниковъ; но знаемъ, что архіереи единовѣрческіе не существуютъ и до настоящаго времени. А между тѣмъ это обстоятельство даетъ раскольникахъ поводъ считать единовѣрческую церковь, какъ неимѣющую архіереевъ, неправильно образованною, непрочною. Далѣе: раскольники, изъявившіе согласіе на единовѣріе, не только не получили отъ власти церковной „архипастыря на старинные обряды“, какъ того желали и просили, но, какъ мы уже замѣчали, очень долго не имѣли и благословенныхъ священниковъ. Мы знаемъ, что причины этого печальнаго обстоятельства скрывались во вмѣшательствѣ въ дѣло единовѣрія свѣтскихъ вліятельныхъ лицъ, желавшихъ дѣло чисто духовное обратить въ административное средство къ тому, чтобы заставить раскольниковъ переселиться въ Таврическую область. Но рас-

---

(1) Кельс. вып. перв. стр. 183.

кольники не имѣли ни побужденій, ни возможности вникать въ зависимость православныхъ архипастырей отъ свѣтлѣйшихъ Потемкиныхъ; они видѣли только, что, вопреки Высочайшимъ указамъ и обѣщаніямъ членовъ Св. Синода, имъ не даютъ пастырей, которыхъ они просятъ, и такимъ образомъ лишаютъ ихъ средствъ къ спасенію, которыхъ заблуждающіе искали въ союзѣ съ Церковію. Къ какимъ горькимъ заключеніямъ о Церкви и о самомъ единовѣрїи могло приводить раскольничье подобное невниманіе къ ихъ духовнымъ нуждамъ, это всего лучше можно видѣть изъ прошенія, поданнаго старообрядцами въ 1787 году преосвященному митрополиту Петербургскому Гавріилу. Описавъ со всею подробностію исторію своихъ безуспѣшныхъ просьбъ преосвященному Таврическому Амвросію, которому поручено было дать старообрядцамъ благословенное священство, они продолжали: „Еда крѣпость наша—крѣпость каменная, и мышцы наши суть мѣдны (Іов. 6, 12)? Не просили ли мы всякимъ образомъ у вашего архипастырства богоподражательныя милости въ цѣлыя пять лѣтъ прошенія нашего, и болѣе не получили, какъ ту самую милость, о которой глаголетъ Апостоль Іаковъ (Соб. посл. гл. 2, ст. 15): аще братъ или сестра наши будутъ и лишени будутъ денныя пищи: речеть же имъ кто отъ васъ: идите съ миромъ, грѣйтесь и насыщайтесь, не дастъ же имъ требованія тѣлеснаго, кака польза? Мы вамъ открыли, яко искусному лѣкарю, разнаго рода раны, но вы не точію не уврачевали, но и оставили насъ безъ призрѣнія и злосчастно умирать, а иныхъ паки отвратили отъ соборныя Церкви, а иныхъ подвигнули на хулы, понеже дали мѣсто ихъ словамъ: „вотъ-де ваши пастыри“, да и только вы насъ истоми-

ли, не подавши намъ дѣятельнаго пластыря, отъ чего не точію простой народъ взошелъ въ сумнѣніе о папстыряхъ и о Церкви, мы сами убѣждаемся, что дѣлается. Мы, церкви рачители, скажемъ, что въ пятьдесятъ бы кратъ было приращеніе, ежели бы вспорѣ дано было благословенное священство, а нѣтъ ни подъ какимъ видомъ уже Церкви столько приращенія не будетъ, затѣмъ, что всѣмъ дали образъ жестокосердія. Понеже мы просили на старинные обряды архипастыря; но вы не соблаговолили. Мы просили священника съ тѣмъ, чтобы посвященъ былъ къ намъ на старинные обряды; но и того не соблаговоляете. А мы ясно видимъ Императорское повелѣніе, а зачѣмъ не даетъ Преосвященный? Мы не вѣдаемъ за нами противнаго Церкви, ни ереси; а только указываетъ на князя“ (1). И хотя послѣ этого прошенія, по распоряженію Св. Синода, былъ посланъ въ Стародубскія слободы для устройства единовѣрія священникъ Охтенской въ С.-Петербургѣ церкви, Андрей Іоанновъ Журавлевъ, но и этотъ ревнитель православія долго встрѣчалъ препятствія своимъ трудамъ то въ интригахъ свѣтскихъ чиновниковъ, то въ холодности къ дѣлу единовѣрія самого начальства епархіальнаго, — такъ что нужно удивляться, какъ еще не охладѣла совершенно въ сердцахъ старообрядцевъ горячая ревность о единеніи съ Церковію, какъ они, встрѣчая на каждомъ шагу затрудненія, невнимательность, холодность, окончательно не потеряли довѣрія къ русской іерархіи и не бросили начатаго дѣла (2). Такъ было съ единовѣріемъ на

---

(1) Странникъ. 1863 г. Апрель стр. 29—30.

(2) Довольно подробный рассказъ о первоначальномъ устройствѣ единовѣрія см. въ Странникѣ 1863 г. Апрель и Май въ статьѣ: „согласные и несогласные“.

первыхъ порахъ. Но еслибы намъ пришлось описывать послѣдующую судьбу его—до нашихъ дней, то,— скажемъ чужими словами, — „мы вынуждены были бы, во имя исторической истины, рисовать опять ту же грустную картину недовѣрчивости и подозрительности къ его правдивой идеѣ, холодности къ его успѣхамъ, подкупности чиновничьяго люда, который находитъ свою жалкую выгоду поддерживать на тѣлѣ русскаго общества даже такую язву, какъ расколъ, поражающую лучшія силы народа. Намъ пришлось бы процитовать не одну слезную просьбу людей, „приверженность имѣющихъ ко святой Церкви“, выставить не одинъ безжизненный номеръ лживой дѣловой бумаги... Видно, въ идеѣ единовѣрія есть особая крѣпость и живучесть, когда оно, не смотря на всѣ невагоды, существуетъ около ста лѣтъ“. Такими заключительными словами автора статьи о первоначальной судьбѣ единовѣрія, помѣщенной въ „Странникъ“ за 1863 годъ, — слова, полныя горькой правды. Къ этимъ словамъ, кажется, нечего прибавлять, чтобы видѣть, почему раскольники, ратуящіе за обрядовыя разности, существующія между ними и православною Церковію, съ трудомъ присоединяются къ единовѣрью, хотя въ немъ эти разности и дозволены.

На основаніи словъ самихъ раскольниковъ, можно указать и еще нѣсколько причинъ, по которымъ старообрядцы не принимаютъ правилъ, таинствъ и священства единовѣрческой церкви. Эти причины изложены въ одной запискѣ, поданной въ 1840 году настоятелемъ старообрядческаго Иргизскаго монастыря, старцемъ Силуаномъ, единовѣрческимъ архимандритамъ Платону и Зосимѣ. Вотъ ихъ сущность: единовѣрческая церковь основывается на состоявшемся въ 1800 году мнѣніи ми-

трополита Платона и потому она представляется раскольникамъ церковію *новою* и слѣдовательно не апостольскою, какою, по Символу, должна быть Церковь истинная. Кромѣ того единовѣрцы должны признавать, кромѣ *своей*, еще другую Церковь — великороссійскую, отъ которой получаютъ они благодатныя архипастырскія дарованія, и слѣдовательно, вопреки Символу, должны вѣровать не въ едина, а въ двѣ церкви. По смыслу 1-го и 5-го пункта и заключенія мнѣнія митрополита Платона, священство единовѣрческое обязано признавать положенныя на Московскомъ соборѣ 1667 года клятвы на содержимые раскольниками обряды возложенными праведно, — почитать перемѣны, сдѣланныя Никономъ въ церковномъ ученіи и чинослуженіяхъ за святыя и спасительныя и кромѣ того — стараться привести духовныхъ дѣтей своихъ „ни въ чемъ въ неразствушающее съ Церковію согласіе“. Раскольники, по ихъ отзыву, не могутъ принудить свою совѣсть къ тому, чтобы мыслить такъ — согласно съ единовѣрческимъ священствомъ, а потому не могутъ и принять этого священства для исправленія свято чтимаго ими стариннаго служенія. Въ Працицѣ пр. Питирима, изданной въ 1752 г., по благословенію св. Синода, сказано, что священникъ, служащій, вопреки предписанію Церкви, литургію на семи просѣрахъ съ изображеніемъ на нихъ старинной печати, проклять, отлученъ и изверженъ и таинство, совершаемое такимъ священникомъ, не можетъ „быти сущею святою Тѣло Христово и Кровь Христова“. Не подвергаются ли этой клятвѣ, спрашиваютъ раскольники, и священники единовѣрческіе, совершающіе литургію на семи просѣрахъ съ изображеніемъ на нихъ осьмиконечнаго креста и проч. И таинство, совершаемое ими, есть ли истин-

ное таинство? Епархіальные архіереи только единовѣрческихъ священниковъ благословляютъ служить литургію на семи просфорахъ съ изображеніемъ на нихъ старинной печати, молиться двуперстнымъ сложеніемъ, читать аллилуіа по дважды, а въ третій разъ: „слава Тебѣ, Боже,“ отправляютъ все церковное богослуженіе по древнимъ чиноположеніямъ, а сами совершаютъ свое ежедневное служеніе по новонаданнымъ книгамъ, которыхъ единовѣрцы не принимаютъ. Подчиняться такимъ архипастырямъ, которые одно говорятъ, а другое дѣлаютъ, раскольники находятъ дѣломъ „несноснымъ для совѣсти“ и чуждымъ христіанскому обычаю. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (продолжаетъ Силуанъ) епархіальными властями нарушены нѣкоторые пункты Высочайше утвержденнаго мнѣнія М. Платона. Такъ по 2-му пункту, священниками къ единовѣрческимъ церквамъ недѣзя опредѣлять прежнихъ (бѣглыхъ) раскольническихъ поповъ, какъ „бѣглецовъ и предателей Церкви, совѣсти и сана своего“; а между тѣмъ такіе попы нерѣдко назначаются епархіальнымъ начальствомъ къ единовѣрческимъ церквамъ. Въ 16-мъ пунктѣ мнѣнія Платона сказано, чтобы „не было хулы ни съ единой стороны за содержаніе разныхъ обрядовъ“, а между тѣмъ кромѣ того, что въ Псалтиряхъ и доселѣ осуждается двуперстіе, въ 1839 году издана съ разрѣшенія духовной цензуры книга подъ названіемъ: „доказательства о древности трехперстнаго сложенія съ дополненіемъ“, въ которой двуперстное сложеніе называется плевеломъ, всѣяннымъ отъ врага-человѣка, т. е. отъ дьявола, армянскимъ преданіемъ, — вражескою прелестію, которою врагъ уловляетъ людей въ свою волю, а молящіеся двуперстнымъ сложеніемъ „вмѣняются, какъ язычники, невѣрные и мытари“. Подобное, обидное для еди-

козвѣрцествѣ, нарушеніе основаній единовѣрцеской Церкви, утвержденныя въ оборотѣ архипастырей и самими Монархами, не ручиется, говорить раскольники, за твердость и неизмѣнность и всего другаго, что даровано единовѣрцамъ. При распространеніи ученія и предѣловъ единовѣрцеской церкви между старообрядцами употребляются духовными лицами, при помощи свѣтской власти, разнаго рода насилія, нерѣдко даже военное оружіе, что не согласно съ распространеніемъ кроткой и безпритязательной апостольской проповѣди, противорѣчить ученію Спасителя, сказавшаго: аще кто услышитъ глаголы Моя и не вѣруетъ, Азъ не сужу ему“ (Іоан. XII, 47), и приводитъ раскольниковъ къ сомнѣнію въ справедливости самаго дѣла, которое утверждается жестокостію и насиліемъ. Таковы причины, по которымъ раскольники затрудняются присоединиться къ единовѣрцію, не смотря на то, что въ немъ дозволены всѣ тѣ обрядовыя разности, изъ-за которыхъ они отдѣляются отъ Церкви православной. Надѣмся, читатели наши знаютъ, что на всеъ указанныя возраженія раскольниковъ представлены уже объясненія въ пользу единовѣрція въ известной книгѣ: „отвѣтъ единовѣрца старообрядцу на его возраженія“ (1857 г.) (1).

Наконецъ не можемъ не указать еще на одно обстоятельство, которое, по нашему мнѣнію, немало препятствуетъ успѣхамъ еднновѣрція. Это — опредѣленіе къ единовѣрцескимъ церквамъ священниковъ, по избранію самихъ прихожанъ. Мы не противъ участія народа въ избраніи пастырей Церкви. Такой порядокъ вещей, нача-

(1) Мнѣніе раскольниковъ о единовѣрціи см. еще въ печатной „церковной исторіи“, вышедшей недавно за границей, ч. III, стр. 149—154.

ю котораго скрывается въ глубокой древности, можетъ имѣть благотѣльные слѣдствія и для самихъ пастырей и для пасомыхъ. Но въ приложеніи къ единовѣрію этотъ порядокъ не всегда оказывается полезнымъ для Церкви. Старообрядцы, изъявившіе по какимъ либо причинамъ согласіе на единовѣріе, иногда избираютъ изъ среды своей священниками для себя такихъ людей, которые не только не питаютъ особенной любви къ Церкви православной и ея архипастырямъ, но нерѣдко сочувствуютъ болѣе расколу, чѣмъ православію. Не говоримъ уже о томъ, что избираемые иногда изъ крестьянъ и мѣщанъ, эти пастыри не имѣютъ въ себѣ тѣхъ качествъ, которыя необходимы священнику для нравственнаго вліянія его на паству. Отъ того и случается нерѣдко, что подобныя личности не только не заботятся о присоединеніи къ единовѣрію старообрядцевъ, напротивъ православныхъ увлекаютъ въ единовѣріе и, можетъ быть, даже въ расколъ. Получаемое ими священство служить нерѣдко только личиной, прикрываясь которою эти наемники потворствуютъ расколу, считая своими прихожанами такія лица, которыя на самомъ дѣлѣ бываютъ заглядными раскольниками. Зависимость единовѣрческихъ священниковъ отъ одного епархіальнаго архіерея, живущаго въ губернскомъ городѣ, даетъ имъ возможность совершать иногда самыя темныя дѣла. Намъ рассказывали объ одномъ единовѣрческомъ священникѣ изъ рижскихъ мѣщанъ, который въ теченіе пяти лѣтъ не служилъ ни одной литургіи, а только часы и обѣдницы. А между тѣмъ прихожане его постоянно пишутся бывшими у исповѣди и святаго причастія. Дѣло въ томъ, что по Высочайше утвержденному мнѣнію М. Платона о единовѣрціи (въ 6-мъ пунктѣ), единовѣрческіе священники за-

исить только отъ епархіальныхъ архіереевъ и св. Синода; но если уже нельзя подчинить ихъ надзору мѣстныхъ православныхъ благочинныхъ, то по крайней мѣрѣ не извинно было бы обращать болѣе строгое вниманіе на выборъ лицъ для единовѣрческихъ причтовъ. А то иногда случается, что священникомъ при извѣстной единовѣрческой Церкви служить отецъ, дьячкомъ его сынъ, просфирней родная его сестра. При такой круговой поруцѣ, все, что бы ни сдѣлалось, будетъ скрыто; и въ глазахъ епархіальнаго начальства подобныя причты всегда будутъ самые исправныя. Бываютъ и другаго рода казусы съ единовѣрческими священниками, избранными по желанію прихожанъ. Намъ рассказывали, что одно единовѣрческое общество избрало для рукоположенія во священника крестьянина, котораго рекомендовало мѣстному епархіальному начальству, какъ самаго благонадежнаго по влиянію его на окрестныхъ старообрядцевъ; а между тѣмъ едва успѣлъ этотъ благонадежный кандидатъ получить хиротонію, какъ оставилъ и своихъ избирателей, и самую церковь, и убѣжалъ къ раскольникамъ. Священство ему нужно было только для того, чтобы снабдить имъ нуждавшихся тогда въ бѣглыхъ полахъ раскольниковъ. Вотъ во избѣжаніе подобныхъ непріятностей желательно было бы, чтобы на составъ единовѣрческихъ причтовъ обращалось епархіальными начальствами особенное вниманіе. Не уважать въ этомъ случаѣ желаній прихожанъ нельзя; но и стѣсняться ими много нѣтъ большой нужды, особенно если эти желанія несогласны съ благими намѣреніями Церкви и съ интересами православія. Что нибудь одно: если старообрядцы, изъявившіе согласіе на единовѣріе, искренно желаютъ единенія съ Церковью; въ такомъ случаѣ для нихъ должно быть все равно, что

бы ни былъ у нихъ священникомъ, лишь бы только онъ былъ истиннымъ пастыремъ по своимъ нравственнымъ качествамъ и неуклонно слѣдовалъ предписаніямъ старыхъ книгъ; а такими пастырями могутъ быть и лица, рожденныя и воспитанныя въ православіи и получившія надлежащее образованіе. Если же присоединеніе къ Церкви тѣхъ или другихъ старообрядцевъ неискренно, — въ такомъ случаѣ постоянно исполняя ихъ желаніе при назначеніи священниковъ, можно иногда облечь званіемъ пастыря Церкви не пастыря, а волка, который вмѣсто пользы принесетъ только вредъ Церкви православной.

Такимъ образомъ и слабые успѣхи единовѣрія, въ которомъ дозволены защищаемыя расколомъ разности, ни мало не противорѣчатъ нашему взгляду на расколъ, какъ на религиозную общину. Безуспѣшіе единовѣрія зависятъ не отъ того, будто для раскола дѣло вѣры, выражаемой въ церковной практикѣ такъ, или иначе, — вещь неважная, но совершенно отъ другихъ причинъ, которыя частью мы уже указали.

Но если, какъ старались мы доказать, расколъ живетъ одними религиозными интересами, если раскольники отдѣляются отъ Церкви и православнаго общества собственно изъ-за вѣры, будто бы неправо исповѣдуемой православною Церковію, — то что же значать въ такомъ случаѣ нападки раскольниковъ на разнаго рода существующія государственныя учрежденія и гражданскіе порядки? Не значить ли это, что расколъ недоволенъ не одними перемѣнами церковными, но и реформами государственными, и что слѣдовательно онъ составляетъ не чисто религиозную общину, но вмѣстѣ и гражданскую, и именно въ смыслѣ оппозиціи податнаго земства централизаціи, стѣсненной гражданской

свободу народа, права мысли и совѣсти, легкой тяже-
лымъ гнѣтомъ на жизнь народную и проч. и проч. Что
раскольники недовольны не только господствующею Цер-
ковью, но и существующимъ государственнымъ поряд-
комъ, объ этомъ мы уже говорили. Только причина
недовольства раскольниковъ „всероссійскою имперіею“
далеко не тѣ, какія указываетъ г. Щаповъ, и именно
— онѣ скрываются не въ стремленіи раскольниковъ къ
гражданской свободѣ, угнетаемой будто бы абсолютиз-
момъ власти, централизаціей, — не въ стремленіи ихъ
къ лучшему земскому устройенію по изстариннымъ свое-
народнымъ началамъ, — помимо государственныхъ рас-
поряженій, стѣснительныхъ для земскаго дѣла, но въ
особомъ взглядѣ раскольниковъ на перемѣны не
только церковныя, но и гражданскія. Г. Щаповъ гово-
ритъ (*), что еще Алексѣй Михайловичъ, при которомъ
начался расколъ, „государство свое правилъ по своей
волѣ, и того ради писался самодержцемъ“, что еще
этотъ царь началъ болѣе другихъ московскихъ госуда-
рей сдавливать земство, что еще при немъ народъ мно-
го страдалъ отъ прибыли государевой казны, отъ тяж-
кихъ налоговъ, отъ притѣсненія бояръ (стр. 21 — 5).
И однакоже какъ относился къ власти расколъ въ это
время? Онъ съ полнымъ довѣріемъ обращался къ царю
съ своими челобитными, съ вѣрноподданническими чув-
ствами просилъ его защитить старую, правую вѣру и
ни однимъ словомъ не выразилъ своего недовольства
самодержавіемъ царя, его государственнымъ распо-

(*) Угнетеніе земства, по словамъ г. Щапова, началось еще съ Юан-
на III и съ сына его Василія Ивановича, который, по словамъ лѣто-
писи, первый повелѣлъ писать себя самодержцемъ и принял на себя
областныя титулы (стр. 68).

рженіями, стѣснительными для земства. Правда недолюбливае народъ тяжкими для земства мѣрами правительства, выражалось и въ правленіи Алексѣя Михайловича — бунтами и побѣдами; но расколъ не принималъ въ этомъ никакого участія, а если и принималъ, то только потому, что онъ сосредоточивался въ томъ же самомъ народѣ, который не могъ вынести своего гора — злосчастія. Если же, какъ думаетъ г. Щаповъ, расколъ возсталъ на защиту правъ земства, то неужели объяснить то, что онъ молчалъ объ этихъ правахъ предъ Алексѣемъ Михайловичемъ, а заявлялъ предъ нимъ желанія другого рода — чисто религиозныя. Объясненіе очень простое. Расколу тяжели были не распоряженія власти свѣтской, стѣснявшія права народа, но распоряженія власти церковной, будто бы губившей правую вѣру. И вотъ доколѣ царь не объявилъ себя окончательно на сторонѣ послѣднихъ распоряженій, раскольники относились къ нему, какъ къ царю, съ покорностію и довѣріемъ. Такъ было въ самомъ началѣ раскола, когда Аввакумъ, Никита, Лазарь, епископъ вятскій Александръ и др. подавали царю свои прошенія, дабы „онъ старое благочестіе взыскалъ и святую церковь отъ ереси оборонилъ и на престолѣ патриаршескій пастыря православнаго учинилъ, вмѣсто волка и отступника Никона злодѣя“ (1); такъ было и до самой смерти Алексѣя Михайловича. Соловецкіе бунтовщики не прежде рѣшились биться противъ государевыхъ ратныхъ людей, какъ получивъ отказъ на свою челобитную, въ которой писали: „поведи, Государь, намъ быти въ томъ же благочестіи и преданіи,

(1) Жит. Аввак.

въ коестъ чудотворцы наши... угодили Богу... Аще мил-
твой великаго государя, помазания Божия и царя,
гнѣвъ на насъ грѣшныхъ излечится... лучше намъ вре-
мешкою смертію умерети“. Опять эти слова о дѣлахъ
гражданскихъ, и все — только о вѣрѣ. Замѣчательны
въ этомъ случаѣ слова пр. Аввакума въ посланіи, пи-
санномъ имъ Алексѣю Михайловичу уже изъ Пусто-
зерскаго острога. Прося царя обратиться къ древнему
благочестію, нарушенному будто бы Никономъ и его
послѣдователями—архипастырями русскими, Аввакумъ
писалъ: „нечего уже намъ говорить съ ними: все дѣло
въ тебѣ, царю, затворилося и за однимъ тобою стоитъ“ (1).
Изъ этихъ словъ видно, что расколъ ходатайствовалъ
предъ Алексѣемъ Михайловичемъ единственно за вѣру
и ходатайствовалъ въ той надеждѣ, что царь, быть мо-
жетъ, сознаетъ неправоту переимѣнъ царювыхъ, сдѣлан-
ныхъ Никономъ, и заступится за древнюю, правую вѣру.
Самыя строгія мѣры царя противъ раскола объяснялись
до времени послѣдователями его недоразумѣніемъ со сто-
роны царя, признавались дѣйствіями, внушенными ему
другими, и нисколько не умаляли въ раскольникахъ пре-
данности власти. „Чѣмъ больше ты насъ оскорбляешь,
писалъ Алексѣю Михайловичу тотъ же Аввакумъ, — му-
чишь и томишь, тѣмъ больше мы тебя, царя, любимъ и
молимъ Бога о тебѣ до смерти твоей и своей“ (2). Прав-
да и противъ Алексѣя Михайловича уже слышатся уп-
реки со стороны раскола, — и его нѣкоторые расколо-
учители называли не „владыкой, а мучителемъ“, но за
что? Не за угнетеніе имъ земства, не за обременитель-

(1) Разск. изъ истор. стар. Максим. стр. 97.

(2) Тамъ же стр. 99.

ныя распоряженія его противъ народа, и за то, что „даръ съ Николомъ отступилъ отъ св. православныя вѣры, и всю церковь Божию отъ всего благоумнаго обнажилъ“ (1). — Таковы были отношенія раскола къ свѣтской власти при Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ слѣдующее едѣтѣмъ правленіе Теодора Алексѣевича и въ правленіе Софьи Алексѣевны раскольники не измѣняли своихъ отношеній къ царской власти и съ довѣріемъ обращался къ ней съ тѣми же просьбами о защитѣ старой вѣры. Теодору Алексѣевичу Аввакумъ пишетъ письмо, въ которомъ умоляетъ царя помочь дѣлу раскола: „Аще не ты по Господѣ Богъ, кто намъ поможетъ“ (2). На Софью Алексѣевну раскольники надѣялись еще больше, — такъ что, явившись въ 1682 году въ отвѣтную палату прямо и смѣло говорили: „мы пришли сюда побить чедомъ великимъ государямъ о старой православной вѣрѣ, чтобы они повелѣли патриарху и властямъ служить по старымъ книгамъ, на семи просфорахъ, а не на пяти и употреблять на просфорахъ трисоставный крестъ, а не крестъ латинскій. Если же патриархъ не изволитъ служить по старымъ книгамъ, то повелѣли бы ему дать съ нами праведное разсмотрѣніе отъ божественныхъ писаній, почему онъ на это несогласенъ и за что предаеть проклятію и казнить людей, держащихся старой вѣры, какъ недавно казнилъ Соловецкій монастырь“ (3). Изъ этихъ словъ видно, что даже въ 1682 г. раскольники хлопотали предъ властію только о томъ, чтобы она возстановила старую вѣру, и самая казнь приписывалась власти не свѣтской, а духовной. А между тѣмъ,

(1) Русск. раск. старообр. стр. 19.

(2) Опис. сочинен. раск. А. В. ч. II, стр. 37.

(3) Истор. р. раск. стр. 222-3, изд. 1-е.

повторить, и въ указываемое нами время народъ нашъ страдаетъ, терпитъ много зла. Спрашиваемъ опять: чѣмъ объяснить эту сосредоточенность раскола на однихъ религиозныхъ интересахъ, если онъ имѣлъ въ виду не вѣру, а свободу и благосостояніе земства?

Со времянь Петра 1-го отношенія раскольниковъ къ свѣтской власти измѣняются. Съ этого времени раскольники дѣйствительно начинаютъ протестовать не только противъ Церкви, но и противъ государства, выражаютъ недовольство не только переидами церковными, начавшимися въ патриаршество Ниліона и продолжавшимися послѣ него, но и преобразованиями чисто гражданскими, нововведеніями государственными. Но эта перемѣна въ расколѣ произошла не потому, будто бы онъ съ этого времени оставилъ религиозные интересы и сдѣлался гражданской демократической общиной, но вслѣдствіе другихъ причинъ, опять, чисто религиозныхъ.

Мы уже замѣчали, что до воцаренія Петра раскольники главной причиной всѣхъ своихъ несчастій считали власть церковную. Она, по мнѣнію раскольниковъ, была виновна въ переидахъ вѣры, она преслѣдовала анаемой ревнителей древняго благочестія, — по ея же внушенію и оболъщенію казнила раскольниковъ и власть свѣтская, которая поступала такъ только потому, что была введена въ обманъ касательно справедливости требованій послѣдователей старины (1). Поэтому-то, осыпая

(1) Мысль, что власть свѣтская введена въ обманъ властію церковною, кокъ видно изъ сочиненій раскольническихъ, долго оставалась въ расколѣ (Сбор. Кельсиев. вып. перв. стр. 211—12). Впрочемъ наряду съ этою мыслию стала высказываться раскольниками послѣдняго времени и другая совершенно противоположная ей мысль, будто со времянь Петра, съ учрежденія Св. Синода, сама власть церковная стала дѣйствовать во всемъ по приказанію власти свѣтской. „Тогда убо прежде сего оную пре-

власть церковную и ея представителей всевозможными ругательствами и клеветами, раскольники, какъ мы видѣли, съ почтеніемъ относились къ власти свѣтской, надеясь, что она рано или поздно пойметъ правоту ихъ и защититъ ихъ святое дѣло. Съ воцареніемъ Петра раскольники увидѣли, что они жестоко ошибались, считывая на возвращеніе прежняго порядка вещей, при посредствѣ свѣтской власти. Петръ великій въ первые же годы своего царствованія показалъ ревнителямъ старины, что онъ не только не намѣренъ защищать ихъ дѣла противъ власти церковной, но напротивъ поставилъ своей задачей къ прежнимъ реформамъ, тяжелымъ для раскольниковъ, присоединить новыя преобразованія, — намѣренъ совершенно пересоздать Русь православную, начиная съ самой власти церковной и оканчивая послѣднимъ гражданиномъ, которому приказалъ преобразиться по иностранному образцу. Можно понять, какъ должны были посматрѣть раскольники на новаго царя, рѣшившагося совершенно уничтожить любимую ими старину и объявившаго, что всякій, кто вздумалъ бы противиться его нововведеніямъ, будетъ считаться врагомъ государя и государства и получить достойное возмездіе. Если реформы Петра возбуждали недоумѣнія, не-

имущую надо всеми власть упраздни (Петръ), читаемъ въ Цвѣтникѣ Евемія, основателя секты странниковъ, сирѣчь патріарше лице отстави, яко хотяще въ намѣреніяхъ оныхъ языческихъ дѣлъ ему препятствовати и состави Синодъ... И тогда убо оная духовная власть ничтоже нача безъ повелѣнія его дѣйствовати, якоже и нынѣ видимо есть: вся бо воля отъяся отъ духовныхъ гражданскою властію; не могутъ бо воспретити и отлучити отъ своея церкви ядущихъ въ посты и въ постные дни мясо и имущихъ женъ наложницъ, или въ операхъ творящихъ ѡснованіе на воскресные и господскіе праздники, веце бо о постѣхъ и воздержаніи и цѣломудріи и прочемъ проповѣдаютъ“ (Кельсіев. вып. четверт. стр. 265—6).

удовольствія, ропоть и даже явное противодѣйствіе даже въ лицахъ, принадлежавшихъ къ Церкви и потому считавшихъ царя—царемъ православнымъ, помазанникомъ Божиимъ; то что же сказать о раскольникахъ, которые по тому одному, что Петръ рѣшительно объявилъ себя на сторонѣ новыхъ порядковъ въ Церкви и противъ раскола и вообще старины, считали его еретикомъ, царемъ неправославнымъ? Если и объ Алексѣѣ Михайловичѣ, относившемся къ расколу болѣе снисходительно, оказывавшемъ даже милости нѣкоторымъ его вождямъ и дѣйствовавшему иногда противъ ревнителей старины строго только будтобы по необходимости, по настоянію патріарха,—если и объ Алексѣѣ Михайловичѣ нѣкоторые раскольники позволяли себѣ говорить „такія слова, что не только написать, но и помыслить страшно,“—то легко себѣ представить, какіе толки поднялись въ расколѣ о Петрѣ, гласно объявившемъ себя противъ всякой старины, а слѣдовательно и противъ раскола. Еще и прежде носились между раскольниками неясные толки о послѣднихъ временахъ, о кончинѣ міра, объ антихристѣ. Еще дьяконъ Федоръ писалъ: „вездѣ бо бысть послѣдняя русь: здѣ бо и отъ сего часа на горшая происходитъ будетъ царями неблагочестивыми.“ Первые расколоучители указывали даже своимъ послѣдователямъ лица, которыя, по ихъ мнѣнію, были если не антихристы, то по крайней мѣрѣ предтечи его. Лица, заклеянные именемъ врага рода человѣческаго, сошли со сцены, кончины міра еще не было, но мысль о послѣднихъ временахъ не переставала занимать умы раскольниковъ. И вотъ является Петръ, который, „уверовавъ самъ въ поганныхъ нѣмцевъ“, начинаетъ принуждать къ тому же и всѣхъ своихъ подданныхъ, ко-

торый уничтожаетъ патриаршество, обращаетъ монастыри въ богадѣльни для раненыхъ солдатъ, не соблюдаетъ установленныхъ Церковію постовъ, который, самъ перерядившись въ нѣмца, приказываетъ сдѣлаться нѣмцами и своимъ подчиненнымъ, брѣетъ имъ бороды, образъ и подобіе Божіе, одѣваетъ ихъ въ нѣмецкіе кафтаны, — который взялся перемѣнить то, что во власти одного Бога, — *времена и лета*, установивъ праздновать начало новаго года 1-го января, вмѣсто 1-го сентября, какъ будто „могъ государь перемѣнить солнечное теченіе“, который наконецъ, „ревнуя римскому преданію, сталъ гнать и мучить въ древлеотеческомъ преданіи пребывающихъ старовѣрцевъ, истребляя отъ земли память ихъ, называя ихъ раскольниками и еретиками и заблудниками и погибшими“. Смотри на всѣ эти дѣла великаго преобразователя, раскольники приходили къ одному заключенію, — тому, что дѣйствительно настали послѣднія времена и царь Петръ Алексѣевичъ — не царь, а антихристъ. — Не мѣсто здѣсь показывать, какъ могло составиться у раскольниковъ такое страшное понятіе о великомъ преобразователѣ земли русской. Если, какъ показываютъ современныя свидѣтельства, и весьма многія лица православныя, даже образованныя по своему времени, чужды всякихъ мистико-апокалипсическихъ воззрѣній, не прочь были считать Петра Великаго врагомъ вѣры, то въ раскольникахъ, напуганныхъ предсказаніями первыхъ расколоучителей о послѣднихъ временахъ, подобный взглядъ могъ составиться еще легче и скорѣе. Мы обратимъ вниманіе на другую сторону предмета, именно на то, на сколько искренности было въ вѣрованіи раскольниковъ, будто Петръ — антихристъ. Г. Шаповъ, желая доказать свою мысль, что со вре-

мень Петра расколъ получилъ гражданско-демократическое направленіе и, оставивъ въ сторонѣ дѣло вѣры, занялся одними интересами земства, говорить, что и мнѣніе раскольниковъ о Петрѣ, какъ антихристѣ, заставлявшее ихъ бѣжать изъ селъ и городовъ въ лѣса и пустыни, было не искреннимъ убѣжденіемъ раскола, а только оболочкой, подъ которой онъ скрывалъ цѣль чисто житейскія, практическія, именно—стремленіе народа къ самостоятельному, независимому земскому устроению (стр. 89—91). Правда ли это? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ послушаемъ, что говорятъ объ этомъ предметѣ современники Петра, свидѣтели его дѣлъ. „Не знаю, что и дѣлать, говорилъ солдатъ Растрѣгивъ, хочу бѣжать изъ полка; я не признаю, что онъ у насъ государь; онъ антихристъ“ (1). Ужели можно думать, что, говоря эти слова, Растрѣгивъ шутилъ, зная, что есть Преображенскій приказъ, гдѣ и не за такія рѣчи подымали на дыбу? „Петръ антихристъ. Онъ и сына своего не пощадилъ, билъ его, и царевичъ не просто умеръ. Знаю—что-де Государь его убилъ, понеже онъ царевичъ въ городѣ (въ крѣпости) содержался“, говорилъ попъ Лебедеа (2). Какими выгодами земства могъ руководствоваться духовникъ Меньшикова, произнося такія странныя слова о Петрѣ, если бы мысль, что онъ антихристъ, не была его искреннимъ убѣжденіемъ? Вѣдь казнь у туинской избы, которую понесъ Лебедеа за свои слова (3), не такая вещь, чтобы пріобрѣталась шуткой? Или вотъ послушаемъ, о чемъ бесѣдуютъ между собой собравшіеся въ Керженскихъ лѣсахъ раскольники: „слушай-

(1) Расколъ. дѣла XVIII стол. Есип. Т. 1, стр. 14.

(2) Тамъ же стр. 13.

(3) Тамъ же стр. 49.

те, говорилъ, обращаясь къ народу, учитель Кузьма Андреевъ. Нынче уже въ мірѣ антихристъ есть и никто души своей не спасеть, аще не придетъ къ намъ—христіанамъ, а которые нынче живутъ въ мірѣ, помрутъ, и намъ тѣхъ помянуть не надо и не довлѣтъ“ (1). Когда же одинъ изъ слушателей этой проповѣди, казакъ Левшутинъ, сталъ послѣ доказывать, что Петръ не антихристъ, а государь благочестивый, ходитъ въ церковь и под., раскольникъ отвѣчалъ: „куда-де какую притчу сказываешь ты про Петра. Въ книгахъ писано, что онъ антихристъ лукавъ и къ церкви прибѣженъ будетъ и ко всѣмъ милостивъ будетъ; а что Петръ въ церковь ходитъ—и въ церквахъ нынѣ святости нѣтъ, для того ему и не возбраняется“. Такимъ образомъ самыя дѣла благочестія не спасали Петра отъ имени антихриста, потому что признавались лицемѣрными. Потомъ когда разговоръ о Петрѣ, какъ антихристѣ, затянулся, одинъ изъ раскольниковъ замѣтилъ: „да что, полно говорить, страшно; называемъ его антихристомъ, а нѣтъ ли его здѣсь, въ лѣсу. Видите вы и сами, какое смятеніе между нами“ (2). Чего бы, кажется, страшиться раскольникамъ, жившимъ въ дремучихъ Керженскихъ лѣсахъ, если бы мнѣніе ихъ о Петрѣ, какъ антихристѣ, не составляло ихъ искреннаго, задушевнаго убѣжденія? А наконецъ Гришка Талицкій, носившійся съ своими тетрадами о Петрѣ—антихристѣ, какъ съ самою дорогою святынею, читавшій ихъ и друзьямъ и знакомымъ—до тѣхъ поръ, пока не попалъ на костеръ, а Варлаамъ Левинъ, не знавшій отъ мысли о Петрѣ—антихристѣ покоя ни днемъ,

(1) Тамъ же стр. 561.

(2) Тамъ же стр. 564—5.

ни ночью, ни въ Петербургѣ, ни въ Пензѣ, догелѣ не была отсѣчена ему голова ⁽¹⁾, развѣ эти и подобныя имъ проповѣдники ученія о послѣднихъ временахъ и объ антихристѣ—въ лицѣ Петра жертвовали своими головами не по убѣжденію въ томъ, что проповѣдывали? Нѣтъ; думать, что ученіе раскольниковъ (и не однихъ ихъ) о Петрѣ, какъ антихристѣ, было не искреннимъ ихъ убѣжденіемъ, а только мистической оболочкой, подъ которой ревнители старины маскировали совершенно другія, гражданско-демократическія стремленія, значить или не знать современныхъ свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ, или, зная ихъ, не понимать ихъ смысла.

Но какъ скоро составилось у раскольниковъ мнѣніе о Петрѣ, какъ антихристѣ, тогда уже все преобразованія его, даже чисто гражданскія, ни мало не отнесшіяся къ вѣрѣ, должны были представиться раскольникамъ дѣлами богопротивными и встрѣтить въ нихъ оппозицію себѣ. Раскольники очень хорошо знали, что антихристѣ, по ученію отцевъ Церкви, „ничто же заповѣдуетъ истинно или здраво, но вся ложна и законопреступна и богопротивна“ ⁽²⁾; и вотъ во всѣхъ распоряженіяхъ Петра, каковы бы они ни были сами по себѣ, они стали отыскивать темную, антихристіанскую сторону. Мы не споримъ противъ того, что многія нововведенія Петра, напр. подати, паспорта, рекрутчина и др., были тяжелы для раскольниковъ и сами по себѣ, какъ тяжелы они были и для православнаго народа; мы только утверждаемъ, что еслибы эти нововведенія исходили отъ руки царя православнаго, по мнѣнію расколь-

---

(1) Тамъ же статьи „Варлаамъ Левинъ“ и „Григорій Талицкій“.

(2) Кельсiev. вып. четв. стр. 260.

ниговъ, они не возбудили бы въ ревнителяхъ старины того горячаго протеста, какой явился въ расколѣ противъ распоряженій Петра, по его мнѣнію, антихриста. Мало этого: всматриваясь въ надобы раскольниковъ на Петра, нельзя не замѣтить, что нововведенія его не нравились раскольникамъ именно тою своею стороною, которую мы указываемъ, т. е. замѣтными слѣдами въ нихъ уклоненія отъ строгаго-религознаго духа предковъ, отъ православныхъ началъ древней Руси. Прочитайте напр. знаменитое раскольническое сочиненіе: „объ антихристѣ, еже есть Петръ I“; въ немъ высказанъ протестъ раскольниковъ противъ многихъ нововведеній Петра, самыхъ стѣснительныхъ для народа, — и эти нововведенія осуждаются раскольниками не потому, что они ложились тяжкимъ гнѣтомъ на народъ, а потому, что или начинались вопреки религиознымъ вѣрованіямъ раскольниковъ, или дѣлались, по ихъ мнѣнію, съ злою цѣлію — оначательно погубить православную вѣру, — а главное происходили отъ антихриста. Такъ раскольники возстали противъ заведенной Петромъ переписи народной, не не потому, что она каждаго русскаго дѣлала крѣпостнымъ государству, а потому, что цари *благочестивые* Иванъ Васильевичъ, Федоръ Ивановичъ, Михаилъ Федоровичъ и даже Алексѣй Михайловичъ, бывшій въ благочестіи до Никона патріарха, не дѣлали подобнаго народнаго истребленія, — потому еще, что истинные христіане отъ самаго крещенія своего бываютъ записаны въ книги животныя у самого Даря Небснаго, — что, записываясь въ ревизію вмѣстѣ съ никоніанами, пришлось бы раскольникамъ считаться за одно съ людьми нечестивыми, что ревизія вообще дѣло нечестивое, такъ какъ отъ ней уклонился бѣгствомъ во Египетъ самъ

Христосъ Спаситель и за нее былъ наказанъ Богомъ трехдневною моровою язвою, истребившею 70,000 чело-вѣкъ, самъ царь пророкъ Давидъ, — и наконецъ главной потому, что ревизія внушена была Петру гордостью жившаго въ немъ духа лукаваго съ хитрою цѣлю, „дабы ни единъ могъ скрыться рукъ его“. Завоцѣили раскольники и противъ *днеймногихъ*, наложенныхъ Петромъ на своихъ подданныхъ, но опять не потому, что онѣ отягощали народъ, а съ чисто-религіозной точки арѣнія на дѣло, — потому, что дани назначены были съ души, а „душа есть невидимаго существа Божій образъ, дебелствомъ плоти одѣяна, невидима и неосязаема, должна есть приносить Создателю своему дань душевную, вѣру правую, надежду несомнѣнную и любовь нелицемѣрную“, — потому еще, что дани брались и съ умершихъ до новой ревизіи, а это — знакъ послѣднихъ временъ и царствования антихриста, по ученію Меводія Патарскаго. Не понравились раскольникамъ и паспорта, учрежденные Петромъ, но не потому, что они каждого *прикрѣпляли* къ мѣсту и сословію и такимъ образомъ лишали народъ свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто для торговли и разныхъ промысловъ, но потому, что на паспортахъ изображается двуглавый орелъ, — мнимая печать антихриста, — следовательно зависѣтъ отъ нихъ значить подчиняться самому антихристу, — потому еще, что выдача паспортовъ тѣсно связана съ сборомъ податей, а предѣломъ, съ котораго обыкновенно дѣлается раскладка разнаго рода налоговъ, полагается „новый—янусовскій годъ“ съ 1-го января, тогда какъ, по ученію отцевъ перваго вселенскаго Собора, „новое лѣто“ начинается съ 1-го сентября. „Воистинну исполнися таинозрительное откровеніе и власть перваго звѣря вся тво-

рители предъ нимъ, и творяше землю, и вся живущія на ней, да поклонятся первому звѣрю, глаголя: „рѣши мое дѣло, покорно прошу пожаловать паспортъ!“ Онъ отвѣщаетъ: „отдай подушное съ новаго году, и еще нѣтъ ли иныхъ недоимокъ, ибо на моей землѣ живеши“. Возстали раскольники и противъ рекрутскаго набора, заведеннаго Петромъ (указ. 1705 г.), но опять главнымъ образомъ потому, что солдаты должны подчиняться антихристу и поставленнымъ отъ него властямъ, что вообще служба солдатская — въ томъ видѣ, какъ она устроена была при Петрѣ, раскольникамъ кажется противною вѣрѣ. Солдаты стали брить, а это, по мнѣнію раскольниковъ, — грѣхъ и очень тяжкій; солдатамъ усвоена такая костюмировка, которая не подходитъ подъ мѣрку „древняго, всеспасительнаго одѣянія“, наконецъ въ военномъ быту скорѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ, можно оскверниться „проклятымъ зеліемъ, еже есть табакъ“, поѣсть въ постъ мяса, выпить „чортова издѣлія“ — водки и проч. Раскольники не противъ войска; они сознають нужду въ немъ для государства, только имъ хотѣлось бы, чтобы войско составляли „казаки и ратники брадатые со крестами сирѣчь стрѣльцы благовѣрные“. Наконецъ раскольники подняли протестъ противъ изданныхъ Петромъ „новыхъ законоположеній по духовному и по гражданскому расположенію“, противъ „регламентовъ и указовъ“, положившихъ начало у насъ новому судоустройству; но и эта послѣдняя антипатія раскольниковъ вытекала не изъ признанія ими того, что Петръ своими регламентами положилъ начало у насъ бюрократическому чиновничеству, тяжелому для народа, что онъ своими „новыми законоположеніями“, общими для всей имперіи, нарушилъ „издревле

установленные *граждскіе* законы“, по которымъ въ древности города и области управлялись „на *всей своей волѣ*, жили по своимъ, отеческимъ законамъ и обычаямъ“, что своимъ назначеніемъ разныхъ властей по судамъ и приказамъ лишилъ народъ права выбирать себѣ земскихъ властей, посадниковъ, *излюбленныхъ* головъ и старостъ, земскихъ судей, — а просто потому, что „въ законоположеніяхъ“ Петра раскольники видѣли желаніе великаго преобразователя уподобиться папѣ римскому и средство къ искорененію въ Россіи православной вѣры. „Яко же папа въ Римѣ, тако и сей лжехристосъ нача гонити и лъстити и искореняти останокъ въ Россіи православныя вѣры, и свои новыя умыслы уставляя и нова законоположенія полагая по духовному и по гражданскому расположенію, состави многіе регламенты и разосла многіе указы во всю Россію съ великимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ“ (1). Въ послѣдствіи времени раскольники придумали новыя причины, по которымъ имъ кажется богопротивнымъ наше судоустройство и судопроизводство, ведущее свое начало отъ временъ Петра I-го. „Иносказательный, духоборный судъ, читаемъ въ Барнаульскихъ отвѣтахъ, сидятъ судіи духоборные, бритые жиды, губы жареныя (отъ сигаръ) и табакомъ носы набитые, и табакерки лежатъ предъ ними, и на стѣнѣ у нихъ поставленъ крыжъ латинскій... А на престолѣ промежду ихъ стоитъ богоотчужденное нѣкое зеркало и прочія Богомъ ненавидимыя иносказательныя духоборныя книги... и въ зеркалѣ написанъ богопротивный

(1) Мы пользовались этимъ раскольническимъ сочиненіемъ по изданію его въ Читеніяхъ Моск. Импер. общ. истор. и древ. Россіи 1863 г. книга I-я.

человѣкъ сирѣчь Петръ Первый, ихъ законодавецъ и пастырь и новый Христось, сирѣчь антихристъ“. Описывая затѣмъ, каковы должны быть суды и судьи, Отвѣты продолжаютъ: „прежде были благочестивые суды и присутственныя мѣста... Какъ прійдешь въ присутственное мѣсто, во первыхъ узриши на показанномъ мѣстѣ крестъ животворящій или святую икону. А суди сидятъ въ порядкѣ, и по образу и по подобию Божію, хотя князь, или судія, или бояринъ, а всѣ въ бородахъ, и промежду ихъ законъ Божій, сирѣчь, вѣчное евангеліе и седмью вселенскими Соборами утвержденное кормило, душевный корабль, сирѣчь книга Кормчая и прочія Богомъ вдохновенныя (книги)... Такъ судили по закону сирѣчь по-небесному, т. е. по писанію и такъ право судили и такъ подобаетъ быти суду праву. И аще кои противятся сему праведному суду, яко самому Христу и святымъ его противятся и повинны будутъ всякому суду.“ (1) Такимъ образомъ, повторимъ, распоряженія и нововведенія Петра, самыя даже тяжелья для народа, возбуждали въ раскольникахъ протестъ и негодованіе не потому, что эти распоряженія были стѣснительны для земства, сковывали его свободу, нарушали его древнія права, — и далеко до Петра земство наше не могло похвалиться льготною жизнію, — а потому главнымъ образомъ, что въ нововведеніяхъ преобразователя земли русской раскольники видѣли нарушеніе древняго благочестія и православія, понимаемаго самымъ узкимъ образомъ, и особенно потому, что преобразования исходили, по мнѣнію раскольниковъ, изъ рукъ антихриста. А что это такъ,

---

(1) Письм. о раск. Мелья. стр. 88—90.

можно видѣть изъ того, что подъ вліяніемъ мысли о Петрѣ, какъ антихристѣ, раскольники протестовали противъ такихъ его распоряженій, которыя никоимъ образомъ не затрогивали выгодъ земства и были совершенно безразличны даже для узко понимаемой вѣры раскольнической. Что напр. нехорошаго и стѣснительнаго для народа могло быть въ принятіи Петромъ имени *Перваго*? И однакоже раскольники возстали и противъ этого названія. „Восхищая себѣ превысочайшую славу Сына Божія, читаемъ въ той же исторіи о Петрѣ, первенство Господа нашего Ісуса Христа, яко свидѣтельствуеть Апокалипсисъ глава 1: „Азъ есмь алфа и омега, первый и послѣдній, не имѣя ни начала дней, ниже конца вѣковъ“; и тако той лжехристость, восхищая на себя славу Сына Божія превысочайшую, именовася Петръ Первый“. Только религиозный фанатизмъ и самое задушевное убѣжденіе, что Петръ—антихристъ, могли внушить раскольникамъ мысль сдѣлать такое сопоставленіе. Или чѣмъ напр. виноватъ Петръ, что онъ родился отъ *тораго* брака Алексѣя Михайловича съ Натальею Кириловной Нарышкиной, и однакоже раскольники поставили ему въ вину и это обстоятельство. А смотря на Петра, какъ на антихриста, раскольники самымъ естественнымъ образомъ могли дойти до мысли и о томъ, что молиться за него—грѣхъ и грѣхъ непростибельный. И вотъ является въ нѣкоторыхъ толкахъ раскола правило: *не молиться за Царя*. Это правило, какъ мы уже говорили, составилось не подъ вліяніемъ демократическихъ тенденцій раскола, какъ думаетъ г. Шаповъ, а просто въ томъ убѣжденіи, что молитва за царя-еретика, антихриста, будетъ не во спасеніе, а въ грѣхъ. „ По паденіи Рима, читаемъ въ одномъ раскольни-

ческомъ сочиненіи, за отступниковъ святая апостольская Церковь не повелѣ молитися, и папино имя изъ книгъ изгладила, дабы не поминалося имя папино во святыхъ церквахъ—того ради, что онъ предотеча антихристовъ. А кольми паче самъ антихристъ врагъ Богу и святымъ горекъ; и какъ можемъ таковому честь воздавать, о здравіи и о спасеніи и о побѣдѣ на враги Бога молить“ (1). Ясна причина, по которой нѣкоторые раскольники въ царствованіе Петра перестали молиться за Царя. Мы не можемъ указать опредѣленнаго времени, когда собственно нѣкоторые раскольники приняли за правило: не молиться за царя; но знаемъ, что и при Петрѣ не всѣ изъ нихъ рѣшались на такой смѣлый шагъ. Многіе изъ современныхъ Петру раскольниковъ, стѣсняясь въ совѣсти молиться за Петра, но въ тоже время считая слишкомъ большою новостію не молиться за царя, придумали нѣчто въ родѣ средняго пути, именно стали молиться о Петрѣ, чтобы онъ позналъ истинную вѣру. „Вотъ поповщина, говорилъ одинъ раскольникъ въ керженскихъ лѣсахъ, они передъ нами правы: они за царя Бога молятъ, а у насъ коли кто спрашаетъ, какъ мы Бога за царя молимъ? Мы, какъ и сказать—не знаемъ, и только молимъ: обрати Господи Петра въ нашу христіанскую вѣру“ (2). „Мы за государя (Петра) Богу за здравіе не молимъ, разглагольствовали старицы Варсонофія и Досифея, а молимся о возвращеніи, чтобы онъ возвратился въ истинную вѣру, а еретическую вѣру покинулъ“ (3). Значить, раскольники возстали противъ Петра и пере-

(1) Собрн. разн. стат. л. 16, рукоп. нашей библіотеки.

(2) Роскол. дѣла XVIII ст. т. 1, стр. 565.

(3) Тамъ же т. II, стр. 40.

стали молиться за него не потому, что онъ своими распоряженіями стѣснялъ народъ, а потому, что онъ, по мнѣнію раскольниковъ, былъ „ненавистникъ истинной вѣры, противникъ Богу“ (1), еретикъ, антихристъ.

Новымъ доказательствомъ того, что оппозиція раскольниковъ Петру происходила не изъ гражданскихъ, демократическихъ стремленій раскола, а изъ религиозныхъ вѣрованій раскольниковъ, которыя не могли примириться съ нововведеніями преобразователя, служить то обстоятельство, что вскорѣ послѣ смерти Петра, когда возбужденный имъ въ раскольникахъ фанатизмъ нѣсколько поутихъ и ревнители старины немного успокоились, является у нихъ совершенно другой взглядъ на тѣ самыя учрежденія Петра, противъ которыхъ при жизни преобразователя раскольники возставали со всею силою. И замѣчательно: раскольники начинаютъ спокойно смотрѣть на такія учрежденія Петра, которыя всего болѣе обременяли народъ и расколъ. Такъ, по свидѣтельству историка Выговской пустыни, стѣснительный указъ о двойномъ подушномъ окладѣ съ Выговцевъ, послѣдовавшій уже по смерти Петра (1726 г.), но на основаніи его прежнихъ указовъ, былъ встрѣченъ въ выговскомъ скиту не только безъ неудовольствія, но даже съ радостію. „И отъ того времени Выговскую пустыню отрѣшиша заводскихъ работъ, наложила двойные подушные деньги, такожде и женскій полъ переписаша и наложиша и на нихъ платежъ и начаша платить по вся годы, съ радостію окупая древнецерковное благочестіе“ (2). Необходимость платить

---

(1) Тамъ же стр. 41.

(2) Истор. Выг. пуст. 1862 г. стр. 189.

правительству довольно порядочное количество денег побудила Выговцевъ только усилить свою торговую дѣятельность и разбогатѣть. А между тѣмъ платежъ двойнаго оклада предоставлялъ имъ право свободно пребывать въ расколѣ. Въ другомъ раскольническомъ сочиненіи, написанномъ не раньше половины прошлаго столѣтія, мы находимъ даже похвалу Петру I-му за его распоряженіе о переписи народа и въ томъ числѣ раскольниковъ и о наложеніи на нихъ двойнаго оклада. „Дабы впредь на хранящихъ древнее благочестіе не возшумѣло какое нибудь паки новое смущеніе, и того ради умысли (Петръ) въ текущее отъ созданія міра 7224-е, а воплощенія Бога Слова въ 1716-е лѣто, записавъ тѣхъ непріемлющихъ Никоновыхъ новыхъ преданій, обложить ихъ противъ казеннаго государственнаго подушнаго семигривеннаго окладу вдвое, и при записаніи томъ за непріятіе ими реченныхъ новинъ, по желанію духовныхъ властей, раскольниками именовать ихъ попусти, и козыри червленныя на плещу съ малымъ стоячимъ на выи ихъ желтымъ козыремъ же носить повелѣъ, да знаютъ вси тѣхъ единѣхъ древняго благочестія усердныхъ защитниковъ, собираемыхъ же съ нихъ по тому двойному окладу за расколъ денегъ въ свою государственную сумму положить не изволилъ, но оставилъ ту маду въ наслѣдіе духовныя паствы дѣлательемъ, да тиі прежде отъ плода своего вкусятъ (какая злая иронія!): и тако великаго того монарха разсужденіемъ остася въ покои древлелюбительное Христово стадо и доселѣ пребываетъ безъ поврежденія“ (1). Самый догматъ: не молиться за царя, въ которомъ по

---

(1) Сбор. разн. стат. г. 4.

преимуществу г. Шаповъ видитъ доказательство гражданскаго демократизма раскольничьяго, — скоро послѣ смерти Петра сталъ терять свою силу у раскольниковъ и ревнители старины, наравнѣ со всѣми другими сынами отечества, стали мало по малу молиться за царскую власть, хотя и съ своими особенностями. О принятіи въ 1739 году Поморцами молитвы за царя мы уже говорили прежде. И хотя эта новость на первыхъ порахъ возбудила въ раскольникахъ другихъ толковъ самую горячую полемику противъ Выговцевъ, но скоро и Федосѣевцы, назвавшіе Поморянъ Самарянами за то, что они, въ слѣдствіе комиссіи Самарина, приняли молитву за царя, сами, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ многіе, стали въ послѣдствіи времени молиться за царскую власть (1). Только Филиповцы и Странники остались навсегда вѣрны правилу: не молиться за царя. Но объ нихъ рѣчь послѣ.

Такимъ образомъ мы не отвергаемъ мысли г. Шапова, что расколъ съ начала XVIII столѣтія, со времени Петра I-го, сталъ заявлять протестъ не только противъ православной Церкви, но и противъ государства или имперіи всероссійской, что раскольники съ этого времени стали возставать не только противъ церковныхъ перемѣнъ, но и противъ гражданскихъ и государственныхъ распоряженій власти; только мы утверждаемъ, что причины недовольства раскольниковъ Петромъ, какъ преобразователемъ государства, заключались не столько въ томъ, что нововведенія Петра были стѣснительны для народа, липная его многихъ

---

(1) Самое раннее свидѣтельство объ этомъ относится къ 1757 году; подробности объ этомъ см. въ Хр. Чтен. 1863 г. ч. II, стр. 31—36.

правъ и привилегій, ограничивая его свободу, сколько въ антихристіанскомъ, по мнѣнію ревнителей старины, духъ этихъ нововведеній, въ ихъ неправославіи, нечестіи. По нашему мнѣнію, раскольники скорѣе помирились бы съ новыми учрежденіями Петра, какъ бы тяжелы они ни были для земства, еслибы эти учрежденія не затрогивали болѣзненно вѣками сложившихся вѣрваній раскольническихъ и главное—еслибы они исходили отъ руки царя, меньше преданнаго иновѣрнымъ обычаямъ. Мы не споримъ противъ того, что многія распоряженія Петра могли болѣзненно дѣйствовать на раскольниковъ и сами по себѣ, безъ отношенія къ религіознымъ убѣжденіямъ ревнителей старины, а просто по ихъ новостямъ и тяжелому вліянію на земство. Но въ этомъ случаѣ недовольство раскольниковъ Петромъ сходилось съ недовольствомъ всего населенія Россіи, всѣхъ классовъ общества, и не составляло особенности, отличавшей расколъ отъ православія. Преобразованія Петра, какъ извѣстно, казались стѣснительными и вызывали ропотъ и неудовольствіе и въ самомъ православномъ населеніи; многими распоряженіями великаго преобразователя смущались нерѣдко лица самаго высокаго положенія въ обществѣ и болѣе образованные, чѣмъ раскольники. Дѣло доходило до того, что мысль о Петрѣ, какъ антихристѣ, слушалась со вниманіемъ даже пастырями Церкви; молиться за Петра считали иногда грѣхомъ даже въ православныхъ монастыряхъ (1). Самымъ рѣзкимъ заявленіемъ недовольства русскаго народа многими стѣснительными распоряженіями Петра можетъ служить подметное письмо подьячаго Докукина и

---

(1) Раскол. дѣл. XVIII ст. т. 1, стр. 133—155.

множество другихъ подобнаго рода писемъ, число которыхъ къ концу жизни Петра дошло до того, что правительство не находило времени производить по нимъ разслѣдованія и просто приказывало жечь ихъ, не распечатывая (¹). Только напрасно г. Шаповъ на основаніи письма Докукина старается доказать, что расколъ при Петрѣ и стоялъ собственно за тѣ интересы земства, которые указывались подъячимъ, какъ нарушенные Петромъ, и что раскольники бѣжали въ лѣса и пустыни не для того, чтобы скрыться отъ антихриста и спастись, держа древнюю вѣру, а потому, что жизнь въ городахъ и селахъ, въ слѣдствіе новыхъ законоположеній Петра, стала для народа невыносимою (стр. 89—159). Подъячій Докукинъ, какъ мы уже имѣли случай доказать (²), былъ не раскольникъ, какъ думаетъ объ немъ г. Шаповъ (стр. 99), но чисто православный; поэтому жалобъ его на стѣсненіе Петромъ земства и всего вообще русскаго народа нельзя приписывать расколу. Мы не противъ того, что и раскольники могли сочувствовать и, конечно, сочувствовали воплямъ Докукина по той простой причинѣ, что и они принадлежали къ земству, права котораго старался защищать Докукинъ; только сосредоточивать всѣ интересы раскола временъ Петра въ однихъ этихъ вопляхъ значить утверждать то, чего нѣтъ въ подметномъ письмѣ Докукина. Пусть г. Шаповъ отыщетъ изъ временъ Петра другое какое либо письмо, писанное раскольникомъ, а не православнымъ, въ которомъ бы говорилось „о пользѣ народной, чтобъ какъ было легче отъ по-

---

(¹) П. С. З. т. V, № 2,877.

(²) См. Хр. Чт. 1863 г. Дек. стр. 517—18.

датель“, пусть притомъ уничтожить всѣ письменные памятники времени Петра, свидѣтельствующіе о томъ, что раскольники вооружались противъ гражданскихъ нововведеній Петра потому, что видѣли въ нихъ еретичество, антихристіанство; тогда мы согласимся, что раскольники времени Петра преслѣдовали не религіозныя, а чисто гражданскіе интересы, и составляли общину граждански-демократическую, а не религіозную. А безъ подобнаго рода доказательствъ мы можемъ допустить развѣ только то, что во времена Петра въ расколѣ появилось много и такихъ людей, въ родѣ Докукина, которые возставали противъ нововведеній преобразователя между прочимъ и потому, что они были тяжелы для народа. Эти лица, не будучи раскольниками, оставляли однакоже православное общество, сдвленное Петромъ, и бѣжали въ расколъ, потому что находили въ немъ ту же ненависть къ преобразователю, какую питали къ нему и сами. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется съ одной стороны необычайное распространение и усиленіе раскола во времена Петра, съ другой— появление въ немъ, такъ сказать, гражданскихъ раскольниковъ. Но всматриваясь ближе въ жалобы этихъ людей, нельзя не замѣтить, что и въ ихъ нерасположеніи къ Петру довольно большую роль играли религіозныя вѣрованія. Такъ напр. и самъ подьячій Докукинъ, жалующийся на то, что Петръ лишилъ народъ „свободной жизни, домовъ и торговъ, земледѣльства и руководѣльства, и всѣхъ прежнихъ промысловъ и грацкихъ издревле уставленныхъ законовъ“ и проч., — начало всего этого злосчастія видитъ въ „зависцѣ и губителѣ христіанскаго рода—діаволѣ“ (намекъ, что Петръ дѣйствовалъ подъ влияніемъ духа злобы, а отсюда недалеко и до анти-

христа), — а потомъ съ небольшою же скорбію сѣтуеть и о томъ, что Петръ лишилъ христіанскій родъ „христіанскихъ добрыхъ дѣлъ и всякаго въ благочестіи живущихъ состоянія“, что по его распоряженію „платья перемѣнили, главы и браны обрили и персоны своя ругательно обезчестили“. „Нѣсть въ насъ, продолжаетъ Докукинъ, вида и доброты и разнаствія съ иновѣрными языки, кунно съ ними пиршествуемъ, ядимъ, пьемъ, веселимся, живемъ и посѣгаемъ, якоже сушно съ своими христіаны, тожде и съ ними иновѣрными языки и съ иными бесурманы, послѣдствуемъ ихъ нравомъ и закономъ, забывъ страхъ Божій, и христіанскія законы уничтожили, среды, пятка и постовъ... равную съ ними нищу ядимъ, смѣсницася языкомъ и дѣломъ ихъ навывоша, а свои христіанскія обѣты опровергоша... и правый путь у насъ изчезоша, страннымъ и невѣдомымъ путемъ пойдоща... *отъ востоку очи свои зажмоша и слезны свои въ блыство на западъ обратиша* (1)“. Ссылаясь на подметное письмо Докукина въ подтвержденіе своего мнѣнія о томъ, что расколъ со временъ Петра сталъ преслѣдовать живненныя, практическіе интересы земства, оставивъ въ сторонѣ защиту вѣры, — г. Щаповъ многія изъ приведенныхъ нами жалобъ Докукина опустилъ; почему это? Понять не трудно. Эти жалобы не только не подтверждаютъ взгляда г. Щапова на расколъ, какъ на граждански-демократическую общину, напротивъ показываютъ, что даже тѣ изъ земскихъ людей, которые заявляли свой протестъ противъ государственныхъ, стѣснительныхъ для народа, реформъ Петра, были, подобно раскольникамъ, недовольны эти-

(1) Раск. дѣл. XVIII ст. т. I, стр. 183.

ми реформами, между прочимъ, потому, что они не мирились съ религіозными понятіями массы. Такъ и должно было быть. Петръ, какъ извѣстно, всѣ новыя порядки въ своей новой имперіи заводилъ по образцамъ западныхъ европейскіхъ государствъ. А на западъ почти всѣ наши предки до временъ Петра (и даже послѣ) смотрѣли одинаково съ раскольниками, — именно, какъ на область всего неправославнаго, еретическаго, антихристіанскаго. Удивительно ли послѣ этого, что не только раскольники, доведшіе подъ вліяніемъ ученія первыхъ расколоучителей суровый взглядъ свой на западъ до крайнихъ предѣловъ, но и православные смущались преобразованіями Петра, между прочимъ, потому, что они нарушали православныя преданія народа, казались еретическими, или по крайней мѣрѣ заимствуемыми отъ еретиковъ какъ бы съ цѣлію истребить въ Россіи православіе, и по тому самому нечистыми. И намъ думается, что еслибы Петръ, рѣшившись преобразовать свое государство, чаще, употребимъ выраженіе Докукина, обращалъ свои *очи на востокъ, а не на западъ*, русскій народъ съ большею охотою покорился бы его нововведеніямъ, хотя бы они были еще тяжелѣе для земства. Русскому человѣку не привыкать къ горю — злосчастью. Онъ испытывалъ его во все время своей многолѣтней жизни, — несъ такія испытанія, при одномъ воспоминаніи о которыхъ душа цѣпенѣетъ отъ ужаса, какъ было напр. во времена Грознаго, когда царь, опутанный своими опричниками, дошелъ въ своемъ ожесточеніи до самозабвенія, — русскій народъ несъ всѣ бѣды на своихъ плечахъ и, признавая въ нихъ кару Божию за свои грѣхи, только оплакивалъ свою горькую долю и ни разу не подумалъ

стать за свои права, лишь бы только не трогали самой драгоценной святыни его—вѣры православной. А если и были иногда неудовольствія между народомъ и царемъ, напр. при Годуновѣ, они происходили отъ того, что народъ подозрѣвалъ царя въ приверженности къ „безбожному западу“ и въ распоряженіяхъ его видѣлъ опасность для своего православія (1). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ — народъ русскій подымался весь, какъ одинъ человекъ, и готовъ былъ отстаивать свою святыню, не щадя ни себя, ни другихъ. Когда сдѣлалось извѣстнымъ въ Москвѣ, что царь-самозванецъ держится латинской вѣры, не соблюдаетъ постовъ и проч., русскій народъ не затруднился лишить головы того, кому нѣсколько времени передъ тѣмъ цѣловалъ крестъ. Мы увидимъ, что и бывшіе при Алексѣѣ Михайловичѣ и послѣ бунты народные предпринимались не противъ царя, нарушавшаго жизненные интересы земства, а или противъ частныхъ лицъ,—бояръ, воеводъ, безъ вѣдома царя доводившихъ народъ своими неправдами до ожесточенія, или и противъ царя, но какъ нарушителя вѣры православной. И намъ кажется, повторимъ опять, что еслибы не возникло у насъ при Петрѣ между властію и народомъ недоразумѣній религіозныхъ, еслибы Петръ своими реформами не затронулъ болѣзненно вѣковыхъ, священныхъ преданій народныхъ, тогда не только православное населеніе Россіи приняло бы безъ особеннаго неудовольствія всѣ его нововведенія, но и раскольники отнеслись бы къ нимъ менѣе враждебно. Но великій преобразователь не пощадилъ религіозныхъ чувствъ своего народа и достигъ чрезъ это того, что

---

(1) Русск. раск. стар. Шапов. стр. 98.

не только люди, отдѣлившіеся отъ Церкви, стали въ оппозицію и государству, сдѣлались врагами царя, но и сами православные стали подозрительно смотрѣть на распоряженія власти и подчинялись имъ только механически, уступая силѣ. Отъ того-то и доселѣ въ насъ, въ народѣ незамѣтно почти никакихъ слѣдовъ вліянія Петровской реформы. Все ограничилось только верхними, болѣе способными къ измѣненіямъ, слоями общества, а глубина, сердце Россіи, народъ по прежнему живетъ въ преданіяхъ старины, по правиламъ Домостроя, по обычаямъ православныхъ предковъ. Отъ того-то и расколъ, ставшій за православную старину, такъ живучъ доселѣ и встрѣчаетъ себѣ въ народѣ живое сочувствіе.

Все, что мы говорили доселѣ объ отношеніи раскола къ свѣтской власти и государственному устройству Россіи, относится ко времени Петра. Какъ же заявлять себя расколъ въ этомъ отношеніи въ послѣдующее время и—до нашихъ дней? „Россійскіе Императоры, говорится въ одномъ раскольническомъ сочиненіи (1), отъ Петра и до окончанія вѣка вси преемницы престола его, исполнители законовъ онаго, разныхъ его узаконеній, живъ образъ его пишуще“. Понятно послѣ этихъ словъ, какъ должны были относиться раскольники и послѣ Петра къ власти свѣтской и ея распоряженіямъ. Если наши цари, по мнѣнію раскольниковъ, продолжаютъ дѣло Петра, то очевидно, что всѣ дѣйствія преемниковъ Петровыхъ должны были встрѣчать въ раскольникахъ тоже нерасположеніе, съ какимъ отнеслись они къ реформамъ Петра, и, прибавимъ, по тѣмъ же

---

(1) Чт. Моск. Ист. Общ. 1863 г. кн. 1, отд. V, стр. 68.

самымъ причинамъ, которыя заставляли ревнителей старины неприязненно смотрѣть на дѣйствія Петра и которыя мы указали. Такъ дѣйствительно и было и есть, какъ свидѣлствуютъ объ этомъ письменные раскольническіе памятники. Поповщина, которая и при Петрѣ молилась за царя и смотрѣла на всѣ дѣйствія преобразователя болѣе снисходительно, и послѣ и до настоящаго времени находится въ тѣхъ же отношеніяхъ къ свѣтской власти и ея распоряженіямъ. Безпоповщина, провозгласившая Петра антихристомъ и всѣ его государственныя учрежденія заклеймившая именемъ антихристіанскихъ, доселѣ продолжаетъ смотрѣть на царскую власть, какъ на представительницу зла и ко всѣмъ ея распоряженіямъ относится самымъ враждебнымъ образомъ. Впрочемъ во взглядѣ на свѣтскую власть и ея дѣйствія произошли у безпоповцевъ послѣ Петра и нѣкоторыя перемѣны. Одни изъ нихъ, именно Поморцы, Ѳедосѣевцы и др., не рѣшаясь признать ложною мыслью о воцареніи у насъ антихриста въ лицѣ Петра, допустили въ послѣдствіи времени нѣкоторое ограниченіе этой мысли въ приложеніи ея къ преемникамъ Петровымъ и стали учить, что въ Россіи послѣ Петра царствуютъ не настоящіе антихристы, слѣдующіе одинъ за другимъ, а только слуги его, исполнители его воли ⁽¹⁾. Поэтому, признавая всѣ дѣйствія власти не-

---

(1) Вотъ какъ разсуждаютъ нынѣшніе Ѳедосѣевцы объ антихристѣ: „антихриста разумѣй дьявола, ни на какое лицо не моги указывать. Злобою духъ лукавый въ человѣцѣхъ царствуетъ. Апостольскіе рече: не всякому духу вѣруйте: духъ есть духъ Божій и духъ лествъ. Владыка Христосъ — небесный царь, дьяволъ — царь преисподній. Аще кто волю Божию творить, Богъ пребываетъ въ немъ Духомъ Святымъ и сохраняетъ его отъ всякаго зла; аще кто волю дьявола творить, надъ тѣмъ власть имѣеть дьяволъ: что ему въ умъ вложить, то и нехотя творить, зане рабъ его есть, рабы и нехотя творять волю господей своихъ.

православными, антихристіанскими, эти сектанты стали относиться къ самой власти менѣе враждебно, ввели у себя молитву за царя и, хотя съ неудовольствіемъ, подчиняются общимъ государственнымъ законамъ, платятъ подати, исполняютъ другія повинности (1) и вообще ведутъ себя такъ, что, по видимому, сходятся въ своемъ

Аще кто не вѣруетъ Господу Ісусу Христу, разумѣи такового чужда и подъ властію діаволею пребывающа. Діаволь духомъ царствуетъ, духомъ дѣйствуетъ, духомъ обладаетъ и духомъ рабы себѣ творить не чувственно, а разумно, устрой въ все по своему хотѣнію чрезъ слугъ своихъ. Всѣхъ ищетъ потонить діаволь: однихъ увлекаетъ славолубіемъ и завистію, иныхъ сластолюбіемъ и челоуѣкоугодіемъ, оныхъ сребролюбіемъ“. (Кельсіев. сборн. прав. распор. о раск. выпуск. четв. стр. 234).

(1) Вотъ разсужденія Поморцевъ и Ѳедосѣевцевъ о молитвѣ за царя и о податяхъ. „О иновѣрныхъ властяхъ по псалтири въ прочихъ указанныхъ мѣстѣхъ и о обращеніи ихъ молити. Молю убо прежде всѣхъ творити моленія за царя и проч... (слов. Апостола). Но аще речеть кто, яко не за всѣхъ, но за вѣрныхъ: егда глаголетъ за царей, не быша тогда благочестивіи царіе... Сиче намъ божественная Писанія повѣлвають молитися о еллинѣхъ же и еретикахъ, паче о вразѣхъ, да и тіи въ разумъ истинный придуть и въ вѣру обратятся. Отъ писанія Аѳинагора философа ко кесаремъ поганскимъ: мы за державу вашу всегда Бога молимъ, дабы вамъ все благополучно успѣвало, то и намъ полезно есть, да мирно житіе имамы. Мы за его Императорское Величество Бога молимъ, по реченному псалмопѣвцемъ: Господи спаси царя и услыши ны, и всякаго блага его благолюбивому Величеству добродотнo желаемъ. Мы и прочихъ градоправителей и градоначальниковъ должны не судити, но честно почитати. Царіе воспроповѣдуются благочестивіи, а не яко невѣрніи, ниже иномудрствующіи. (1) милости всѣхъ іерей обычныхъ молитвы о людехъ и Божіи наслѣдіи творить, во еже спастися ему и христіанскому нашему возвыситися роду, вопія: спаси Господи люди Твоя и общая молитва — Господи помилуй -- воспѣвается какъ о царѣхъ, яко предстоящихъ благочестивымъ, такъ и о вѣрнъ подвизающихся, въ таковыхъ о благочестивыхъ царѣхъ моленіяхъ возгласяются высочайшіе титулы благовѣрія и благочестія“. (Тамъ же стр. 204). Это слова Поморцевъ;—а вотъ разсужденіе на допросѣ о томъ же Ѳедосѣевца: „о благоденствіи и долголѣтіи цари и царской фамилии молюсь; но Богъ молитвы моихъ не пріемлетъ о тѣхъ, кто не радѣтъ и не защищаетъ насъ, страждущихъ правовѣрныхъ и кто оказываетъ помощь лукавымъ богопротивнымъ грекамъ... Благочестивѣйшими и

отношеніи къ власти съ поповщиной (1). Но тогда какъ нѣкоторые изъ безпоповцевъ стали учить послѣ Петра, что антихристъ царствуетъ въ Россіи не чувственно, а духовно, что власть свѣтская — только орудіе его, и на этомъ основаніи поставили себя въ менѣе враждебное отношеніе къ ней и ко всѣмъ ея распоряженіямъ, другіе, именно Филиповцы и особенно Странники, развили ученіе о воцареніи въ русскомъ царствѣ сына

благовѣрными царя и всю царскую фамилію признаю тогда, когда они станутъ вѣровать въ истиннаго Ісуса, а не Ісуса, антикрита, и когда освободятъ насъ, вѣрующихъ въ древнюю церковь и страждущихъ въ заточеніи, отъ вашего ложнаго трехперстнаго духовенства, которое состоитъ изъ щепотниковъ, осквернившихъ Церковь и вѣру“ (Кельсіев. Сборн. вып. перв. стр. 220 и 221). О дани Поморцы разсуждаютъ такъ: „въ покореніи царемъ пребывающимъ не винисловити; зане и Христосъ Богъ ев. Петру за Себе и за него повелѣ дань воздати. Греки у Турокъ купуютъ себѣ покой, купуютъ вольность церковную, купуютъ вольность благочестія для души своей. Сце и вси выгопустынныи жители подъ иго данничества и мірскихъ судищъ подвержены и отъ лѣта 7214 во всякомъ даннословіи не точію мірскихъ сравнительно, но и сугубо содержанія ради древняго благочестія опредѣляются; но Христосъ и апостоловъ преданія повелѣвають Бога боятися, царя почитати, и Божія Богови и Кесарю Кесарева отдаати. Сія вся Богу помогающу благое отъ Божіихъ писаній и благопокорное разсужденіе общежителство сіе источаетъ“ (Сборн. Кельсіев. вып. четверт. стр. 206 — 7). „За что даемъ дань, спрашивается въ одномъ еедосѣвскомъ сочиненіи, и отвѣчается:—не за службу, не за вѣру ихъ, но за обладаніе и за имущую имъ власть по попущенію святаго Бога. Дабы никто не имѣлъ на насъ гнѣва, во еже до конца обидѣти: аще требуетъ врагъ злата — дадите, аще ризу — дадите, аще почести — дадите, аще вѣру хочетъ отъяти — мужайтея всячески. Мы въ послѣднее время живемъ и потому всяку дань даемъ всякому просящему, дабы не предалъ врагъ на муку, или бы не заточилъ въ незнаемое мѣсто. Христосъ насъ научаетъ не помѣтати себе въ напасти, не давати мѣсто гнѣву. Самъ Владыка бѣжа отъ Ирода во Египетъ и въ Коричей правила повелѣвають дати злата и тѣмъ избѣжати муки; неповинна творить давшаго, а речеть: лучше изволи погубити злато, нежели душу“ (тамъ же стр. 232—3).

(1) Мы говоримъ вообще объ указанныхъ сектантахъ, а не о частныхъ лицахъ того или другаго толка, которыя иногда не сходятся съ общимъ взглядомъ толка на власть. Такъ напр. между Федосѣвцами

погибели до крайнихъ размѣровъ и стали проповѣдывать, что не только Петръ былъ антихристъ, но и всѣ послѣдующіе за нимъ Императоры русскіе, какъ продолжатели дѣла Петрова, суть также антихристы, и потому всѣ распоряженія ихъ богопротивны, ведутъ къ гибели и ни подъ какимъ видомъ не должны быть принимаемы къ исполненію послѣдователями древняго благочестія. Само собой понятно, что о молитвѣ за царя, по ихъ понятію, антихриста у этихъ сектантовъ не могло быть и рѣчи. Мы не можемъ указать, по какимъ историческимъ причинамъ и психологическимъ побужденіямъ развилось у Филиповцевъ и у Странниковъ ученіе объ антихриствѣ до такихъ крайностей; но скажемъ, что подобный исходъ дѣла былъ у нихъ довольно послѣдователенъ. Въ самомъ дѣлѣ, если, какъ учили раскольники (и не одни они), Петръ былъ антихристъ, то и послѣдующіе за нимъ Императоры русскіе, продолжавшіе устроить свое государство на началахъ, положенныхъ Петромъ, могли и должны были быть признаны со стороны раскольниковъ также антихристами. А отсюда самое естественное заключеніе—то, что подчиняться власти подобныхъ лицъ, исполнять ихъ распоряженія, какихъ бы вещей они ни касались, и особенно молиться за нихъ—грѣхъ и грѣхъ непростительный. Остается одно изъ двухъ: или въ случаѣ влія-

---

даже въ настоящее столѣтіе, въ царствованіе Александра Благословеннаго, являлись на Преображенскомъ кладбищѣ, столько облагодѣтельствованномъ этимъ Императоромъ, лица, которые учили, что и за него грѣшно молиться, за что и были осуждаемы общимъ голосомъ сектантовъ. (См. объ этомъ въ Хр. Чт. 1863 г. ч. II, стр. 31). Точно такъ же по изслѣдованію особой комиссіи въ 1821 году оказалось, что петербургскіе Федосѣевцы Волковского кладбища не молились за царя (Сборн. прав. распор. о раск. Кельсiev. вып. четв. стр. 235).

нія подобной власти умирать, — сожигаться, какъ и дѣлаютъ большую частію Филиповцы, или бросать самое общество, которымъ управляетъ антихристъ, разорвать съ нимъ всё связи и бѣжать въ пустыню, на что рѣшились Странники. Повторяемъ: недостатокъ свѣдѣній объ указанныхъ сектантахъ не позволяетъ указать, какъ и когда возникло въ расколѣ такое ученіе; какъ оно развивалось съ теченіемъ времени и приняло наконецъ тотъ видъ, въ какомъ существуетъ въ настоящее время; но указанное нами отношеніе Филиповцевъ и Странниковъ къ свѣтской власти и ея дѣйствіямъ могло установиться само собою на основаніи ученія ихъ объ антихристѣ. Только о Филиповцахъ можно сдѣлать нѣсколько предположеній для объясненія ихъ фанатически-враждебнаго взгляда на гражданскую власть. Основателемъ этого толка былъ бѣглый стрѣлецъ, называвшійся до постриженія въ монашество Фотіемъ. Быть можетъ, воспоминанія Фотія о казняхъ, какимъ подверглись стрѣльцы при Петрѣ, были первымъ основаніемъ къ составленію ученія Филиповцевъ; а потомъ несчастное столкновеніе Филиповцевъ съ представителемъ власти въ лицѣ Самарина, кончившееся страшною смертію самого учителя ихъ (1), дало новый толчекъ враждебному взгляду сектантовъ на царя и довело этотъ взглядъ до религіознаго фанатизма, способнаго на всякія крайности. А Евѣимій, основатель секты Странниковъ, принадлежалъ сначала, какъ извѣстно, къ Филиповскому толку и держался его ученія. Значить, основаніе для того ученія, какое сталъ проповѣдывать Евѣимій, отдѣлившись отъ Филиповцевъ, уже

---

(1) Ист. русск. раск. стр. 275.

было положено; стоило только развить его, и уродливая система учения Странниковъ была готова. Какъ бы впрочемъ ни было, только и въ настоящемъ случаѣ мы сталкиваемся съ г. Щаповымъ и находимся вынужденными, во имя правды, вступить съ нимъ въ полемику. Высказывая свой взглядъ на расколъ, какъ на гражданскую демократическую общину, взявшую на свои плеча защиту погранныхъ государственною властію правъ земства, г. Щаповъ хотя и говоритъ, что подобное направление въ расколѣ началось со временъ Петра, но нерѣшительно. Болѣе рѣшительное слово его объ этомъ предметѣ относится къ Филиповцамъ, получившимъ свое начало только въ 1737 году (стр. 55 — 6), и окончательное—ко второй половинѣ прошлаго столѣтія, когда появилась въ расколѣ секта Странниковъ (1). Въ Филиповцахъ г. Щаповъ видитъ болѣе рѣшительныхъ гражданскихъ демократовъ, чѣмъ въ другихъ безпоповцахъ, а со второй половины XVIII столѣтія, съ появленія секты Странниковъ, въ расколѣ, по его словамъ, окончательно „вырабатывается чисто политическое направление“, такъ что съ этого времени „ученіе“ раскола вмѣсто прежняго религіозно-полемическаго направленія становится на жизненно-народную почву, изъ нея развивается и получаетъ жизненные данныя и силы“. Странники или, какъ называетъ ихъ г. Щаповъ, бѣгуны — это чисто политическіе демократы, и притомъ самые отчаянные, которые избрали бѣгство, какъ „единственный путь рѣшительнаго, фактическаго, дѣятельнаго и всежизненнаго, всецѣлаго отрицанія всякой государственной крѣпости, крѣпости правительственной,

(1) „Земство и расколъ“ стр. 158 — 9; смес. стр. 48 и статьи его „Бѣгуны“ во „Времени“ 1862 г.

ревизской, паспортной, подушно-податной, служебной, помѣщичьей и церковно-іерархической“. Въ подтвержденіе своего взгляда на Филиповцевъ г. Щаповъ ссылается на то, что эти сектанты не молятся за царя и отрицаютъ всѣ повелѣнія и установленія власти. Это правда, только подобное явленіе нисколько не доказываетъ гражданскаго демократизма Филиповцевъ, а объясняется ихъ религіознымъ ученіемъ, именно, ихъ взглядомъ на власть царскую, какъ антихриста. Въ подтвержденіе нашихъ словъ, вмѣсто всякихъ разглагольствій, послушаемъ лучше самихъ Филиповцевъ, какъ они на допросахъ объясняютъ свой взглядъ на власть и свое отношеніе къ ней. „По неимѣнію священниковъ и діаконовъ, говорилъ инокъ Неофитъ на допросѣ, мы не читаемъ эктеній, ими произносимыхъ; замѣняются же онѣ произношеніемъ молитвы: Господи помилуй—столько разъ, сколько она поется при чтеніи эктени и этимъ замѣняется молитва за государя и весь міръ. Тропарь и кондакъ Животворящему кресту у насъ читается такъ: „спаси Господи люди Своя и благослови достоянія своя, побѣды благовѣрнымъ на сопротивныя даруй и Своя сохраняя крестомъ люди“. Имени государя не помѣщаемъ въ этой молитвѣ потому, что *сомнѣваемся, близивший онъ, или нѣтъ*, оставляя это на судъ Божій. Молимся же за государя вообще со всѣмъ міромъ въ словахъ: „спаси Господи люди Своя“ (1). Здѣсь не названъ прямо государь антихристомъ, а сказано только, что Филиповцы сомнѣваются въ его благовѣріи и потому не молятся за него. Но вѣдь это—допросъ, на которомъ обыкновенно раскольники *лишнихъ* словъ не говорятъ изъ опасенія, по ихъ словамъ, „за правду въ

(1) Сборн. прав. распор. о раск. Кельсiev. вып. четв. стр. 246.

острогъ насидѣться, плетей отвѣдать и въ закавказскій край угодить“ (1). Съ другой стороны если бы Филиповцы составляли оппозицію свѣтской власти не въ слѣдствіе религіознаго разномыслія съ нею, а по причинамъ гражданскимъ, въ такомъ случаѣ слѣдовало бы ожидать, что они будутъ согласны напр. съ Странниками, которые, по мнѣнію г. Шапова, возстаютъ противъ власти тоже по политическимъ побужденіямъ. А между тѣмъ мы видимъ на дѣлѣ, что какъ Филиповцы чуждаются Странниковъ, не имѣютъ съ ними никакихъ сношеній, называютъ ихъ еретиками, такъ въ свою очередь и Странники не щадятъ самыхъ оскорбительныхъ наименованій для Филиповцевъ (2). Чѣмъ объяснить это явленіе? Тѣмъ, что указанные сектанты при общемъ нерасположеніи къ власти вслѣдствіе фанатическаго взгляда на нее, какъ на власть антихристіанскую, имѣютъ и нѣкоторыя особенности въ своихъ вѣрованіяхъ, и эти особенности религіозныя имѣютъ въ глазахъ сектантовъ такую важность, что изъ-за нихъ они, забывая общую вражду свою къ власти, ссорятся между собою. Но если бы, какъ думаетъ г. Шаповъ, религіозныя вѣрованія раскольниковъ были только оболочкой, подъ которой сектанты стараются скрыть свои политическія тенденціи, въ такомъ случаѣ раздоръ ихъ между собою изъ-за этихъ вѣрованій, доходящій часто до открытой вражды, былъ бы немислимъ. Что же касается наконецъ Странниковъ, то дѣйствительно въ ученіи ихъ дышетъ, повидимому, такой рьяный гражданскій демократизмъ, который могъ бы быть свойственъ самымъ отъявленнымъ западнымъ революціонерамъ. Странники

---

(1) Тамъ же, вып. перв. стр. 194.

(2) Сборн. прав. распор. о раск. вып. четв. стр. 251 и 267.

не признають никакой власти, проповѣдуютъ свободу и всеобщее равенство, требуютъ (нѣкоторые) общности имѣнія и проч. (1), — однимъ словомъ: это, повидимому, демократы-коммунисты самые отчаянные. Но пусть не смущается православное общество присутствіемъ въ средѣ его такихъ безпокойныхъ людей, — пусть будетъ покойно и правительство, имѣя у себя въ подчиненіи лицъ, которыя не хотятъ знать никакой власти. Если бы эти люди создали свою дикую систему ученія подъ вліяніемъ гражданскихъ стремленій къ разнузданности, къ свободѣ, похожей на своеволіе, — въ такомъ случаѣ дѣйствительно они могли бы быть опасны для власти и гражданского порядка если не сами по себѣ, то по крайней мѣрѣ въ рукахъ злонамѣренности... Но побужденія, которыя двигаютъ этими людьми во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ къ власти и существующему порядку вещей, которыя лежатъ въ основаніи ихъ сумасбродной системы ученія, дѣлаютъ этихъ людей скорѣе жалкими, чѣмъ опасными. Эти побужденія суть ложное, доведенное до фанатизма, убѣжденіе, что власти наши со времени Петра — антихристы, сосуды дьявола, что Церковь существующая — жилище духа лукаваго, что всѣ, кромѣ Странниковъ, слуги сатаны, что все, существующее нынѣ на Руси святой, или произведено антихристомъ, или заклемено его скверною печатію, что даже раскольники не-Странники — еретики, слуги антихриста, такъ какъ живутъ въ обществѣ подъ его властію, что наконецъ „въ настоящіе послѣдніе дни антихристовой прелести единственно спасительный путь сущимъ въ вѣрѣ — путь тѣсный, нуждный и прискорбный, еже не имѣти града, ни села, ни дому“,

(1) Тамъ же, стр. 260, 262, 276 и др.

разорвать съ обществомъ всѣ связи и бѣгать изъ одного мѣста въ другое, скрываясь отъ руки сына погибели. Другими словами: основанія, по которымъ Странники являются въ своемъ ученіи гражданскими демократами, чисто религіозныя, и слѣдовательно эти сектанты если и не безвредны, за то и не такъ опасны, какъ если бы они проповѣдывали свое ученіе по принципамъ чисто политическимъ. Не безвредны, потому что Странники, въ силу своего ученія, не живутъ общою всѣмъ русскимъ жизнію, выдѣляютъ себя изъ общества, а слѣдовательно лишаютъ его своего содѣйствія, своей помощи, своихъ рукъ и силъ; но и не особенно опасны для власти и существующаго порядка вещей—частію по своей малочисленности, по своему невѣжеству, но еще больше по особенностямъ своихъ началъ, изъ которыхъ самое главное: бѣгать отъ антихриста, чтобы не подчиниться его волѣ и не погибнуть во вѣки. Не могутъ быть опасны Странники даже при вліяніи на нихъ стороннемъ, чужеземномъ, или и туземномъ. Всякій, кто не принадлежитъ къ ихъ сектѣ, — слуга антихриста; и какъ бы кто ни былъ краснорѣчивъ на словахъ и щедръ на обѣщанія, странники не послушаютъ его и не пойдутъ за нимъ, тѣмъ болѣе, что, по ученію Странниковъ, основанному ими на словѣ Божіемъ, антихристъ можетъ пасть отъ десницы одного только І. Христа. Мы не споримъ противъ того, что отдѣльныя личности изъ секты Странниковъ, подъ вліяніемъ своего религіознаго фанатизма, способны на самыя рѣзкія проявленія своей вражды къ власти, особенно если она будетъ относиться къ нимъ не миролюбиво; но подобныя безумныя выходки составляютъ исключеніе и притомъ не составляютъ особен-

ности секты Странниковъ, а общи всѣмъ раскольникамъ—безпоповцамъ. Такъ еще при Петрѣ Великомъ, когда Странники, какъ отдѣльная секта, и не существовали, являлись фанатики-раскольники, которые готовы были посягнуть на жизнь Императора (1). Возможность подобнаго явленія ужасна; но причины его скрываются не въ общемъ демократически-революціонномъ направленіи раскола, а въ религіозномъ настроеніи отдѣльныхъ личностей, доходящемъ иногда до изступленія, до фанатизма, — въ томъ несчастномъ настроеніи, которое заставляетъ нѣкоторыхъ раскольниковъ самовольно идти на костеръ и сожигаться. Долгъ власти — употреблять всѣ средства къ тому, чтобы не раздражать этихъ больныхъ людей и не доводить ихъ до поступковъ, которые напоминаютъ о сумасшествіи. Вѣра — самая дорогая святыня для человѣка; изъ-за ней и для ней онъ можетъ рѣшиться на все, можетъ сдѣлаться самъ мученикомъ, можетъ, при превратномъ направленіи вѣры, замучить и другаго.

А что дѣйствительно Странники выдѣлили себя изъ православнаго общества по принципамъ религіознымъ, а не гражданскимъ, въ этомъ cadaго могутъ убѣдить самыя сочиненія ихъ (2) Мы съ своей стороны сдѣла-

(1) Хр. Чт. 1863 г. ч. III, стр. 228—9.

(2) Желаящій познакомиться съ ними можетъ обратиться къ четвертому выпуску сборника прав. свѣд. о раск. Кельсиева, въ которомъ помѣщено нѣсколько сочиненій, излагающихъ со всею подробностію учение Странниковъ, и кромѣ того можетъ прочитать исторію о Петрѣ 1-мъ (Чт. Моск. Истор. Общ. 1863 г. кн. 1, отд. V, стр. 52 — 71). Это послѣднее сочиненіе, очевидно, написано также Странникомъ и относится не ко времени Петра, какъ думаетъ авторъ статьи: „состояніе русскаго раскола при Петрѣ 1-мъ“ (Хр. чт. 1863 г. ч. III, стр. 219), но къ началу настоящаго столѣтія. Когда мы говорили о взглядѣ раскольниковъ на преобразованія Петра, то ссылались на это сочиненіе. Въ этомъ случаѣ, пожалуй, мы допустили неточность, но не такую важную, чтобы г.

емъ только нѣсколько краткихъ замѣчаній объ этомъ предметѣ. И вопервыхъ, намъ кажется, что ученіе Страпниговъ объ отношеніи ихъ къ власти, какъ антихристу, и существующему порядку вещей доведено до самыхъ крайнихъ предѣловъ въ слѣдствіе того, что другіе раскольническіе толки, проповѣдую тоже ученіе о наступленіи царства сына погибели, ставили себя иногда въ такія отношенія къ власти, которыхъ Страпники никакъ не могли примирить съ мыслию о воцареніи на землѣ антихриста. Такъ, по обличеніямъ Страпниковъ, не только поповцы, но и безпоповцы—Поморцы, Оедосѣвцы, даже Филиповцы не только записывались подъ двойной окладъ, наложенный на раскольниковъ, и тѣмъ, по мнѣнію Страпниковъ, „антихриста признали правовѣрнымъ, а себя зловѣрными и отступниками“, не только брали въ случаѣ нужды паспорта, а вмѣстѣ съ ними и печать *звѣря*, но иногда во избѣжаніе преслѣдованій со стороны власти притворялись православными, записывались въ исповѣдныя росписи и даже въ случаѣ крайности, особенно предъ смертію, чтобы не встрѣчать препятствій къ погребенію, псевдовѣдывались у православныхъ священниковъ и причащались въ православныхъ церквахъ, принимали къ себѣ во время праз-

---

Щаповъ имѣлъ основаніе упрекнуть насъ за нее, такъ какъ онъ самъ пользовался этимъ сочиненіемъ для той же самой цѣли (русск. раск. старообр. стр. 106—9). Мало этого: мы сдѣлали даже уступку г. Щапову, когда, на основаніи сочпенія настоящаго столѣтія, говорили о недовольствѣ раскольниковъ гражданскими реформами Петра. Этимъ мы не хотимъ сказать, чтобы раскольники—современники Петра были довольны его преобразованиями, а только выражаемъ ту мысль, что при Петрѣ раскольники, вѣроятно, не такъ отчетливо объясняли себѣ реформы преобразователя въ смыслѣ антихристіанскихъ, какъ это случилось послѣ, но смотрѣли на нихъ просто, какъ на дѣла богопротивныя, противныя вѣрѣ и вѣковымъ преданіямъ, какъ на нечестивую иноземницу.

дниковъ православное духовенство и свѣтскихъ чиновниковъ, поступали на разныя должности—съ обѣщаніемъ служить вѣрой и правдой нечестивой власти, шли въ военную службу, или по крайней мѣрѣ нанимали вмѣсто себя рекрутъ и такимъ образомъ другихъ вводили въ нечестіе, даже принимали участіе въ построеніи православныхъ храмовъ, а „въ праздники и табельные царскіе дни плашки запалили и свѣчи салныя на окнахъ“,—однимъ словомъ старались во внѣшней жизни ни чѣмъ не отличаться отъ православныхъ, утѣшая себя тою мыслію, что вѣру можно соблюдать и „кромѣ устнаго исповѣданія въ сердцѣ и дѣлѣхъ“ (1). Такое двоедушіе раскольниковъ всѣхъ толковъ и лицемѣріе ихъ предъ властію—антихристомъ показали Странникамъ до того возмутительными и несогласными съ обязанностями истиннаго христіанина, что они рѣшились, вопреки всѣмъ своимъ собратіямъ по вѣрѣ, разорвать всѣ связи съ обществомъ, надъ которымъ властвуетъ сынъ погибели. И вотъ является ученіе, которое заповѣдуетъ истинному христіанину не только не подчиняться власти, какъ антихристіанской, и всѣмъ ея распоряженіямъ, но избѣгать рѣшительно всего, что могло бы какимъ бы то ни было образомъ связывать Странниковъ съ міромъ, въ которомъ царствуетъ сынъ погибели. Отъ того-то Странники не только не записываются въ ревизіи, не платятъ податей, не исполняютъ никакихъ государственныхъ и гражданскихъ постановленій, но считаютъ грѣхомъ даже жить среди православнаго насе-

---

(1) Кельсиев. вып. четв. стр. 274—277. Уменьшенію фанатизма раскольниковъ и болѣе замѣтному сближенію ихъ съ православнымъ обществомъ, по всей вѣроятности, способствовали снисходительныя мѣры противъ раскола Императрицы Екатерины II. Въ ея же царствованіе явилась и секта Странниковъ.

ніа и убѣгають (1) въ пустыню, въ которой одной, по ихъ мнѣнію, можно спастись, какъ чуждой власти антихриста. „Узнать истину невозможно иначе, говорилъ одинъ Странникъ на допросъ, какъ избѣжаніемъ властей и живя въ пустынь“ (2). Мысль о царствованіи на землѣ сына погибели не только легла въ основаніе всего ученія Странниковъ, но, такъ сказать, вошла въ плоть

(2) Мы не оспариваемъ мысли г. Щапова, что еще до появленія секты Странниковъ у насъ развито было до большихъ размѣровъ „бѣгство“. Бѣжали на волю крестьяне отъ „крѣпостности податной и помѣщичьей“, бѣжали солдаты отъ службы тяжелой, бѣжали—всѣ, недовольные правительствомъ за его стѣсненія земства,—бѣжали и раскольники... только послѣдніе бѣжали изъ селъ и городовъ въ лѣса и пустыни, а нерѣдко и за границу, не въ слѣдствіе указанныхъ причинъ, а по побужденіямъ чисто религіознымъ—изъ опасенія быть вынужденными принять „новую еретическую“ вѣру, или отъ гоненій на „старую истинную“ вѣру. А что это такъ, видно напр. изъ слѣдующихъ словъ вышедшей недавно за границей раскольничьей книги, подъ заглавіемъ: „церковная исторія“: „здѣсь по крайней-мѣрѣ возведемъ окрестъ мысленныя очи свои и пробѣжимъ общимъ взглядомъ не токмо по російскимъ предѣламъ, но и по всей Европѣ, а частью и Азіи для чувствительнаго понятія... како изъ той божественной ограды столь разгнаны были словесныя оцы, что наполнились ими горы и холмы и непроходимыя дѣбри. Населились отъ вѣковъ незаселяемыя отдаленныя сибирскія и кавказскія горы; умножились російскимъ народомъ области: малороссійская, белорусская, польская и бессарабская. Надѣлились тѣмъ же удѣломъ въ значительномъ числѣ цѣлыхъ обществъ многія державы: Турція европейская и азіатская, Валахія, Молдавія, Австрія и Пруссія. И се таковое безчисленное множество російскаго народа, и многое число духовенства, отъ иноческаго и священническаго чина, *единственно по причинѣ невозможности внутри Россіи содержать древле-церковныя чиновы и уставовы*, которое тамъ запрещено было подъ жестокимъ притѣсненіемъ и казнію, вынуждены были оставить всю приверженность свою къ отечественной природѣ, и искать прибѣжища и свободы *впрѣи чужихъ предѣлахъ*“ (ч. III, стр. 148—9). Странно только, что г. Щаповъ какъ бы не обращаетъ вниманія на эти слова, приведенныя имъ въ статьѣ: „Бѣгуны“, и по прежнему бѣгство раскольниковъ и въ частности Странниковъ объясняетъ недовольствомъ народа налогами, податями, рекрутчиной и другими стѣснительными для земства распоряженіями власти („Время“—„Бѣгуны“, ст. 2-я въ концѣ).

(2) Сборн. прав. распор. о раск. Кельсиева, выпускъ четверг. стр. 264.

и кровь сектантовъ, такъ что они видятъ печать антихриста даже въ такихъ вещахъ, которыя не только не стѣснительны для земства, но еще приносятъ ему несомнѣнную пользу. Такъ напр. Странники отъ всей души ненавидятъ учреждаемые на случай голода, по распоряженію правительства, запасные хлѣбные магазины, и пользоваться пособіемъ изъ этихъ магазиновъ считаютъ грѣхомъ непростительнымъ. Это отъ того, что для получения хлѣба изъ запаснаго магазина нужно взять билетъ съ печатью, которая, по мнѣнію Странниковъ, есть скверная печать антихристовъ (1). Или чтó напр. нужнѣе въ житейскомъ быту можетъ быть денегъ? Однакоже странники (хотя и не всё) и ихъ не берутъ въ руки, потому что на деньгахъ двуглавый орелъ—тоже антихристовъ печать. Скажутъ, пожалуй, что все это—маска, хитрость, употребляемая сектантами для того, чтобы скрыть свои заднія мысли—граждански-демократическія? Но во первыхъ, что за расчетъ отказываться отъ денегъ, когда онѣ—необходимая статья для всевозможныхъ предпріятій? Во вторыхъ—раскольники другихъ толковъ, знающіе, разумѣется, больше нашего тайны и задушевныя стремленія своихъ собратій, прямо говорятъ, что Странники сами чуждаются денегъ и другихъ осуждаютъ за владѣніе ими именно въ слѣдствіе мысли, что на нихъ печать антихриста. Вотъ что говорится напр. въ одномъ ѳедосѣевскомъ сочиненіи, написанномъ въ опроверженіе взгляда Странниковъ на деньги. „Портреты и литеры царскія на златѣ и сребрѣ и при тѣхъ царяхъ (нечестивыхъ) были и не безъ ума: каковъ царь, таковъ портретъ и на деньгахъ и литера. И Христось вопросы: чіе лице, указуя сребрен-

(1) Кельсіев. вып. четвер. стр. 254 и 290.

никъ? Отвѣща же: кесаревъ. И рече: воздадите убо Кесарева Кесареви, а Божія Богови. Виждь отъ сего и разумѣй—деньги не касаются вѣры, непротивны закону, аще кто съ разумомъ имѣеть ихъ. Злато и сребро Богомъ сотворены: продать, купить и милостыню сотворить, свѣчу и масло купить въ жертву Богу и на всякую потребу. Многіе святые куплю творили: зри о томъ въ прологахъ и четьминейхъ“ (1). Чтобы понять такое фанатическое нерасположеніе странниковъ ко всему, что исходитъ отъ власти, нужно припомнить, что тогда какъ другіе безпоповцы проповѣдуютъ духовное или разумное пребываніе въ мірѣ антихриста, по ученію странниковъ, сынъ погибели царствуетъ нынѣ чувственно—въ лицѣ царей слѣдующихъ одинъ за другимъ. „По вѣрѣ моей разумію, говорилъ на допросѣ 1851 года одинъ страннической наставникъ, Осипъ Семеновъ,— что теперь пришелъ антихристъ, который явился не въ одномъ человѣкѣ, а во множествѣ людей постепенно; со времени отставшаго отъ вѣры патріарха Никона царство антихристово настало и представитель этого царства есть вашъ господинъ Императоръ, какъ потомокъ Петра Великаго, до котораго еще можно было жить въ мірѣ, не укрываясь въ пустыню, но съ народной переписи нельзя спастись въ мірѣ“ (2). „Зри и внимай, писалъ въ наставленіе своимъ ученикамъ одинъ едосѣевскій наставникъ, не плотію антихристъ царствуетъ, но невидимо и разумно, а не такъ, какъ бѣгуны говорятъ. Во плоти всякому-бы можно видѣть, а кольми паче бы тому болѣе видѣть можно, кто по куплямъ обходитъ разныя государства, но не тако, а Богъ даль

(1) Кельсиев. вып. четв. стр.233—4.

(2) Тамъ же, стр. 285.

разумѣть то незлобивымъ сердцамъ“ (1). Съ другой стороны не мало усиливали враждебный взглядъ Странниковъ на власть и все, что отъ нея исходитъ, стѣснительныя мѣры противъ раскольниковъ. „Въ книгѣ Хронографъ я читалъ, признавался на допросѣ тотъ же Осипъ Семеновъ, что св. отцы велѣли платить дань и Діоклитіану царю, если не будетъ стѣснять ихъ, иначе не признавать его власти; и я платилъ бы дань вашему Государю, если бы онъ не запрещалъ намъ исповѣдывать истинную вѣру, и признавалъ бы его власть“ (2). „Аще вы, царю, заключилъ свое показаніе другой Странникъ въ 1848 году, повелиши соблюсти православную вѣру, якоже днесъ пребываю, долженъ воздать дань, честь и поклоненіе; аще же ни, то ниже чести, ниже поклона, ниже дани, что и подписую собственноручно Дометіанъ Теофановъ, рабъ Христовъ“ (3). Такимъ образомъ очевидно, что Странники не признаютъ существующей власти не по демократически—демагогическимъ стремленіямъ своимъ къ анархіи, къ безначалію, не потому, что бы имъ была ненавистна власть вообще сама по себѣ, но потому, что цари, по мнѣнію сектантовъ, нечестивы, антихристы. „Царя и власть считаю нужными, говорилъ на допросѣ тотъ же Дометіанъ Теофановъ, потому что ни одна земля безъ царя быть не можетъ; но того, по повелѣнію коего Странниковъ и христіанъ содержать въ темницахъ, за царя не почитаю, а за мучителя“ (4). „Подъ сводъ законовъ не подхожу, говорилъ другой фанатикъ, потому что Государь расколь-

(1) Кельсіев. вып. четв. стр. 235, снес. стр. 275.

(2) Тамъ же, стр. 285.

(3) Тамъ же, стр. 287.

(4) Тамъ же.

никъ; христианиномъ его не признаю, потому что онъ отсталъ отъ истинной вѣры,—и потому власти его не подчиняюся. Пусть, что хочеть, со мной творить: вѣрно Господь меня предалъ, я долженъ воспріять и смерть. Если бы вздумалъ признать власть Государя, то облянулъ бы этимъ Бога“ (1). А послѣ этого не трудно уже понять, какой смыслъ имѣеть проповѣдь Странниковъ о равенствѣ всѣхъ, о свободѣ и проч. Не признавая власти государей и поставленныхъ имъ чиновъ, какъ нечестивыхъ, Странники естественно пришли къ мысли, что нынѣ, когда нѣтъ и не можетъ быть благочестивой власти, всѣ христіане (т. е. они и, пожалуй, другіе раскольники) должны быть равны между собою, какъ слуги одного и тогоже Царя небеснаго, а не какъ граждане одного и тогоже государства. Потому что Странники очень хорошо знаютъ, что разные „чины и власти“ существовали у насъ и въ то время, когда, по ихъ мнѣнію, въ Россіи царствовало православіе и благочестіе. „Властей мірскихъ я признаю только тѣхъ, говорилъ одинъ раскольникъ на допросѣ 1855 г., кои поставлены были царемъ, а не императоромъ. Начальниковъ надъ нами *правовѣрными* нынѣ вовсе нѣтъ никакихъ, а прежде были бояре и воеводы„ (2). Свобода же, какой добиваются Странники и которую проповѣдуютъ они со всѣмъ жаромъ, это не свобода отъ всякаго начальственнаго надзора и контроля, нерѣдко стѣснительнаго и несправедливаго, не воля—дѣлать всякому, что ему угодно, но свобода религіозная, свобода Христовой (3) вѣ-

---

(1) Кельсіев. вып. четвер. с. р. 285.

(2) Тамъ же, стр. 221.

(3) Тамъ же, стр. 276.

ры которую исповѣдуютъ сектанты, — независимость отъ властей, которыя нечестивы (1), „свобода евангельская, или независимость отъ міра, который весь во злѣ лежитъ, такъ какъ крестоносець долженъ быть внѣ міра“ (2). „Покорившіеся ему (указу 1722 г. — о томъ, чтобы раскольники, записавшіеся подъ двойной окладъ, ученія своего не распространяли и книгъ старыхъ у себя не держали) трижды отреклись отъ Христа, писалъ Евѣимій въ 1787 г. къ московскимъ старцамъ, ибо, назвавшись раскольниками, Никона отступника со всѣми послѣдователями правыми быти разрѣшиша, ересь его оправдаша, и весь соборъ святыхъ съ самимъ Господомъ осудиша, сирѣчь Его ученіе похулиша. У нечестивыхъ бо просиша, дабы имъ позволили вѣру Христову пріяти, яко какую купленную рабу“ (3). И въ другомъ мѣстѣ: „нѣсть этого видѣти въ писаніи, егда бо познавъ истину челоувѣцы, у нечестивыхъ властей своихъ спрашивались, да позволятъ имъ вѣру Христову имѣти, но содѣяша бо вѣру во Христа раболѣпну. Вы (Федосѣевцы и Филиповцы) егда во 2 и 3 ревизіи требовасте, да позволятъ вамъ ону имѣти, безстудное и скверное дѣло сіе являете быти. Имя бо Христово преславно и свято, паче же и христоименито есть: сего ради и мы Христовы люди нарекохомся“ (4).

Наконецъ не малымъ подтвержденіемъ того, что Странники возвели въ догматъ бѣгство для освобожденія себя не отъ „крѣпостности“ всякаго рода, тяжелой для народа, а отъ подчиненія антихристу, могутъ служить

(1) Кельсiev. вып. четв. стр. 255.

(2) Тамъ же, стр. 274.

(3) Тамъ же, стр. 255.

(4) Тамъ же, стр. 267.

такъ называемые бѣгуны *мірскіе* или *жиловые*. Известно, что секта Странниковъ раздѣляется на два разряда: на *бѣгуновъ странствующихъ*, которые разрываютъ всѣ связи съ обществомъ и дѣлаются въ собственномъ смыслѣ бродягами, проводя всю жизнь въ переходахъ съ одного мѣста на другое, и на *странниковъ жиловыхъ, мірекиихъ*, которые, и послѣ принятія странническаго ученія, живутъ въ городахъ и селахъ, ни чѣмъ не отличаясь отъ другихъ раскольниковъ, и только при концѣ жизни предаются недолговременному и недалекому странствованію, а иногда предъ самою смертію ограничиваются только переходомъ изъ одного дома въ другой, чтобы умереть Странникомъ. Еслибы секта Странниковъ проповѣдывала бѣгство, какъ средство къ выходу изъ тяжелаго положенія, въ какомъ находятся низшіе классы нашего общества, благодаря „крѣпостности правительственной, ревизской, паспортной, подушно-податной, служебной, помѣщичьей и церковно-іерархической“, въ такомъ случаѣ *бѣгуны мірскіе* составляли бы необъяснимое явленіе въ сектѣ. Потому что, живя въ обществѣ, они не освобождаются отъ тяжелыхъ обязанностей и отношеній къ власти, и принятіе ими странническаго ученія въ такомъ случаѣ представляется безсмыслицей. Еще большей безсмыслицей должно признать тогда обычай *мірскихъ бѣгуновъ* предаваться странствованію хотя не надолго, хотя предъ смертію. Г. Щаповъ говоритъ, что странство для *мірскихъ бѣгуновъ* — одна только *формальность*. Но кромѣ того, что подобный взглядъ на дѣло не мирится съ основною идеею ученія Странниковъ, есть основаніе думать, что странствованіе, которому предаются хотя не надолго *мірскіе бѣгуны*, составляетъ, по ученію сектантовъ, самый важ-

ный шагъ въ ихъ жизни, безъ котораго невозможно самое спасеніе. Такъ, по словамъ самого г. Шапова, въ 1812—13 годахъ между Странниками шелъ споръ о томъ, должно ли крестить вступающихъ въ ихъ согласіе до выхода ихъ въ странство. Подобнаго спора не могло бы и быть, еслибы странствованіе для мірскихъ бѣгуновъ, по мысли сектантовъ, было одною только формальностію. Тогда и самое прекрещиванье не имѣло бы смысла. А между тѣмъ оно заповѣдуется основателями секты Странниковъ, какъ основной догматъ (1). Но если существованіе въ сектѣ Странниковъ мірскихъ бѣгуновъ представляется нелѣпностію — въ томъ случаѣ, когда мы будемъ смотрѣть на сектантовъ, какъ на гражданскую общину, рѣшившуюся выдѣлиться изъ общей жизни русскаго сдавленнаго простонародья, по чисто житейскимъ расчетамъ, — то при взглядѣ на Странниковъ, какъ на общину релігіозную, указанное явленіе объясняется очень просто. Ученіе Странниковъ по своей смѣлости не можетъ не нравиться многимъ любителямъ старины, нарушенной Петромъ I. Но жертвы, какихъ требуетъ это ученіе, до того велики, что не всякій можетъ рѣшиться на нихъ. И вотъ являются люди, которые, вполне сочувствуя мыслямъ сектантовъ, не имѣютъ однакоже въ себѣ достаточно силъ, чтобы мысли эти прилагать къ дѣлу, къ жизни, и потому, поступивъ въ секту, остаются до времени въ антихристовомъ царствѣ, не чуждомъ въ которыхъ и пріятныхъ для ихъ жизни вещей, и только предъ смертію, когда уже житейскіе интересы теряютъ цѣну для человѣка, предаются нелегкому странствованію, какъ единствен-

(1) Кельсиев. вып. четвер. стр. 270.

ному средству освободиться отъ власти антихриста и приобрести вѣчное спасеніе. Мірскіе бѣгуны—это, по нашему мнѣнію, люди, для которыхъ дѣло вѣры и спасенія—не послѣдняя статья, но и не до такой степени важная, чтобы они готовы были жертвовать ему всѣми благами міра сего, т. е. люди, какихъ не мало можно найти и въ православномъ обществѣ. Если позволить сравненіе, то жилые бѣгуны по своему отношенію къ вѣрѣ и вѣчному спасенію могутъ быть сравнены съ тѣми христіанами первыхъ вѣковъ Церкви, которые, познавъ истину Христову еще въ молодости, отлагали однакоже рѣшительное вступленіе въ Церковь посредствомъ крещенія до старости, или по крайней мѣрѣ до болѣзни, и дѣлали это потому, что считали тяжелымъ разстаться до времени съ прежнею, пріятною для чувственности, язвическою жизнію и обречь себя на подвиги благочестія, требуемые Евангелиемъ. Это—люди, религиозное настроеніе которыхъ обозначено еще въ Апокалипсисѣ (III, 15 и 16).

Такимъ образомъ, какъ всякій можетъ видѣть изъ всего вышесказаннаго, не только вообще въ расколѣ, но и въ самыхъ крайнихъ по своимъ выводамъ безнормальныхъ толкахъ раскольническихъ, нѣтъ ничего противогосударственнаго въ смыслѣ политически демократическомъ, а есть только большее или меньшее нерасположеніе къ власти и ея постановленіямъ въ слѣдствіе религиознаго разномыслія съ нею и—немирнолюбиваго отношенія ея къ заблуждающимъ. Поэтому смотрѣть на расколъ, какъ на чисто политическую, а не религиозную, общину и предполагать въ немъ какія то граждански-демократическія тенденціи, значить, по нашему мнѣнію, или не знать раскола и его стремленій,

или еще хуже—клеветать на него... Богъ знаетъ, для какихъ цѣдей. И однакоже подобный взглядъ на расколъ существуетъ (хотя появился въ литературѣ очень недавно) и признается большинствомъ свѣтскихъ писателей, единственно вѣрнымъ. На какихъ же основаніяхъ опирается такой взглядъ и насколько прочны эти основанія? О многомъ, что приводитъ въ доказательство граждански-демократическаго направленія раскола, у насъ уже была рѣчь и—не въ пользу основательности такого мнѣнія. Теперь коснемся коротко другихъ основаній, приводимыхъ защитниками „новаго взгляда“ на расколъ.

Прежде всего г. Щаповъ указываетъ, какъ на доказательство гражданскаго демократизма раскольниковъ, на бунтъ Стеньки Разина (стр. 46—7). Но въ бунтѣ Стеньки Разина видѣтъ вмѣстѣ и бунтъ раскола, по нашему мнѣнію, болѣе, чѣмъ несправедливо. Если донскіе казаки, принимавшіе участіе въ этомъ народномъ движеніи, и были раскольниками, такъ это потому, что въ то время и очень многіе изъ православныхъ были въ извѣстномъ смыслѣ раскольниками, т. е. крестились двумя перстами и содержали другія обрядовыя различія, признанныя послѣ неправильными. Въ то время, какъ буйствовалъ Разинъ, раскола, какъ отдѣльнаго отъ Церкви и государства общества, еще не было. Точно также и бунтъ Соловецкій ничего не говоритъ въ пользу мысли г. Щапова (стр. 48). Правда, бродяги изъ шайки Стеньки Разина, скрывшіеся въ Соловецкомъ монастырѣ отъ преслѣдованія закона, высказывались прямо противъ царской власти; но лица, которые защищали дѣло раскола, находились совершенно въ другихъ отношеніяхъ къ царю. Какъ мы уже гово-

рили, они прежде посылали Алексею Михайловичу челобитную, въ которой, изъясняя полную покорность царю, просили только одного, чтобы имъ позволено было служить по старопечатнымъ книгамъ. И если послѣ, въ слѣдствіе отказа на ихъ просьбу, рѣшились на открытое сопротивленіе власти, то сдѣлали это противъ воли, по принужденію,—потому, что бывшіе въ монастырѣ мятежники изъ шайки Разина захватили въ свои руки всю власть и, сдѣлавшись сами противниками царю, требовали того же и отъ другихъ. Какъ гласить правдивая исторія, многіе жители Соловецкаго монастыря, не желая оказаться противниками царской власти, просились вонъ изъ монастыря, другіе бѣжали изъ него тайно, и даже самъ Геронтій, авторъ челобитной, написалъ „приговоръ, чтобы противъ государевыхъ людей не биться и монастыря не запираать“, за что и попалъ въ темницу. Такихъ ли людей обвинять въ гражданскомъ демократизмѣ? Что же касается пудожскихъ движеній Емельяна Иванова, Власки „лихаго вора“ и другихъ (стр. 49), то и на нихъ нельзя смотрѣть, какъ на граждански-демократическія движенія раскола. Это были движенія религіознаго фанатизма, вызванныя преслѣдованіями раскола со стороны правительства и кончавшіяся, какъ извѣстно, тѣмъ, что, будучи не въ состояніи отстоять предъ войскомъ свою древнюю вѣру, фанатики сожигались, въ надеждѣ получить мученическій вѣнецъ.

Гораздо серьезнѣе указаніе г. Щапова на бунты стрѣльцкіе, бывшіе въ Москвѣ въ 1682 году, по смерти Федора Алексѣевича (стр. 52 — 4). Но если справитъ ся съ исторіей и смотрѣть на ея свидѣтельства безъ всякой предзанятой мысли, въ такомъ случаѣ и въ

этихъ бунтахъ мы не найдемъ достаточнаго основанія обвинять расколъ въ гражданскомъ демократизмѣ, въ стремленіяхъ политическихъ. Прежде всего бунтъ стрѣльцовъ, начавшійся 15-го мая 1682 года и продолжавшійся три дня, не имѣлъ никакого отношенія къ расколу. Тутъ дѣйствовали одни стрѣльцы, престо какъ стрѣльцы, а не какъ раскольники, — дѣйствовали не противъ власти, а напротивъ въ ея пользу, дѣйствовали притомъ по просьбамъ и прямому внушенію Софьи и Милославскаго, имѣвшихъ въ виду свои цѣли. Софья хотѣлось устранить отъ управленія царствомъ Петра и самой сдѣлаться правительницей государства за „скорбностію головы“ Іоанна; и вотъ для достиженія этой цѣли она обращается за помощію къ стрѣльцамъ, потому что въ нихъ заключалась тогда вся сила, вступаетъ съ ними въ сдѣлку и намѣренно позволяетъ имъ буйствовать въ Москвѣ. Второй бунтъ стрѣльцовъ, кончившійся соборомъ въ Грановитой палатѣ, дѣйствительно былъ бунтомъ раскола. Но чего домогались стрѣльцы, руководимые Хованскимъ, подстрекаемые Никитой Пустосвятомъ и другими вождями раскола? Достаточно прочесть челобитную, поданную стрѣльцами-раскольниками на соборъ, и еще сочиненіе Саввы Романова, раскольника, очевидно описываемыхъ событій, чтобы видѣть, что всѣ стремленія этого движенія были направлены къ одному: возстановить въ Москвѣ и во всемъ царствѣ старую вѣру. О ниспроверженіи власти у стрѣльцовъ-раскольниковъ не только не было и мысли, напротивъ они прямо говорили Софьѣ, своей прежней покровительницѣ, а теперь дѣйствовавшей уже противъ мятежниковъ: „пора вамъ, Государыня, давно въ монастырь; полно вамъ царство мутить; намъ бы

дари были здоровы, а и безъ васъ пусто не будетъ^(*): Правда Милославскій, встрѣтивъ въ Хованскомъ соперника и желая уронить его въ глазахъ Софьи, писалъ ей: „Хованскій питаетъ опасные замыслы. Онъ не безцѣли ласкаетъ стрѣльцовъ, привязываетъ ихъ къ себѣ всевозможными снисхожденіями и въ тоже время возстановляетъ противъ правительства. Онъ замышляетъ истребить знатнѣйшихъ бояръ, духовенство и самый домъ царскій и сдѣлаться царемъ русскимъ“^(†). Но если Милославскій и не клеветалъ на Хованскаго, все же замыслы послѣдняго несправедливо было бы связывать съ расколомъ—потому только, что Хованскій былъ раскольникъ и въ подчиненіи у себя имѣлъ стрѣльцовъ—раскольниковъ же. Софья не была раскольницей; однакоже пользовалась услугами стрѣльцовъ, чтобы погубить родственниковъ Петра—Нарышкиныхъ.

Послѣ всего сказаннаго нами уже можно видѣть несправедливость мысли г. Щанова, будто расколъ есть нечто иное, какъ воплощеніе духа Стеньки Разина, духа стрѣльцовъ, будто въ немъ возведена въ доктрину всѣ элементы бунтовъ народныхъ (стр. 52). Если расколъ и принималъ иногда участіе въ народныхъ движеніяхъ, (какъ было и послѣ указанныхъ бунтовъ, напр. во время бунта въ Астрахани (1705 г.), при Пугачевѣ и др.); то вовсе не для того, чтобы выразить свою оппозицію власти и достичь какихъ-либо граждански-демократическихъ цѣлей, а просто или по увлеченію, свойственному массѣ народной, или поддающейся обольщенію людей смѣлыхъ и дитрыхъ, или

(*) Муравьевъ раск. обличаем. своею истор. стр. 109.
(†) Русск. Вѣстн. 1856 г. ст. „правленіе царевны Софьи“, стр. 394.

всего чаще — съ цѣлю отстоять свою старую вѣру, а если можно, то сдѣлать ее и господствующею на Руси святой (1). И мы думаемъ, что мечты нѣкоторыхъ о томъ, будто въ расколѣ таится гражданскій демократическій элементъ, которымъ при случаѣ можно воспользоваться, не болѣе, какъ мечты. Русокому человѣку не по натурѣ подобныя затѣи, а расколъ, провозгласившій, какъ догматъ, какъ несомнѣнную истину, что имъ уже царствуетъ антихристъ, всего менѣе способенъ отдаваться какимъ-либо надеждамъ на лучшее будущее. Въ этомъ случаѣ мы вполне согласны съ г. Мельниковымъ, который говоритъ, что для раскола идеаль гражданскаго устройства существуетъ въ отдаленномъ, невозвратномъ прошедшемъ, а въ будущемъ ему представляется только грозный приракъ антихриста, который долженъ пасть, но не отъ руки людей, а отъ десницы Самого Иисуса Христа, какъ сказано въ Апокалипсисѣ; а за паденіемъ антихриста немедленно наступитъ воскресеніе мертвыхъ, страшный судъ, райскія утѣхи для вѣрныхъ и вѣчный огонь, вѣчный скрежетъ зубовъ для невѣрныхъ. Торжества своихъ общинъ раскольники не ожидаютъ: такое торжество было бы противно ихъ религіознымъ вѣрованіямъ... Поэтому рассчитывать въ будущемъ на какую либо политическую дѣятельность раскольниковъ, какъ гражданской партіи, какъ *status in statu*, значитъ не понимать ни бывшаго, ни тѣмъ еще менѣе (болѣе) современнаго духа раскола... Что бы ни предстояло Россіи въ будущемъ, раскольники, по духу своихъ вѣрованій, не только неспособны быть политическими дѣятелями, но

(1) Раскол. дѣл. т. II, стр. 100—107.

даже и орудіемъ таинкѣ дѣятелей... Она сѣбно и неразумныя благоговѣнность только предъ вѣщностію, передъ обрядомъ давно умершей старины. Симпатіи ихъ только въ ней одной, и отъ того на современное состояніе общества они смотрять, какъ на состояніе упадка, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ на отверженіе русской народности, а на будущее, какъ на еще болѣеій упадокъ. Это—Лотова жена, обернувшаяся назадъ и оставшаяся неподвижною“ (1). Признавая вполне справедливыми приведенныя слова, мы не хотимъ сказать, что раскольники довольны существующимъ порядкомъ государственной и общественной жизни,—нѣтъ, они признають его неправильнымъ, даже неправославнымъ, еретическимъ, антихристіанскимъ, только далеки отъ мысли перемѣнять его на другой, такой, о какомъ мечтають наши либералы. Другими словами: въ настоящемъ порядкѣ вещей раскольники видятъ дурную сторону не въ стѣсненіи государствомъ древнихъ правъ и привилегій русскаго народа, не въ абсолютизмѣ власти, не въ централизаціи, не въ преобладаніи государственной казны въ ущербъ земству, а въ сочиненности порядка на нѣмецкій еретическій ладъ, по иноземнымъ поганымъ образцамъ, съ нарушеніемъ древнихъ обычаевъ благочестивыхъ и православныхъ,—въ томъ, что „нынѣ царь не въ бородѣ, одѣтъ не въ парчу и жемчугъ, не водится подъ руки боярами, тоже бородатыми, не пьющими проклятаго зелья—табаку“,—что „по судамъ нынѣ сидятъ не бородатые бояре, по городамъ не бородатые воеводы“, что нынѣшніе судьи не строго соблюдаютъ посты, не ходять по субботамъ въ баню,

---

(1) Письм. о раск. стр. 91—2.

а по воскресеньямъ—за крестными ходами, не ѣздить часто по святымъ обителямъ на богомолья, дозволяютъ народу „бѣсовскія игры и ристалища, яже отъ Бога отводять, къ бѣсомъ же на пагубу приводятъ“, не истребляютъ театры, не запрещаютъ танцы, музыку, маскарады, не воздвигаютъ гоненія на богохульное, заморское просвѣщеніе, не судятъ по градскому закону Кормчей книги и пр. и пр. (1). Вотъ чего хотѣлось бы раскольникамъ, вотъ ихъ идеаль гражданской и политической жизни. Очевидно, въ подобныхъ желаніяхъ нѣтъ ничего противогосударственнаго, а видна только привязанность раскольниковъ къ старинѣ, соединенная съ щепетильнымъ религіознымъ взглядомъ на вещи, по которому самыя условія гражданского и общественнаго быта имъ хотѣлось бы подчинить религіозному обряду, церковному вліянію. А что слова наши не фантазія, а дѣйствительная правда, въ этомъ убѣждаютъ насъ сочиненія самихъ раскольниковъ такихъ толковъ, которые по справедливости считаются крайними въ расколѣ по оппозиціи ихъ правительству. Такъ напр. Странники, не только не признающіе никакой власти, какъ антихристіанской, но даже возставшіе противъ общественныхъ и семейныхъ узъ, рисуя идеаль гражданского общества, царя не только считаютъ первымъ звѣномъ въ этомъ колесѣ, но трактуютъ его, какъ *солнце на земль*, какъ *Христово намѣстника*, только имъ хотѣлось бы, чтобы царь былъ благочестивый и „управлялъ бы отъ всякихъ неподобныхъ дѣлъ, кои богопротивны“, напр. „отъ піанства и отъ бѣсовскихъ пѣсенъ и въ воскресенье торговать запрещалъ и про-

---

(1) Письм. о раск. стр. 87.

чія Богу неугодна дѣла“ (1). Скажемъ короче: раскольники могутъ возставать противъ правительства, если оно слишкомъ немилостиво будетъ относиться къ нимъ; но отвергать вообще царскую власть не въ духъ раскола, какъ и вообще не въ духъ русскаго народа.

Послѣ всего сказаннаго нами о несостоятельности тѣхъ данныхъ, на которыхъ г. Щаповъ основываетъ свой взглядъ на расколъ, какъ на гражданскую, демократическую, антигосударственную общину, неизбежно рождается вопросъ: какъ могла явиться мысль, будто въ расколъ таится политическое, противогосударственное начало? Не высказывая никакихъ соображеній о субъективныхъ побужденіяхъ къ такому взгляду на расколъ, мы укажемъ только объективныя основанія, которыя, по нашему мнѣнію, могли подать поводъ приписывать расколу гражданскія, демократическія стремленія. Подобнымъ основаніемъ могли послужить существующія въ Россіи секты, которыя подъ религіозной оболочкой дѣйствительно скрываютъ политическія тенденціи и ждуть торжества своихъ партій еще въ настоящей жизни. Таковы молокане, скопцы, хлысты и др. Тагъ молокане ждуть Араратскаго царства, паденія Ассура (если читать на оборотъ, то выйдетъ: русса) и тысящелѣтняго всемірнаго покоя. Хлысты и скопцы ожидаютъ торжественнаго возвращенія „изъ невѣдомой Иркутской стороны ихъ искупителя-батюшки царя Петра III-го Оеодорыча“. Тѣ и другіе думаютъ, что когда осуществится ихъ чаяніе, наступитъ золотой вѣкъ. Но этотъ золотой вѣкъ наступитъ, по ихъ мнѣнію, только тогда, когда падетъ царствующая династія и воцарится

(1) Письм. о раск. стр. 90.

истинно законный, но страждущий теперь государь Петръ Федорычъ. Такой бредъ, при всей его дикости, дѣйствительно можетъ имѣть дурныя послѣдствія и для государства и для власти, особенно если взять во вниманіе необыкновенную простоту и довѣрчивость нашего народа ко всевозможнымъ таинственнымъ разсказамъ. Эта довѣрчивость въ массахъ обыкновенно спитъ, но только до поры, до времени. Изувѣрство, особенно въ рукахъ неблагонамѣренности, можетъ разбудить ее и направить къ произведенію большихъ безпорядковъ. Примѣръ недалекъ. Всякій знаетъ то несчастное время, когда тоже самое имя, которое скопцы почитаютъ живымъ и безсмертнымъ, было присвоено простымъ казакомъ, и народъ увлекся въ слѣдъ за нимъ мятежными волнами, и нашлись даже священники, которые потому только не исполнили приказанія самозванца поминать на эктеніяхъ супругу его „благовѣрную государыню императрицу Устинью Никифоровну“, что не имѣли на то указа изъ св. Синода... Но относить всѣ указанные нами секты къ расколу и считать ихъ за одно съ нимъ значитъ не понимать дѣла, не знать ни раскола, ни означенныхъ сектъ. „Въ простомъ народѣ, говорить г. Мельниковъ, который собственныя дѣла если не постигаетъ ясно, то всегда чуетъ вѣрно, ни духоборцы, ни молокане, ни хлысты, ни скопцы и имъ подобные не считаются и не называются раскольниками. Эти *темныя*, по выраженію самого народа, секты существуютъ у насъ совершенными особняками: не только православныя, но и самыя раскольники дичатся послѣдователей этихъ сектъ, питаютъ къ нимъ какое-то отвращеніе и даже суевѣрный страхъ, весьма близкій къ страху чорта или вѣдьмы, считаютъ ихъ каки-

ми-то загадочными кудесниками, плюютъ и крестятся при одномъ воспоминаніи объ нихъ. По понятіямъ простаго народа, и православнаго и раскольниковъ, эти сектаторы — такое явленіе, которое ни на что не похоже въ обычномъ ходѣ и развитіи русской народной жизни. И всѣ послѣдователи этихъ сектъ отрѣшаются отъ интересовъ современной гражданской жизни простаго русскаго народа, они совершенно равнодушны къ успѣхамъ развитія этой жизни, еще менѣе имѣютъ они сочувствія къ преданію, ко временамъ прошлымъ. Для нихъ все въ ихъ баснословномъ будущемъ“ (1). Дѣйствительно стоитъ познакомиться хотя бѣгло съ ученіемъ указанныхъ сектантовъ, чтобы видѣть, что они не имѣютъ ничего общаго съ раскольниками. Тогда какъ послѣдніе ратуютъ за одну букву въ имени Спасителя: Исусъ, первые смѣло изобрѣли себѣ новаго Батюшку-искупителя и воздаютъ ему божеское почитаніе. Тогда какъ раскольники ставятъ намъ въ вину то, что въ молитвѣ Богородицѣ мы читаемъ: *благодатная* вмѣсто: *обрадованная*, скопцы не задумались приобрѣсть себѣ новую богородицу — Агулину Ивановну. Однимъ словомъ: указанные сектанты, по своему ученію, не только не раскольники, но даже не еретики, а совершенно антихристіане. А между тѣмъ г. Щаповъ, развивая свой взглядъ на расколъ, какъ на гражданскую, демократическую общину, пользуется для своей цѣли ученіемъ и указанныхъ сектъ (стр. 39, 40, 43—47 и др.). Справедливо ли это, можетъ видѣть всякій.

---

(1) Письма о раск., стр. 81—2.

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

indicated by

**BRITTLE DO NOT
PHOTOCOPY**

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

0055596177

NEH

PRESERVATION MICROFILMED

**BRITTLE DO NOT
PHOTOCOPY**

45304

